

Умная и остроумная лав-стори.

Observer

Дженни КОЛГАН

Детский ресторанчик на берегу

От этой книги
у вас потеплеет на сердце...

Closer

Annotation

Флоре Маккензи двадцать шесть, она до сих пор не замужем и у нее даже нет парня. Ну как тут познакомишься, когда из дома на работу, с работы домой – в переполненном вагоне лондонского метро... Свидания через «Тиндер»? С этим ей не слишком везет, к тому же она давно и безнадежно влюблена в своего босса Джоэла, который ее совсем не замечает. Кажется, жизнь превращается в сплошную рутину... Но в один прекрасный день все меняется: босс поручает Флоре разрешить проблему важного клиента, купившего недвижимость на маленьком шотландском острове, откуда родом она сама. Ох как ей не хочется ехать туда! Но это дело решенное, и Флора отправляется в путь. Она еще не подозревает, что вскоре станет хозяйкой маленького ресторана и это перевернет ее прежние представления – и о жизни, и о себе самой.

Впервые на русском!

- [Дженни Колган](#)
  -
  -
  - [От автора](#)
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
-

- [Благодарности](#)
  - [Рецепты](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Дженни Колган Летний ресторанчик на берегу

Jenny Colgan

THE SUMMER SEASIDE KITCHEN

Copyright © 2017 by Jenny Colgan

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and
Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Карта выполнена Юлией Каташинской

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

*Посвящается медсестрам.
Потому что вы изумительны!*

От автора

Привет! Если это первая из моих книг, которую вы читаете, – добро пожаловать! Я искренне надеюсь, что она вам понравится. А если вы уже читали мои книги, то огромное и сердечное вам спасибо! Так приятно встретиться с вами снова, и, вау, вы прекрасно выглядите! Вы что, перекрасили волосы? Вам это очень к лицу!

Добро пожаловать в «Летний ресторанчик на берегу»! В отпуск вы, конечно, отправляетесь в самые разные места, но при этом не тратите много времени на то, чтобы как следует узнать свою собственную страну. Я это знаю точно, потому что, прочитав эти строки, мой дорогой друг Уэсли будет фыркать и закатывать глаза, ведь мы дружим уже больше двадцати лет, а я ни разу не навестила его в Белфасте. Итак, я намерена пойти дальше: когда в прошлом году, после десятилетий, проведенных за границей, я вернулась в Шотландию, то решила все исправить.

Прежде я никогда не проводила время в Горной Шотландии и на островах, потому что родилась в южной ее части, так что теперь я пользуюсь любой возможностью, чтобы побывать в тех местах и все изучить, а в острова я влюбилась сразу же.

Там огромные белые пляжи, странные древние сооружения, плоские безлесные равнины – деревья не могут расти под такими сильными ветрами, – а еще бесконечные летние ночи, когда темнота не приходит вообще. Льюис и Харрис, Бьют, Оркни и в особенности Шетланд, одно из самых странных и чудесных мест во всем Соединенном Королевстве, – все это наводит на приезжих особые чары.

Я хотела начать книгу с самого дальнего севера, но потом придумала некий остров, где соединилось все сразу, – потому что нет ничего хуже, чем писать о каком-то реальном месте и в чем-то ошибиться, – тогда все начинают на тебя злиться. Поверьте, этому я научилась на собственном горьком опыте!

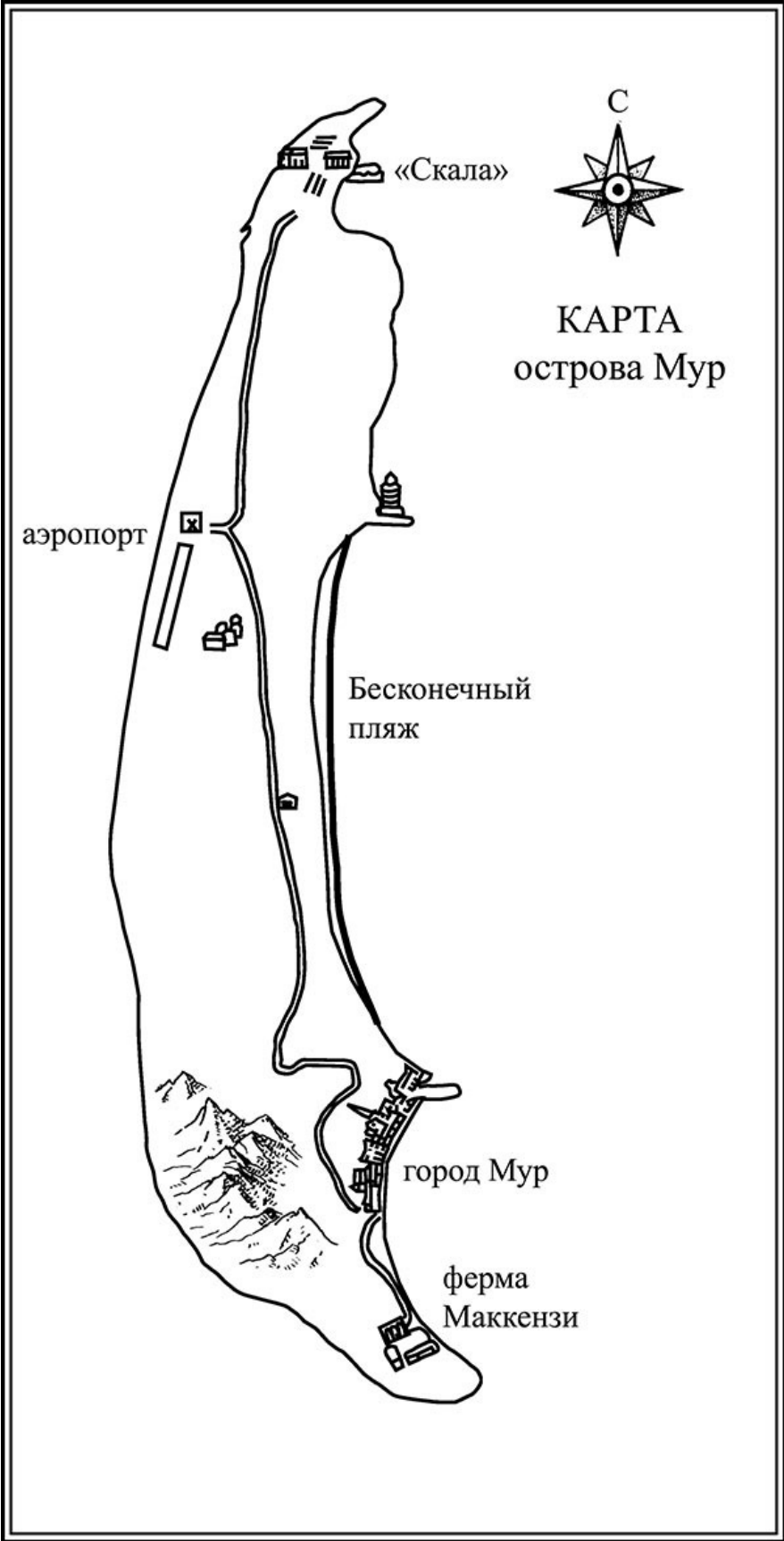
Итак, Мур – придуманное место, но я надеюсь, что в нем отразилась сущность всех тех изумительных островов дальнего севера, которые поражают своей необычной красотой. Они кажутся мне волшебными, хотя, конечно, для людей с мелодичными голосами, что живут там, это просто дом.

В книге вы также найдете традиционные рецепты для моих любимых пирогов и хлеба, и надеюсь, вы с удовольствием попробуете их испечь, а

потом сообщите мне в «Твиттере» или «Фейсбуке», как у вас получилось.

И конечно, мне хочется верить, что вам понравится «Летний ресторанчик на берегу»! Эта книга для меня очень личная. Когда после долгого отсутствия я наконец вернулась домой, на мою родную землю, – как это делает в романе Флора, – я поняла, что родина все это время ждала меня.

С любовью, Джени

Hiraeth – тоска по дому, куда вы не можете вернуться, дому, которого, возможно, и не существовало, ностальгия по утраченным местам вашего прошлого (валлийск.).

Глава 1

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон... Сначала я хотела написать: «Помните, как вы летали в Лондон?» – а потом подумала: пожалуй, это будет выглядеть слегка высокомерно, вроде как: «Я-то летаю постоянно!» Хотя в реальности я всегда покупаю билеты на самые дешевые рейсы со скидкой. А это значит, что мне приходится вставать в половине пятого утра, всю ночь я не сплю, потому что, если вдруг не услышу будильник, мне в такой безбожный час придется дорого заплатить за дорогу в аэропорт, а потом нагружаться жутко дорогим кофе, чтобы не заснуть. И в итоге окажется, что разумнее было бы купить билет на другое время... но не важно...

Итак.

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон, знайте: вам придется долго находиться в воздухе, потому что самолет станет кружить, ожидая разрешения на посадку. Но я никогда не имела ничего против этого, мне нравится видеть внизу огромный город, неисчислимы массы суетящихся там людей и думать о том, что каждый из них полон надежд, мечтаний, разочарований, а из улицы в улицу льются миллионы и миллионы горожан – и все со своими фантазиями. Мне это кажется сногшибательным!

А если бы вам довелось зависнуть над Лондоном ранней весной, то внизу на западе вам бы бросилось в глаза бесконечное зеленое пространство. Кажется, вы можете пересечь весь город, проходя через парки, чтобы затем попасть в его дымную восточную часть, где улицы и площади сбиваются все плотнее. Река здесь поблескивает в лучах утреннего солнца, суда идут вверх или вниз по течению, то по грязной, то по сверкающей воде, и огромные стеклянные башни как будто сами выскакивают там, где их вовсе не ожидаешь увидеть. Лондон меняется на ваших глазах: вы минуете «Купол тысячелетия», ставший как будто ниже; вас ослепит сияющая крыша одного из самых высоких в стране небоскребов, расположенных в Кэнэри-Уорф, с подъемником, который останавливается в середине здания, – наверное, году эдак в 1988-м это показалось бы просто классным.

Но давайте представим, что вы можете увеличить какую-то часть города, как на интерактивной карте в «Гугле», и посмотреть на свой собственный дом, а возможно, и на меня.

Если же двинетесь дальше, то скоро безмятежность божества,

озирающего все с небес, покинет вас и вы начнете замечать, как тесно внизу и каким все выглядит грязным, сколько народу торопится по своим делам в разные стороны, хотя еще только восьмой час утра. Вы увидите измученных уборщиков, закончивших утреннюю смену и плетущихся навстречу энергичным молодым мужчинам и женщинам, увидите мелких офисных служащих, розничных торговцев, мастеров по ремонту мобильных телефонов, водителей такси «Убер», мойщиков окон, продавцов уличной газеты «Большая проблема» и еще множество рабочих в ярких жилетах – эти люди делают что-то непонятное с дорожными ограждениями.

Вы уже совсем низко над землей, летите над Доклендским легким метро, где пассажиры пытаются пробиться через утреннюю давку, потому что другого пути нет. Приходится работать локтями, чтобы отвоевать себе местечко в вагоне – хотя бы постоять спокойно, а лучше сесть, дабы с каким-никаким комфортом доехать до станции «Гэлионз Рич». Но, увы, здесь только и можно, что забиться в какой-нибудь угол и стоять там, волей-неволей прижавшись к другим пассажирам. А вагон полон ароматами кофе и чужим дыханием, часто с дурным запахом, – возникает чувство, что всех этих людей вдруг быстро подняли с постели. Даже слабый солнечный свет, брезжущий над горизонтом, не убеждает вас в том, что начинается весна, но вы должны выдержать, потому что гигантская, вечно голодная машина Лондона уже готова и ждет, чтобы поглотить вас, выжать из вас все, что сумеет, и выбросить обратно.

И среди этих людей – Флора Маккензи. Она расставила локти и ждет момента, когда маленький поезд без машиниста наконец доставит пассажиров на станцию «Бэнк», с ее несусветной путаницей. Вы можете рассмотреть эту девушку: она как раз втискивается в вагон. У нее странного цвета волосы: очень светлые. Флора не блондинка и не рыжая в точном смысле этого слова; пряди словно сильно выгорели на солнце до блекло-розоватого тона. Как будто цвета нет вовсе. И она, пожалуй, слегка высококовата. Кожа у нее белее молока, а глаза – прозрачные, как вода, и трудно понять, какого они цвета. Девушка крепко прижимает к себе сумку и портфель. На ней плащ, насчет которого она сама не уверена – то ли он слишком легкий, то ли слишком плотный для сегодняшнего дня.

Сейчас, как и раньше утром, Флора Маккензи совершенно не думает о том, счастлива она или нет, хотя вскоре это может стать очень-очень важным.

Если бы вы могли остановить ее и спросить, что она ощущает в этот момент, она, скорее всего, ответила бы коротко: «Усталость».

Ведь именно это ощущает большинство лондонцев. Они измотаны, унылы или чересчур эмоциональны, потому что... ну, никто толком не знает почему. Все это кажется законом существования вместе с постоянной спешкой и очередями перед модными ресторанами. И никто из этих людей никогда не заглядывает к «Мадам Тюссо»...

Флора же сейчас думает, не сумеет ли она пристроиться так, чтобы почитать книгу, а еще о том, не стал ли ей тесноват пояс юбки, а если такая мысль вообще приходит вам в голову, то наверняка дело как раз так и обстоит. Еще Флора размышляет о том, не станет ли наконец теплее, и если это случится, то сможет ли она ходить с голыми ногами, что представляет собой сложность по многим причинам, и не последняя из них та, что кожа Флоры светлее молока и сопротивляется всем попыткам исправить это. Флора пробовала пользоваться темным тоном для кожи, но это выглядело так, словно она забрела в лужу порошкового мясного соуса «Бисто». Кроме того, при ходьбе ее ноги под коленками потели – раньше она и не догадывалась, что такое вообще возможно, – и искусственный загар прорезали длинные белые линии, на что ей любезно указал ее коллега по офису Кай. У самого Кая кожа была цвета кофе с молоком, и Флора отчаянно ему завидовала.

Еще Флора думала о свидании, назначенном через приложение «Тиндер» и состоявшемся накануне вечером. Парень, который казался таким милым, пока она общалась с ним в Интернете, тут же начал посмеиваться над ее акцентом, как это делали все, всегда и везде. А когда понял, что не произвел на нее впечатления, тут же предложил наплевать на ужин и сразу отправиться к нему, что заставило Флору тяжело вздохнуть.

Флоре недавно исполнилось двадцать шесть, по этому поводу она устроила отменную вечеринку. Все напились и стали ей твердить, что однажды она найдет отличного парня, или наоборот: как такое возможно, чтобы во всем Лондоне не встретилось никого подходящего? Впрочем, напились не все. Одна из подруг Флоры была беременна первый раз и изо всех сил старалась делать вид, что все как обычно, ничегошеньки не изменилось. Но втайне она была в восторге. И Флора радовалась за нее – конечно радовалась, пусть ей и не слишком хотелось оказаться на месте подруги. И тем не менее.

Флору прижало к мужчине в отличном костюме. Она посмотрела вверх, всего на мгновение, просто на всякий случай. Это было глупо. Она никогда не видела, чтобы *он* ездил в этих вагонах. *Он* всегда появлялся в безупречном виде, в одежде без единой складочки. Флора знала, что *он* живет где-то в городе.

На вечеринке в честь дня рождения друга Флоры понимали, что не стоит расспрашивать ее о боссе после того, как она выпьет пару бокалов просекко. О боссе, в которого она была глупо и безнадежно влюблена.

Если вам приходилось когда-нибудь мучительно влюбляться, вы знаете, каково это. Кай прекрасно знал, насколько бессмысленна эта влюбленность, он ведь тоже работал на этого босса и ясно видел, что тот собой представляет, – а босс был жутким негодяем. Но не было смысла говорить об этом Флоре.

Однако в любом случае человек в вагоне не был им. Флора почувствовала себя глупо из-за того, что посмотрела на незнакомца. Она ощущала себя четырнадцатилетней, когда думала о своем начальнике, а на ее бледных щеках тут же выступал слабый румянец. Да, она знала, что это нелепо, бессмысленно. Но не могла ничего с собой поделать.

Флора попыталась читать свою электронную книжку, стараясь при этом ни на кого не наваливаться, но не столько читала, сколько, задумавшись, смотрела в окно. В ее уме крутилось сразу множество проблем:

1) У нее новая соседка по квартире. Люди так часто въезжали в ее большой викторианский многоквартирный дом и выезжали из него, что Флора редко имела возможность толком познакомиться с кем-то из соседей. Старая почта горами валялась в холле среди скелетов скончавшихся велосипедов, и Флора считала, что кто-то должен разобрать этот хаос, но сама она не собиралась ничего делать.

2) Не следует ли и ей снова переехать?

3) Бойфренд. (Вздых.)

4) Время перекусить в кафе «Прет-а-манже»?

5) Может, покрасить волосы? Чем-то таким, что можно смыть? Пойдет ли ей дымчатый или серебристый цвет, или это будет похоже на седину?

6) Жизнь, будущее, вообще все...

7) А не покрасить ли комнату в тот же цвет, что и волосы? Или это будет означать, что переехать просто необходимо?

8) Счастье и все такое...

9) Кутикула.

10) Может, не серебристый, а голубой? Даже синий? Годится ли такое для их офиса? Сможет ли она купить немного голубой краски, покраситься, а потом все смыть?

11) Кошка?

Да, она, Флора, помощник юриста, не имеющий юридического диплома, едет на работу, и она не особенно счастлива. Но ведь и не

несчастлива, потому что так все живут, разве нет? Толпятся в транспорте по пути на службу. Едят слишком много сладкого, когда в офисе у кого-то день рождения. Клянутся ходить в спортзал во время обеденного перерыва, но не ходят. До головной боли таращатся в телевизор. Заказывают слишком много всего через ASOS, а потом забывают вернуть.

Иногда Флора проделывала путь от метро до своей конторы, даже не заметив, какова нынче погода. Вот и сегодня был просто обычный нудный день.

Но через два часа и сорок пять минут ему предстояло измениться.

Глава 2

Вэто же время в трех милях к западу некая светловолосая женщина громко кричала и возмущалась.

Она была великолепна. Даже в раздражении после бессонной и исключительно активной ночи, с растрепанными волосами, спадавшими на плечи, она выглядела на удивление прекрасной. Ну еще бы, с такими-то длинными ногами и безупречной кожей.

Снаружи доносился негромкий гул автомобилей, почти неразличимый сквозь тройные стекла окон пентхауса. Утренние облака висели низко, цепляясь за башни города и проползая над Темзой, – вид из этих окон был ошеломительный, – однако прогноз погоды обещал сегодня сырой и душный день. Блондинка почти визжала. А Джоэл просто смотрел в окно, что нисколько не помогало разобраться в деле.

Блондинка задумала на тот вечер приятный многообещающий ужин, но, как только Джоэл дал понять, что его этот ужин не слишком интересует – ведь, по правде говоря, трех свиданий более чем достаточно и воспоминаний хватит ему на всю оставшуюся жизнь, – женщина тут же резко переменялась и начала громко возмущаться. Она не привыкла, чтобы с ней так обращались!

– Хочешь знать, в чем твоя проблема?

Джоэл не хотел.

– Ты думаешь, что у тебя в нижней части все в порядке! И что это дает тебе право вести себя как последний мерзавец! Что ты можешь позволить себе все, чего пожелаешь! Ну, это не так, скажу тебе!

Джоэл гадал, как долго это будет продолжаться? И права ли она? Его психоаналитик никогда не высказывался настолько прямо. Джоэлу хотелось выпить кофе... Нет, он хотел, чтобы женщина ушла, а уж потом придет время для чашечки кофе. Джоэл подумал, не поможет ли делу, если он устанет в свой телефон.

Помогло.

– Ты только глянь на себя! Твое поведение сразу тебя выдает! Да-да! Никто и думать не станет о том, что у тебя внутри. Или через что ты прошел. Ты весь в своих поступках! А они позорны!

– Ты все сказала? – услышал Джоэл собственный голос.

У блондинки был такой вид, словно она собиралась швырнуть в него туфлей. Но она заставила себя умолкнуть и начала с вызывающим видом

собирать свою одежду. Джоэл чувствовал, что ему не следует смотреть на нее, но он забыл, насколько она великолепна... Он моргнул.

– Пошел ты! – резко бросила женщина.

Ее юбка была невероятно короткой. И ехать в таком виде в метро домой, в западную часть Лондона, ей было бы весьма неловко.

– Вызвать тебе такси? – спросил Джоэл.

– Нет, спасибо! – сухо откликнулась она. Но тут же передумала: – Да, вызови.

Джоэл снова взялся за телефон:

– Где ты живешь?

– Ты что, не помнишь? Ты же бывал у меня!

Джоэл моргнул. Он не слишком хорошо знал Лондон.

– Да, конечно...

– Шепердс-Буш, – вздохнула женщина.

– Разумеется...

Последовала пауза.

– Все возвращается на круги своя, Джоэл. И ты свое получишь.

Но он уже шел к кофейной машине, проверял электронную почту, готовился к начавшемуся дню. Что-то вертелось на краю его памяти, но что? Что-то хорошее. Он не мог вспомнить.

В семистах милях к северу люди возвращались с полей, разминая мышцы, вокруг них носились собаки, впереди разбегались кролики, со стороны воды дул ветер, свежий, как лимонный лед, а наверху плыло яркое белое небо. Первые утренние работы завершились, люди хотели позавтракать, а внизу, на камнях причала у залива, рыбаки вытаскивали на берег улов и распевали в ясном утреннем свете, их голоса неслись вверх по склонам холмов.

Что, по-твоему, видят его глаза?

Спой о долинах и о водопадах,

О лучшей селедке для пирога,

Что, по-твоему, видят его глаза?

Пой о селедке и о пирогах,

Пой о долинах и водопадах,

Причин для радости нам хватает,

Поем о долинах и водопадах.

Глава 3

Джоэл вошел в свой офис с сосредоточенным видом. Он теперь знал, что вертелось у него на уме: он должен был прямо утром встретиться с Колтоном Роджерсом, еще одним американцем. Тот был исключительно богат, а деньги сделал на новой интернет-компании. Джоэл много слышал о нем, но никогда прежде не встречался с этим человеком. И если Роджерс решил приехать в Лондон для того, чтобы привезти сюда свои деньги, то Джоэл будет весьма рад узнать об этом. Все мысли о неприятном утреннем инциденте полностью вылетели из его головы.

Он кивнул своей помощнице Марго, предлагая пригласить посетителей, и бодро уставился в окно кабинета. Контора располагалась прямо над площадью Бродгейт, в самом сердце Сити, ее окна выходили на кольцевую линию метро и башни за ней – Джоэл видел все вплоть до самой реки. Улицы полнились спешащими куда-то людьми, черные машины такси ползли одна за другой даже в такой ранний час. Джоэл любил этот город, Лондон воодушевлял его, ему нравилось быть частью этой большой машины по производству денег. Джоэл смотрел на город сверху как на собственные владения, хотел завоевать его. Он улыбался себе под нос, когда Марго впустила в кабинет Колтона Роджерса и его команду. Помощница поставила на столик поднос с рогаликами и печеньем, хотя и она, и Джоэл прекрасно знали, что никто к ним не притронется.

– Привет! – сказал Роджерс.

Он был высокого роста, длинноногий, одет в классическом стиле технарей Западного побережья – джинсы, свитер и белые кроссовки. И еще у него была слегка седеющая, очень аккуратная борода. Джоэл подумал: не кажется ли его собственный костюм таким же странным Роджерсу, как наряд Роджерса – ему самому?

– Рад встрече с вами, мистер Роджерс.

– Колтон, пожалуйста... – Он подошел к окну. – Черт, сумасшедший город! Как вы это выносите? Столько чертовых людей везде! Как в муравейнике!

Они оба смотрели вниз.

– К этому привыкаешь, – ответил Джоэл, жестом предлагая гостю сесть. – Чем могу быть вам полезен, Колтон?

Последовала пауза. Джоэл старался не думать о том, сколько стоит этот человек. Заполучить для фирмы клиента такого масштаба... Нет, все

должно пойти хорошо.

– Я тут купил одно местечко, – сообщил Колтон. – По-настоящему красивое местечко. А они там пытаются построить ветряную электростанцию – рядом или где-то поблизости, ну или что-то в этом роде. Короче, я не хочу, чтобы она там была.

– Понял. – Джоэл моргнул. – И где это местечко?

– В Шотландии.

– А! Тогда, пожалуй, вам нужен наш шотландский офис.

– Нет, за это должны взяться ваши парни.

Джоэл улыбнулся еще шире:

– Что ж, приятно, что нас рекомендовали...

– О боже, нет, ничего подобного. Я думаю, вы, чертовы кровососы, везде одинаковы, и уж поверьте, я с вашим братом много раз сталкивался. Нет. Я узнал, что у вас там есть местный юрист. Кто-то такой, кто реально знает эти чертовы места и сможет постоять за меня.

Джоэл прищурился, копаясь в уме. Сам он никогда не бывал в Шотландии, да и вообще не представлял, о чем говорит Колтон. Он не думал, что у фирмы есть там такой человек – родом из Шотландии. Но ему не хотелось в этом признаваться.

– У нас большая фирма... – начал Джоэл. – Вам не назвали имя?

– Назвали, – кивнул Колтон. – Только я его не помню. Что-то такое... шотландское.

Джоэл снова моргнул. Так он обычно показывал служащим свое нетерпение.

Марго метнулась в угол комнаты, к компьютеру, и Джоэл повернулся к ней.

– Может быть, это Флора Маккензи? Помощница юриста? Это ведь шотландское имя?

Имя Джоэлу ни о чем не говорило.

– То есть она оттуда... Из какого-то весьма странного места.

– Странного? – улыбнувшись, повторил Колтон.

Он еще раз широким жестом указал на пульсирующую картину безумной жизни за окном.

– Жить в такой «консервной банке» – друг у друга на голове, – где невозможно дышать, нормально ездить на машине или просто гулять по городу, – вот это я, пожалуй, назвал бы странным.

– Извините, сэр, – отчаянно краснея, пробормотала Марго.

– Но она лишь помощница? – спросил Джоэл.

– Все в порядке, я же не людоед, – вскинул брови Колтон. – Мне

просто нужен кто-то местный, кто действительно разберется в том, что происходит, прежде чем из меня начнут вытягивать по восемьсот долларов в час. Оно называется Мур.

– Что именно? – не понял Джоэл.

Колтон разочарованно посмотрел на него:

– То место, о котором я говорю!

– Да, – пробормотала Марго. – Это она.

– Что ж, давайте ее сюда! – раздраженно бросил Джоэл.

– Да, но куда бы мы ни отправились, снаружи все равно не устроиться, там будет битком набито, и...

– Таковы прелести жизни в Лондоне, – заявил Кай, сидевший за соседним столом. – Приходится тесниться.

Флора нахмурилась. Планировать какие-то встречи всегда представляло для нее немалые трудности. Ей казалось, что куда лучше находиться на воздухе, чем сидеть в ее маленькой душной комнате у конечной станции Доклендского метро, что было бы правильным и на сегодняшний вечер. К тому же спать в такой духоте тоже тяжело, так что вечером она предпочла бы прогуляться... Флора посмотрела на большую стопку папок на своем столе и вздохнула. Придется весь обеденный перерыв заниматься ими.

Звякнул телефон внутренней линии, и Флора, ничего не подозревая, сняла трубку:

– Флора Маккензи слушает.

– Да, это вы? – услышала она невыразительный, весьма официальный голос Марго.

Флора всегда внимательно изучала Марго, учитывая, что та немало времени проводила в непосредственной близости к Джоэлу, и очень ее боялась. Флору пугал безупречный облик секретаря. А еще было страшно, когда Марго, услышав вопрос, смотрела на тебя как на последнюю идиотку.

– Вы шотландка.

Таким тоном можно было произнести нечто вроде: «Вы ведь марсианка с четырьмя головами».

Флора нервно сглотнула:

– Да.

– Вы не могли бы сейчас подняться сюда...

– Зачем? – вырвалось у Флоры, прежде чем она успела опомниться.

Флора не работала на Джоэла, она помогала разным другим его партнерам, сидевшим на нижних этажах.

Марго немного помолчала. Ей явно не понравилось, что какая-то мелкая сошка с четвертого этажа осмелилась задать вопрос.

– ...как только будете готовы, – ледяным тоном добавила она.

В голове Флоры стремительно пронеслось то, что нужно было бы сказать: что ей сначала потребуется напудриться, нанести тональный крем, вообще освежить косметику, чтобы быть готовой, но у нее хватило ума промолчать.

– Хорошо, уже иду, – ответила она.

Опуская трубку, Флора изо всех сил старалась не паниковать.

До сих пор на своем жизненном пути Флора только и делала, что старалась не высовываться, – в школе, в Шотландском университете, на Островах. Она двигалась по пути юриста-недоучки, поначалу пытаясь заниматься тем, на что у нее не хватало способностей. Потом проходила собеседование за собеседованием, стирая подошвы туфель, состязаясь с миллионом других молодых людей, добивавшихся тех же целей, рассылала резюме по всему огромному, недружелюбному и незнакомому Лондону, в поисках совета пыталась заводить знакомства. Когда же ей наконец повезло и она получила работу в большой фирме с перспективой продвижения, и, возможно, даже высокого, Флора тут же погрузилась в работу, стараясь разобраться во всем, научиться всему, чему только сможет, и у всех просила совета.

Но за все это время никто не предупредил ее: только не влюбляйся в босса, идиотка! А она и не предполагала, что такое может случиться.

Пока оно не случилось...

На разных стадиях процесса над ней насмехались разные пугающие женщины, резко задававшие ей вопросы, и пожилые мужчины, вздыхавшие так, словно они считали несправедливым то, что не могут задать ей вопрос о том, когда она собирается забеременеть. Попутно Флора сталкивалась с другими соискателями, добивавшимися того же самого, – и, как обычно, вокруг оказывалось много людей, куда более подходящих для такой работы, более квалифицированных.

Но Флора не напрасно трудилась, она досконально знала область своего дела, была подготовлена к нему – еще бы, да она годы просидела за кухонным столом, а мать то и дело спрашивала, выполнила ли Флора домашнее задание, – и могла ли она сделать больше? Была готова? Сдала экзамены? Находились люди и поумнее Флоры, но немногие так усердствовали. И наконец ее вызвали в кабинет старшего партнера.

А там оказался он.

Он кричал на кого-то по телефону. У него был носовой, непростительно американский акцент, и он жестикулировал свободной рукой, выкрикивая что-то насчет беспристрастности и «о чем они там вообще думали». Марго – хотя тогда Флора еще не знала, кто эта ухоженная женщина, – кратко дала ему понять, что это новая помощница, а он сердито отмахнулся от своей секретарши, потом замолчал, зажал ладонью телефонную трубку и едва заметно улыбнулся:

– Привет! Джоэл Биндер.

– Флора Маккензи.

– Отлично! – кивнул он. – Добро пожаловать в нашу фирму.

На том все и кончилось. Флора замерла, уставившись на него – на орехового цвета волосы, красивый профиль и до странности пухлые губы, – и стояла, пока Марго не выставила ее за дверь. Флора совершенно не заметила взгляда, которым одарила ее эта женщина.

– Он выглядит замечательно, – пробормотала Флора, чувствуя, что густо краснеет.

Джоэл совсем не походил на большинство тех адвокатов, которых знала Флора, – измученных постоянной работой, с перхотью на плечах пиджака, с кожей, которая, казалось, никогда не видела свежего воздуха, с пивным животиком...

Марго что-то промышчала себе под нос.

Прошло почти полгода, но больше Джоэл с Флорой не разговаривал. Время от времени она видела его на собраниях, сидя застенчиво в уголке, пытаясь делать записи и ничего не упустить. Джоэл был властен, груб, агрессивен, он был чрезвычайно успешным адвокатом, и Флора, к собственному стыду и смущению, влюбилась в него сверх всякой меры.

– Слушай, расскажи мне о Джоэле, – как-то вечером с напускной небрежностью попросила она Кая – одного из «рабов», такую же мелкую сошку, от которой ожидали только, что она будет практически бесплатно работать двадцать четыре часа в сутки, не имея никакой другой жизни. – Ну, ты знаешь... о нашем боссе.

Кай повернулся к ней и расхохотался:

– Ты серьезно?!

– А что?

Флора почувствовала, что розовеет, и уставилась в большой бокал очень светлого, с зеленоватым отливом вина.

Она никогда не знала, что именно заказать, позволяя другим сделать это за нее, и теперь слегка тревожилась из-за того, сколько ей придется заплатить. Жизнь в Лондоне была чудовищно дорогой даже при

постоянном жалованье.

Кай уже провел здесь все лето в качестве практиканта, он быстро двигался к тому, чтобы стать настоящим адвокатом, а потому был в курсе всех местных сплетен.

– Боже! – Он закатил глаза к потолку. – Еще одна!

– Что? О чем ты? Я ничего такого не говорила.

Откуда у них эта самоуверенность, постоянно гадала Флора, в особенности у тех людей, которые выросли в Лондоне. Может, она рождается сама по себе? Флора знала, что ей придется пройти дополнительные курсы обучения, а может быть, кто знает, даже и специальную практику, чтобы стать полноправным адвокатом. Но после того, что случилось... Она не могла. Не теперь.

Но работа выглядела такой... привлекательной. Это было именно то, о чем Флора всегда говорила: ей хочется именно этого. Но, привыкнув к новизне того, что у нее появился сезонный билет, жалованье, красивые туфли и перерывы на обед, все начало казаться ей... хм... немножко однообразным. Бумаги сыпались на нее сплошным потоком и никогда не заканчивались – стоило Флоре обрадоваться, что она наконец управилась, начинался какой-нибудь новый процесс и все повторялось. Флора знала, что должна держать себя в руках. Но иногда ей казалось, что она тонет во всей этой текучке.

– Ты справишься, детка! – утешал Флору Кай, когда она стала регулярно жаловаться на количество работы.

И не важно было, насколько Флора задерживалась на службе или насколько квалифицированно разбиралась с бумагами. Просто стыд, думала она, что прекрасная работа с документами никак не помогала во всем остальном. Возможно, именно поэтому она и не упоминала о ней, когда рассказывала о себе на сайте знакомств.

– Да ты что, не замечаешь, насколько он ужасен?

Ох да... Он ужасен, напомнила себе Флора. Ужасно великолепен. Высокий, прекрасно одетый, бесцеремонный американец. Он проходил по зданию фирмы так, словно оно было его собственностью. Он пренебрежительно обращался с младшими сотрудниками, никогда не помнил имен и никогда никого не хвалил.

– Он же отрицательная величина!

– Он... что? – ужаснулась Флора.

– Отрицательная величина.

Флора непонимающе моргнула.

– Это значит, что он притягивает людей, а они только и хотят, чтобы он

сказал им что-нибудь приятное. Ну, как при дрессировке собак или что-то в этом роде.

– Я не понимаю...

Кай видел свою жизненную миссию в том, чтобы просвещать эту застенчивую, странного вида девушку с Островов, а потому пользовался любой возможностью изложить перед ней весь накопленный за двадцать шесть лет изоцренный жизненный опыт.

– Ты ведь жаждешь услышать хоть коротенькое доброе слово, хочешь, чтобы тебя хоть на секунду заметили! И другие также – тоже влюбляются в него. Я имею в виду людей с низкой самооценкой.

Флора нахмурилась:

– Может, он просто кажется мне сексуальным.

– Да. Безжалостно сексуальный! Даже не думай об этом! К тому же он твой супербосс. Так что постарайся не обделаться при нем. А еще...

– Есть и другое «еще»? Не думаю, что оно мне интересно.

– Нет, ты послушай, Флора, я не считаю, что ты в его вкусе... Черт побери! Думаю, он в буквальном смысле может оказаться дьяволом. Ну, ты сама подумай о таком типе людей.

В этот момент Флора подняла голову – и надо же! Увидела его. Он шагал по площади Бродгейт, по центру Сити, уверенный и властный, его ореховые волосы сияли на солнце, при этом он сопровождал похожую на жирафа блондинку, щелкавшую каблуками по тротуару, которая была одета в ярко-розовое, – такой цвет на любом другом выглядел бы эксцентрично, но ей только придавал очарования. Флора и за миллион лет не смогла бы стать похожей на нее. То была настоящая райская птичка, существо совершенно иного биологического вида.

Флора проводила пару взглядом и вздохнула.

– Да, – сказала она. – Ты прав.

– Но ты же отлично работаешь с документами, – поспешил ободрить ее Кай. – А ведь это что-то значит!

Флора усмехнулась, и они заказали еще бутылочку.

Это произошло пару лет назад, и с тех пор карьера Кая двигалась скачками. А карьера Флоры... нет. Конечно, она уже немного привыкла к Лондону, стала более скептически относиться к своей фирме, ходила на свидания и вечеринки и ввязывалась в нелепые приключения с разными парнями. При этом она не могла вспомнить ни единого случая, не доведшего ее до смущения, а еще у нее был один хороший друг, Хьюго. Они встречались уже целый год, и он бы хотел зайти дальше, но Флоре

казалось, что это было бы... неправильно. Это... Что бы оно ни означало. Конечно, даже если они расстанутся – наилюбезнейшим образом, ведь Хьюго был джентльменом, – то даже через десять лет, когда все вокруг уже счастливо устроятся, а Флора по-прежнему останется одинокой, она все равно может пожалеть об этом. И она это сделала. Слишком долго продолжался засушливый период. Но Флора была довольна. В основном. Это было просто столкновение, короткое безумие, растаявшее позади, пока Флора карабкалась по ступеням здания жизни в этом гигантском городе-машине, отрываясь от всего, что было прежде.

Вот только теперь, в десять сорок пять утра, в шумный четверг в начале мая, ее кумир впервые в истории вдруг пожелал увидеть Флору в своем кабинете.

Глава 4

Флоре нужно было поспешить, но она все-таки заглянула в туалетную комнату, чтобы освежить губную помаду. И взволновалась, поняв, что помада слишком яркая, розовая. Значит, кожа будет выглядеть чересчур бледной. Ладно, все равно она не сможет выйти на яркий солнечный свет, не превратившись в подобие вареного лобстера и не начав слегка дымиться...

Флора уставилась на себя в зеркале и вздохнула. Ей противно было выглядеть такой полинявшей, она чувствовала себя совершенно бесцветной, пусть даже друзья твердили ей, что она такая необычная. На острове, с которого она приехала, Флора вовсе не была необычной, она просто была высокой и светлой, как ее предки-викинги, приплывшие туда сотни поколений назад. У матери Флоры волосы были почти белыми. Это только здесь, в Лондоне, люди позволяли Флоре говорить, а потом заявляли – наверное, считая это комплиментом, – что не слышали ни слова, им просто нравится, как именно она говорит. Флора постепенно училась говорить «теперь» вместо «тииперь» и «вы» вместо «вии», но иногда даже об этом забывала.

Флора попыталась успокоить сильно забившееся сердце. Марго говорила с ней ледяным тоном, но она всегда так говорит. Флора ведь не сделала ничего плохого. Да если бы и сделала, этим не стал бы заниматься лично Джоэл. Время ее встреч с Джоэлом ограничивалось теми случаями, когда Флора выполняла разные мелкие поручения за Кая, который готовился к экзаменам по юриспруденции, – фирма считала его перспективным сотрудником. Флоре нередко приходилось составлять для него заметки и делать разную плановую работу.

Но о Кае сегодня не упомянули, да и в любом случае он был в суде, предоставив Флоре разбираться с каждодневной грудой документов.

Нет, этим утром дело касалось ее самой.

Флора глубоко вздохнула и направилась к лифту.

Кабинет Джоэла располагался в угловой части здания и впечатлял не на шутку, здесь было множество бросающихся в глаза произведений искусства, которые, похоже, не имели никакого значения, а просто служили доказательством того, что Джоэл достаточно успешен, чтобы окружать себя кричащей красотой. Он кивнул, когда Флора вошла в кабинет. На нем

сегодня были темно-серый костюм, белоснежная рубашка и темно-синий галстук, контрастировавший с его волосами. Флора начала краснеть еще до того, как перешагнула порог, и проклинала себя за это.

В кабинете находился еще один высокий мужчина со светлой бородкой – судя по небрежности его одежды, он был очень важной персоной – и еще пара человек, топтавшихся на заднем плане, они изображали занятость. Флора не знала, должна ли она сесть или стоять.

– Здравствуйте, – произнесла она, стараясь выглядеть уверенной.

– Ну, я бы понял, откуда вы, пока вы и слова не произнесли, – заявил бородатый, подходя к Флоре и пожимая ей руку. – Посмотреть только на ваши волосы. Вы из поголовья Мура, это точно!

Флора не понимала, должно ли ей понравиться то, что о ней выразились так, как ее братья говорили о рогатом скоте, и потому просто застыла на месте.

– А откуда вы... – Джоэл посмотрел на лежавшие перед ним листки, – Флора?

Сердце Флоры забилось быстрее. Почему это имеет значение? Почему это вдруг стало важно? Почему они здесь говорят о ее доме? Такого она никак не ожидала. И не хотела.

– О, это маленький остров... я хочу сказать, вряд ли вы о нем слышали.

Она не хотела говорить о Муре. Никогда не хотела, всегда старалась сменить тему, если дело доходило до этого. Теперь она жила в Лондоне, где мир заново изобрел сам себя.

– Она с острова Мур, – с гордым видом сообщил бородатый. – Я знаю. Я о вас наслышан.

Флора уставилась на него:

– Простите?..

– Я Колтон Роджерс!

Последовала долгая пауза. Джоэл озадаченно смотрел на Флору.

– Вы ведь знаете, кто я такой, верно?

Флора уже давно не бывала дома. Но она знала. И осторожно кивнула.

Колтон Роджерс был большой американской шишкой, он купил немалую часть острова и, если верить слухам, менявшимся ежедневно, собирался то ли забетонировать всю эту часть, то ли превратить ее в поля для гольфа и выгнать оттуда всех, кого сможет, ради собственного частного убежища или начать разводить в отобранных домах диких птиц...

Слухов было много, но все они выглядели беспочвенными, потому что никто никогда с американцем не встречался. Флора сильно занервничала.

Если он хочет, чтобы их фирма его представляла, что же он там натворил?

Она посмотрела на Джоэла, не зная, чего он от нее ожидает.

Но Джоэл выглядел таким же растерянным, как и она сама, и постукивал по зубам авторучкой.

– Ну, люди разное говорят... Я не слишком обращаю внимание... – проговорила наконец Флора.

– Вот как, не обращаете? – откликнулся американец, явно недовольный. – А вы слышали, что я восстанавливаю «Скалу»?

«Скала» была старой полуразвалившейся фермой на северной оконечности острова, с необычными, ни на что не похожими постройками. Слухи о том, что какие-то конгломераты и завоеватели намерены явиться на остров и заняться ею, ходили еще с тех пор, как Флора была малышкой.

– В самом деле?

– Конечно. Уже почти закончили! – с гордостью сообщил Колтон Роджерс. – Вы ее не видели?

Флора не приезжала домой уже три года. И поклялась, что никогда туда не вернется.

– Нет, – ответила она. – Но я о ней слышала.

– Так вот, мне нужна ваша помощь, – сообщил Колтон.

– Не лучше ли вам нанять шотландского адвоката? Или норвежского?

– Норвежского? – заговорил наконец Джоэл. – Как далеко находится этот ваш остров?

Флора и американец повернулись и посмотрели на него.

– В трех сотнях миль к северу от Абердина, – ответил Колтон. – Вы ведь здесь не слишком продвинулись? Пашете по восемьдесят часов в неделю?

– Как минимум, – кивнул Джоэл.

– Это не жизнь, приятель!

– Но вы ведь именно так сделали свои миллиарды, – с кривой улыбкой напомнил Джоэл.

– Ладно, слушайте. – Колтон снова повернулся к Флоре. – Мне нужно, чтобы вы поехали на остров. Поработали на меня. Поговорили с вашими друзьями и соседями.

– Должна вам сообщить, мистер Роджерс, что я не адвокат, – возразила Флора. – Я всего лишь помощник.

– Колтон, пожалуйста. Вот и хорошо. Дешевле обойдется. Мне нужно понять местную жизнь. Я знаю, вы там крепко держитесь друг за друга. Hvarleðes hever du það? – вдруг спросил он. – Как у вас дела?

Флора потрясенно уставилась на него.

– Eg hev dað gott, takk, og du? – вырвалось у нее. – Хорошо, спасибо, а у вас?

Джоэл вытаращил глаза.

Флора вдруг почувствовала, что ей необходимо к чему-нибудь прислониться, и схватилась за спинку стула. Она не была уверена, что сможет снова заговорить. Горло у нее сжалось, Флора испугалась, что, хотя с ней никогда не случалось панических атак, сейчас это может произойти.

Воспоминания навалились на нее со всех сторон. Одновременно, как гигантские волны, что катятся на берег, как ледяной ветер, что несетя с Атлантики и прижимает к земле траву, снова и снова меняет очертания дюн...

А в центре всего зияла огромная дыра, и Флора не хотела на нее смотреть.

Нет, нет и нет! Она договорилась с Каем о вечере в баре. Она собирает для него справки и думает о том, чтобы завести кошку.

Флора почувствовала, что все глаза уставились на нее, и ей захотелось просто исчезнуть, раствориться в небытии. Щеки у нее пылали. Как отказаться? Как сказать: «Нет, я не хочу возвращаться домой». Нет! Никогда!

– Итак? – произнес Колтон.

– Что за работа? – спросил Джоэл.

– Просто нужно поехать туда и все увидеть.

– Да, она поедет, – кивнул Джоэл, не спрашивая Флору.

– А я смогу оставаться в «Скале»? Она ведь закончена? – робко спросила Флора.

Колтон вперил в нее взгляд серых глаз, и Флора поняла, почему он, вопреки явно мягкой натуре, был жестким дельцом.

– Я думал, вы уроженка Мура. Разве у вас там нет родных?

Флора протяжно вздохнула.

– Да, – ответила она наконец. – Да, есть.

Глава 5

На острове, где родилась Флора, существовала легенда о селки.

Строго говоря, «селки» означает «тюлень», хотя на гэльском языке тем же словом называли и русалку. Селки, очутившись на суше, сбрасывали с себя морское обличье.

Если вы женщина и хотите заполучить селки в любовники – они на удивление красивы! – то вы становитесь у моря и роняете семь слезинок.

Если вы мужчина и имеете возлюбленную-селки, чтобы удержать ее, вы прячете ее в тюленью шкуру, и тогда она уже не сможет вернуться в море.

Флора часто думала, что это просто окольный способ сказать: «Эй, люди, на севере так мало людей, что приходится выискивать пару в диких местах». Но это ничуть не мешало множеству людей утверждать, что мать Флоры – как раз селки.

А после того как Флора уехала, то же самое стали говорить и о ней самой.

Когда-то, давным-давно... когда-то, давным-давно...

Флора не сомневалась, что в эту ночь ей не уснуть. Остаток дня она бродила, как лунатик, даже умудрилась присоединиться к поздравлениям кого-то с днем рождения, съела кусочек чудовищного готового торта и выпила пару бокалов теплого просекко. Но после работы не пошла выпить с другими и отправилась домой, надеясь, что ее соседи куда-нибудь ушли. Все они были фрилансерами, работали в компьютерных фирмах, приходили и уходили в любое время дня и ночи и смотрели на нее как на дырку от бублика. Флоре нравилось быть дыркой от бублика. Это все же лучше, чем быть странной девушкой со странного острова.

Как всегда, Флора подумала о том, что надо бы сделать что-нибудь вкусненькое, но посмотрела на грязную, уже готовую взорваться газовую плиту в общей кухне – и передумала. Она съела салат «Леон», сидя в постели и смотря по телевизору канал «Netflix», потом сжевала полпакета бисквитного печенья и решила, что это более или менее сбалансированная еда.

При этом Флора со страхом поглядывала на свой телефон. Она должна была позвонить домой и сообщить, что приедет. Должна. О боже... Ей придется встретиться со всеми. И все будут тарашиться на нее и обсуждать.

Флора тяжело сглотнула и, как величайший в мире трус, отправила сообщение. Потом, как еще больший трус, спрятала телефон под одеяло, чтобы не пришлось читать ответ.

А может, не обязательно останавливаться у своих?

Но в «Харборс рест», единственном отеле на острове, поселиться нельзя. Во-первых, он ужасен, во-вторых, он отвратителен, в-третьих, фирма едва ли станет оплачивать ей расходы на проживание и, в-четвертых... ладно. Это будет позором для ее отца и для их фермы.

Итак, ей придется ехать домой. О господи...

Флора знала, что некоторым людям нравится бывать дома. Кай забегал к матери на ужин по три раза в неделю. Но это был явно не ее выбор. Флора лежала без сна, гадая, какого черта ей теперь делать.

Она моргнула. А потом каким-то образом поняла, что спит и кто-то пытается рассказать ей некую историю. «Когда-то, давным-давно... – звучал голос. И снова: – Когда-то, давным-давно...»

А Флора умоляла продолжить, это было очень важно, ей необходимо было знать, что тогда происходило, но она опоздала, голос затих и – бах!.. Она снова проснулась, и началось еще одно утро в шумном Лондоне, где даже птицы поют, как мобильные телефоны. Машины неслись и грохотали под ее окном, а Флора уже опаздывала, ей нужно было поспешить, чтобы принять душ до того, как кто-нибудь из ее соседей использует всю горячую воду.

Флора посмотрела на телефон. Ну да, там было ответное сообщение: «Хорошо». Никаких «прекрасно», или «добро пожаловать», или «ждем не дождемся».

Просто – «Хорошо».

Глава 6

Женева. Париж. Вена. Нью-Йорк. Барбадос. Стамбул.

Флора читала табло объявлений в аэропорту с чувством, что все вокруг отправляются в места куда более интересные, чем она сама. И еще... хотя все вокруг были в футболках, а некоторые мужчины даже в шортах, Флора наверняка была единственной, у кого в мае месяце в ручном багаже лежала просторная куртка. Флора даже отыскала старую трикотажную шапку фер-айл, лежавшую у нее много лет, ее она почему-то так и не смогла выбросить. Сохранила на всякий случай.

На рейс в Инвернесс Флора шла с тяжелым сердцем. Когда она в последний раз совершала это путешествие...

Ладно. Не надо об этом думать.

Лучше сосредоточиться на работе. Когда она толком все о ней узнает. Флора хотела расспросить Джоэла, но постеснялась, даже когда Кай предложил ей отправить вопросы по электронной почте.

– Да перестань ты валять дурака! – сказал он.

– Заткнись! – ответила Флора.

Но ее очень робкое письмо с просьбой разъяснить ей подробнее дело Роджерса не удостоилось ответа, так что Флора по-прежнему пребывала во тьме.

Она предполагала, что Колтон Роджерс намерен сделать что-то такое, что не понравится островитянам, и желал, чтобы их фирма встала на его защиту. Проблема была в том – вот только Колтон не знал об этом, – что Флора тоже островитянам не нравилась.

Флора вздохнула, глядя на Лондон, закружившийся под ними, когда они поднялись в воздух, посмотрела на трассу М25, битком набитую автомобилями, и ей захотелось – что вряд ли случилось со многими – оказаться там, в одной из этих машин.

Следующий перелет был тряским. Он и не мог быть другим, самолет оказался крошечным, на десяток мест, им в основном пользовались разные ученые, орнитологи, любители пеших походов и редкие любопытные туристы. Флора смотрела вниз, когда они летели низко над водой. Судов не было видно. Когда Флора в последний раз разговаривала с отцом – как обычно, недолго, – он упомянул, что улова почти нет, лицензия закончилась и от них теперь требуют, чтобы они перестали убивать тюленей. Флора

прислонилась лбом к стеклу иллюминатора. Земля осталась далеко позади, и Флора, как всегда, с изумлением думала о том, как далек от остальной Британии их остров.

Но в детстве ей так не казалось.

Мур, с его небольшой главной улицей, расположенный на плавных склонах, был ее миром: отец уходил в поле вместе с мальчиками, когда они достаточно подросли, мать хлопотала в кухне, длинные белые волосы падали ей на спину, а Флора делала домашнее задание за старым деревянным столом. Огромный остров Великобритании казался неким мифом, куда кто-то отправлялся на рождественские праздники, а здесь все двигалось в ритме времен года: долгие летние дни с бесконечными вечерами и дверями, открытыми навстречу свежему морскому ветру, уютные темные зимы, когда огонь горит целый день, а кухня – единственное теплое место.

Флора гадала, придет ли кто-нибудь в аэропорт, чтобы встретить ее, а потом приказала себе не думать об этом. На фермах сейчас середина рабочего дня. Все заняты. Она доберется на автобусе.

Флора вышла из самолета последней, туристы уже тащились к маленькому жестяному сараю, который здесь называли аэропортом.

В автобус набились взволнованные отдыхающие, радовавшиеся тому, что нет дождя, они тащили с собой велосипеды, трости для пеших прогулок и путеводители. Солнце уже поблескивало, несмотря на утренний хаар – еще не рассеявшийся морской туман, а когда они подъехали к маленькому городу, то показалось, будто город поднимается из облака дыма, как некая тайна или волшебный фокус. Темно-зеленые холмы спускались к яркому белому песку, который можно увидеть только в этой части мира, а длинные пляжи тянулись без конца и края.

Нетрудно было понять, почему этот остров оказался таким привлекательным для орд викингов, захвативших его и давших ему имя, их бурная кровь до сих пор текла в венах горожан. Ни один из вестминстерских политиков никогда не бывал на Муре. И очень мало жителей Эдинбурга добиралось сюда. Это была маленькая, существовавшая сама по себе точка на самой северной оконечности обитаемого мира.

Когда они приблизились к заливу, туман начал подниматься, открывая ярко раскрашенные дома, стоявшие вдоль порта и образующие главную улицу. Еще ближе – и Флора заметила, что дома выглядят слегка обветшалыми, краска на них осыпалась под северными штормами. Один магазинчик – порывшись в памяти, Флора сообразила наконец, что это

аптека, – был закрыт, он выглядел грустным и пустым.

Выходя из автобуса, Флора нервничала. Как отнесутся к ней люди? Она ведь понимала, что не слишком хорошо вела себя после похорон. Совсем нехорошо...

Ничего, это ненадолго, утешила себя Флора. Она пробудет здесь какую-нибудь неделю... И вскоре опять вернется в большой город, чтобы наслаждаться летом, сидеть посреди толпы на Саут-Бэнк, назначать никчемные свидания, пить жутко дорогие коктейли, ездить в ночном метро... Быть молодой в Лондоне... Конечно же, это лучшее место в мире!

Само собой, первым человеком, с которым она встретилась, оказалась миссис Кеннеди, ее старая учительница танцев, – она была древней старушкой уже тогда, когда Флора была еще девочкой, но глаза ее оставались все такими же синими и пронзительными.

– Флора Маккензи! – воскликнула она, указывая на Флору своей тростью. – Вот уж не ожидала!

«Я теперь солидная лондонская служащая, – напомнила себе Флора. – Я много работаю, я профессионал, я абсолютно нормальный взрослый человек, мне уж точно не четырнадцать лет!»

– Здравствуйте, миссис Кеннеди, – машинально пропела она.

Флора на больших процессах сидела рядом с известными адвокатами, принимала участие в судах над по-настоящему плохими людьми, которых ничуть не боялась. Но миссис Кеннеди была чистым ужасом. Флора до сих пор не забыла ни единого танцевального па, хотя теперь могла показать свое искусство разве что на вечеринках, где люди так напивались, что просто не в состоянии были его оценить, – и понемногу Флора теряла ловкость.

– Значит, ты вернулась?

– Я... я здесь по работе, – проямлила Флора, понимая, что эта кроха информации облетит весь остров еще до того, как она доберется до фермерского дома.

– Хорошо, – кивнула миссис Кеннеди. – Рада это слышать. Они нуждаются в присмотре.

– Я не это имела в виду, – возразила Флора. – Я действительно по службе... У меня работа. В Лондоне. В очень крупной фирме...

Мысленно Флора крепко выругалась. Какого черта она решила, что сможет произвести здесь впечатление?

– Ох, а хорошо ли это будет? – фыркнула миссис Кеннеди. – Ну, кое для кого – да, уверена.

И она поспешила к маленькому причалу со всей той скоростью, какую позволяли ей измученные артритом ноги.

«Боже-боже», – снова мысленно произнесла Флора. Она знала, что после тех похорон ее имя не слишком уважительно упоминают на Муре, но она и не воображала, что все настолько плохо. Ее внезапно охватила тоска по ее ужасной, маленькой лондонской комнатке, по успокаивающему гулу метро, по вагонам, набитым незнакомыми людьми...

Рыбаки посмотрели на нее, когда она проходила мимо. Сдержанные по природе, они просто кивнули Флоре, и она кивнула в ответ, остро осознавая, как громко стучат колеса ее чемодана по булыжной мостовой. Она ощущала, как за ее спиной кто-то выглянул из двери, но когда оглянулась, то никого не увидела. Она опять вздохнула.

В западном конце главной улицы дорога раздваивалась, и одна ее часть вела к холмам. Большинство домов сгрудились в восточной части, у порта, здесь же впереди лежали фермы.

Солнце ярко освещало поля, когда Флора шла по старой, изрытой ямами дороге – к дому, чей приземистый силуэт обрисовывался на фоне холмов. Серые камни сверкали под солнечными лучами, скрывая внутренний беспорядок. Дом ее детства.

Пересекая грязный двор, Флора сосредоточилась. Отлично. Спокойно. Быть профессиональной. Собранной. Она никому не позволит взвинтить ее. Все должно пройти...

– Ой-ой!

– О черт, да это Флора? Как она растолстела! Разве ее узнаешь?

– Дверь надо расширить!

Флора зажмурилась.

– Заткнитесь, мальчишки! – ответила она, ужасаясь и в то же время испытывая облегчение.

Если они так хамят, значит не слишком злятся. Так ведь?

Ее братья Иннес и Финтан выскочили из двери. Иннес был высоким и светловолосым, как их мать, широкоплечим и красивым. Он был женат, но недолго и теперь как можно больше времени проводил со своей маленькой дочерью. Рядом с ним стоял Финтан, худощавый, темноволосый и нервный. И наконец, вслед за ними появился Хэмиш, невероятно огромный, ему всегда доставалась самая тяжелая работа.

Но отца с ними не было.

Парни насмешливо обняли Флору, а она так же насмешливо похлопала их по плечам. А потом Флора заметила, что они испытывают такую же неловкость, как и она сама.

Фермерский дом был старым, построенным без особого плана. Темные коридоры вели в разные комнаты. При хорошем ремонте он мог бы стать исключительным, из его окон открывался вид на море, лежавшее за землями фермы, главной заботой здесь были овцы и коровы. Маленькие выносливые овечки с коротеньким хвостом не слишком много ели, но давали при этом крепкую и мягкую шерсть, которую отправляли ткачам на другие острова и на материк, а потом делали из нее высококачественный трикотаж, одеяла и тартаны, а здешние коровы прекрасно доились.

В ясные дни казалось, что и яркое синее небо, и темно-зеленые поля заполнены маленькими пушистыми облачками. Ближе к морю почва становилась песчаной, а в воде у берега водились мидии.

Флора следом за братьями вошла в дом.

И на секунду на сердце у нее стало невыносимо тяжело. А когда она шагнула в холодный коридор, ее чуть не сбilo с ног нечто огромное, лохматое, хрипло лающее.

– Брамби!

Пес ее не забыл, он явно был вне себя от радости, увидев Флору; он прыгал вокруг и подвывал, изо всех сил изливая на нее свой восторг.

– Ну хоть кто-то рад меня видеть, – сказала Флора.

Братья пожали плечами.

– Ну, чего уж тут...

Потом Иннес предложил поставить на огонь чайник, а Флора отдала ему свою куртку и опустила на пол дорожную сумку, оглядываясь вокруг и думая: «О боже, боже...»

Глава 7

Пожалуй, это было даже хуже, чем она ожидала.

Большая кухня располагалась в задней части дома, она смотрела на залив, солнца в ней хватало. Но казалось, что время здесь остановилось. Все было в пыли, в углах радостно копошились пауки. Флора положила маленькую сумку на кухонный стол, тот самый огромный стол, который видел множество схваток – иногда физических, если у мальчишек выпадало такое настроение, – и рождественских вечеров с бабушками и дедушками, дядями и тетями со всего острова. Стол наблюдал и за девичьими мечтами, на него падали слезы, когда домашнее задание оказывалось слишком трудным, за ним играли во что-нибудь, когда погода вынуждала людей не выходить из дому – разве что накормить животных. За этим столом ели консервированные супы, когда начинались шторма и ложился снег и паромы не могли добраться до острова. Здесь страстно рассуждали о независимости Шотландии, и политике, и вообще обо всем, что приходило на ум. А отец сидел тихо, читая, как всегда, «Фермерскую неделю» и требуя, чтобы его оставили в покое с бутылочкой эля после чая, который всегда пили в пять часов. Ложились рано.

Когда Флора уехала, она была бесконечно счастлива оставить наконец позади этот стол, с его неизменным ритмом приготовленных матерью рагу и запеканок, жареного мяса, супов, завтраков и ланчей для работников. Ее братья росли, становясь все выше и шумнее, но жизнь никогда не менялась, не двигалась вперед. Парни, в общем, никуда не стремились, а Флоре казалось, что она задыхается, ее душили фазаны, во множестве появлявшиеся в ноябре, и всегда одни и те же щербатые синие с белым кружки на полке над плитой, и весенние маргаритки, и пьяные на Рождество...

Флора улетела, не желая быть прижатой к земле, как ее мать, подчинявшаяся сезонному ритму жизни фермерской жены, она не хотела вечно смотреть на серое небо, пролетающих мимо птиц и танцующие на воде лодки.

А теперь она смотрела на этот стол, заваленный грязными чашками и старыми газетами, и чувствовала, что самые корни ее жизни врезаны в него и вырвать их невозможно.

Когда мать вернулась домой в последний раз, мальчики перетащили

одну из кроватей из свободных комнат вниз, на почетное место у большого кухонного окна. Ножки кровати скрипели, но в этой комнате хотя бы всегда было тепло и уютно, и мать могла видеть все то, что происходит снаружи. Никто ничего не сказал, переноса кровать, но все знали, что это такое: ложе смерти.

Накануне Флора вернулась, прилетела после испытательного года, одинокая, практически не имеющая друзей в пугающем новом городе, напуганная диагнозом, который мать весь этот год скрывала от семьи.

Сайф, местный терапевт, заглянул к ним в то утро, чтобы удостовериться, что все готово к возвращению больной и приготовлены лекарства, – теперь это были просто болеутоляющие. Предполагалось, что мать должна принимать их строго по графику и в предписанном количестве. Но местная сиделка и Сайф потихоньку сказали Флоре, чтобы она давала матери столько лекарств, сколько та попросит, и не болтала бы об этом.

Флора только кивнула, делая вид, что все поняла, хотя ни малейшего представления не имела о том, что происходит, – и просто в ужасе и недоверии смотрела на них. А потом ей пришлось стоять рядом с братьями, когда мать привезли домой.

В тот вечер мать ненадолго очнулась или как будто очнулась, как раз тогда, когда небо начало наливаться сочным розовым цветом, и Флора села рядом, чтобы дать матери немного воды, хотя та глотала с трудом, и еще лекарство, от которого та сразу расслабилась и даже смогла погладить руку Флоры, а Флора наклонилась к ней и прижалась лбом к ее лбу, и они дышали вместе – вдох-выдох, вдох-выдох... Все остальные тоже зашли в кухню. Неизвестно, когда именно случился последний вздох или кто заметил это первым, но это произошло именно здесь, где мать провела почти всю свою жизнь. Все они были бесконечно благодарны за то, что она вернулась к ним, домой, и к ней не тянулись трубки от пищащих аппаратов, и она не лежала в стерильной палате, и ее не окружали шумные люди, пытающиеся делать что-то бесполезное. Нет, она была здесь, где на плите стоял старый закопченный чайник, а на коврике лежал Брамби, постукивая, как обычно, хвостом по полу, а в миске с таинственными мелочами лежала заодно и древняя связка никому не нужных ключей – дом никогда не запирался. Здесь по-прежнему висели те самые занавески, которые Анни сшила собственными руками, когда переехала сюда много лет назад, будучи юной невестой... Флора представляла ее: веселую, полную надежд, с цветами в волосах – тогда так было модно, затем об этом забыли, а теперь это снова входит в моду...

А потом по ковру в этой комнате ползали младенцы, и вскоре дети уже носились вокруг, и без конца появлялись и исчезали сезонные рабочие... Сколько она сварила овощных супов, сколько испекла яблочных пирогов и сколько разбитых коленок обмыла водой, сколько слез вытерла... Как часто ей приходилось отмывать пол, на котором оставались следы грязных резиновых сапожек. А сколько надо было приготовить тортов на дни рождения – шоколадных для Финтана и Хэмиша, лимонных для Иннеса, ванильных для Флоры... И сколько здесь было задуто свечек, развернуто рождественских подарков, выпито чашек чая...

И все это исчезло в мгновение ока, когда Флоре исполнилось двадцать три года, и она сбежала отсюда так быстро, как только могла. Она не в силах была думать обо всем этом, не хотела когда-либо возвращаться, а хотела лишь такой жизни, которая оторвет ее от прошлого, она не желала тонуть в семейной боли, заниматься домом, как от нее ожидали. Как ожидал от нее весь остров.

А теперь Флора стояла здесь, в темной, пыльной, нелюбимой кухне, держась за спинку стула и просто позволяя слезам течь по щекам.

Глава 8

Флора услышала приближение отца до того, как увидела его, – точнее, услышала лай его пса Бракена, почуявшего гостя, – и быстро отерла лицо.

Эк Маккензи всегда выглядел сильным человеком. Но теперь его синие глаза провалились, щеки покраснели от резких ветров на вересковых пустошах, а волосы под извечной твидовой шапкой поредели.

– Флора, – кивнул он.

Конечно, они разговаривали после похорон. Но лишь коротко. Флора звала его в Лондон, а он отвечал: «Хорошо, может быть, может быть».

Но они оба знали, что это означает: «Никогда, никогда».

– Ты ведь не насовсем вернулась?

Флора покачала головой.

– Нет, у меня здесь работа, – с готовностью сообщила она. – Но это ненадолго. Может, на неделю.

– Хорошо, – кивнул отец.

Флора отлично знала, что слово «хорошо» может значить для ее отца очень многое. На этот раз оно означало «ну и ладно, пусть все идет, как идет».

Они замолчали. Флора подумала, что если бы здесь была мама... она бы уже принялась хлопотать, заваривая чай, подсовывая всем печенье, хотя бы они того или нет, и создавая вокруг себя тепло и уют.

Но вместо этого все испытывали неловкость.

– Может, чая? – спросила Флора.

Это слегка помогло.

Они с унылым видом уселись за кухонный стол. Еды почти не было, и все вокруг казалось пустым.

– Ну и что за работа? – спросил наконец Финтан.

Слова как будто вытащили из него клещами.

– Хорошая, – ответила Флора. – Я приехала для переговоров с Колтоном Роджерсом.

– Ну-ну, желаю удачи, – фыркнул отец.

– С этим уродом! – воскликнул Иннес.

«Ой-ой!» – подумала Флора.

– Притормози! Он совсем не так плох, – возразила она.

Братья переглянулись.

– Ну, мы об этом ничего не знаем, – сказал Финтан.

– Он не желает иметь дел с местными, – пояснил Иннес. – Никого не нанимает, ничего у нас не покупает.

– Строит какую-то фигню на севере острова, – продолжал Финтан. – Для богатых идиотов, которые будут прилетать на вертолетах за «впечатлениями».

– Для идиотов, – кивнул Иннес.

– И заманивает сюда разных дебилов для охоты на куропаatok. Они останавливаются в «Харборс рест» и ведут себя как английские придурки, – добавил Финтан.

– Полагаю, вы ведете себя дружелюбно и получаете от этого выгоду, – сказала Флора.

– Отвратительные люди, – покачал головой Хэмиш и протянул бисквит Брамблу, который как раз на такой случай стоял рядом.

Отец даже не сел с ними за стол. Он устроился у печи, подбрасывая в нее уголь и попивая виски из большого стакана, хотя было только начало дня. Флора посмотрела на него, потом снова уставилась в свою тарелку.

– А вы, ребята, питаетесь... то есть вы как следует заботитесь о себе?

– Мы тут прибрались перед твоим приездом, – нахмурился Финтан.

– В самом деле?

– Что ты хочешь сказать? – мгновенно перешел в оборону Финтан.

– Нет-нет, я просто...

– Мы едим сардельки, – сердито пояснил Финтан. – Иногда бекон.

– Вы же себя убиваете!

Отец явно похудел. То ли он мало и плохо ест, то ли дело в виски. Прошло ведь два года, они должны уже пережить потерю...

А она – нет.

– Ладно, спасибо за насущный совет, Флора, ты ведь прилетела издалека, чтобы дать его, – язвительно произнес Иннес. – Мы немедленно прекратим работать по двадцать четыре часа в сутки... А какой у тебя рабочий день?

– Довольно длинный, – огрызнулась Флора. – И мне приходится далеко ездить на работу.

– И ты готовишь?

– Нет. Но там есть закусовые, кафе, доставка...

Флора посмотрела на лица братьев и решила, что незачем сейчас объяснять насчет доставки на дом.

– Ладно, – сказала она, – а как дела на ферме?

Последовала долгая пауза.

– Зачем тебе это? – резко спросил Финтан. – Ты вернулась домой, чтобы проверить соблюдение законов?

– Нет! – возмутилась Флора. – Я совсем не это имела в виду.

– Не слишком хорошо, – отрывисто произнес Иннес. – Не все из нас выкладываются по полной.

– Это ты о чем? – спросил Финтан.

– Ты слышал.

– Я делаю свое дело!

– Ты делаешь только то, без чего никак уж не обойтись. Слава богу, Хэмиш подбирает за тобой.

– Мне нравятся коровы, – сообщил Хэмиш.

– Заткнись, Хэмиш! – цыкнул на него Финтан. – Тебе все нравится.

Флора, не глядя на Хэмиша, передала ему свой последний бисквит. Тот разом его проглотил.

– Как вообще дела, папа? – спросила Флора.

– А... прекрасно, – не оборачиваясь, ответил отец.

Он продолжал смотреть на огонь. Бракен сидел рядом, положив голову ему на колени.

Иннес включил телевизор. Это была единственная новая вещь в доме, и на огромном экране как раз по «Скай спортс 9» транслировали шотландскую игру шинти – нечто вроде хоккея на траве. Иннес включил звук и выложил на стол большой пакет чудовищно жирных булочек с сосисками, купленных в деревне. А Флора сидела и молча смотрела игру вместе со всеми, и пустота внутри ее стала такой необъятной, что она едва могла дышать.

Глава 9

В девять вечера Флора получила сообщение из конторы Колтона Роджерса о том, что он будет занят все утро и не сможет с ней встретиться. Флора почувствовала себя совсем бесполезной. Она написала об этом Каю, и тот сразу же ответил.

Привет, детка! Как тебе это?

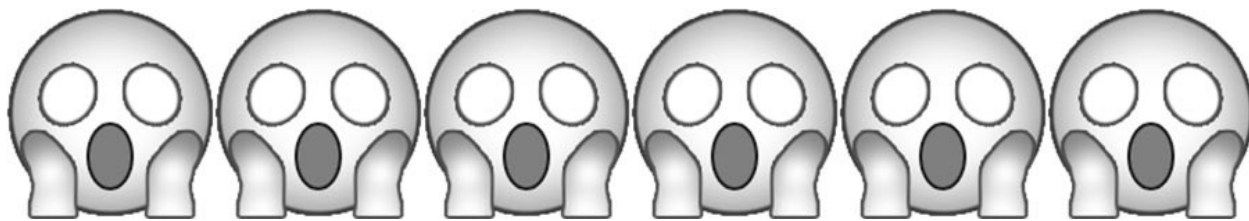
Не хочешь вернуться?

Ну, вот это тебя взбодрит. Джоэл озабочен происходящим. Он поднимается к вам.

А ты лучше поспи.

Наконец Флора отказалась от шинти и пошла в спальню, но уснуть не могла. Она ощущала легкий запах плесени от наволочки под головой, одеяло было тонким, матрас продавленным, и она гадала, когда же здесь кто-нибудь спал в последний раз. Отец не слишком жаловал гостей. Да и с какой стати, если все, кого он более или менее знал в этом мире, жили совсем рядом и могли дойти до дому пешком? А при большой семье дом и так всегда казался полным людей и даже слишком шумным.

Потом Флора услышала, как где-то далеко капает вода из крана. Она нахмурилась, сообразив, что кран точно так же подтекал и тогда, когда она еще жила здесь, что за прошедшие годы никто и не подумал его починить.

И она вдруг затосковала по суетливым улицам Восточного Лондона, по шуму вечеринок и дракам, что время от времени завязывались в жаркие ночи, по грохоту полицейских вертолетов, круживших над головой, по всему тому, что обычно вызывало у нее раздражение, а теперь показалось таким привычным, знакомым. Здесь же было так тихо, если не считать проклятого крана. Лишь ветер с моря едва шелестел травой. Ни автомобилей, ни соседей, ни музыки, ни людей. Вокруг царила полная пустота, как на краю света. И Флору стиснуло чувство бесконечного одиночества.

Но как ни странно, это походило на ее первую ночь в Лондоне: она начинала новую жизнь, а вокруг все было незнакомым. Но тогда Флору наполняли энтузиазм и волнение, надежды на новые возможности. Пусть даже она не продвинулась так далеко, как могла бы, она это сделала. Много работая, Флора построила здание собственной жизни. Сама управляла своей судьбой...

И только для того, чтобы закончить там, где начинала? Флора пролила немало слез по матери. Но теперь оплакивала саму себя.

Она прислушивалась к крану, ненавидя его, и в три часа ночи встала, чтобы попытаться его привернуть, – но безуспешно. Когда она на цыпочках шла через кухню, уже забрезжил рассвет, и Брамбл с надеждой посмотрел на нее, стуча хвостом по каменному полу. Флора задержалась на секунду, чтобы поправить потухающий огонь в печи. Когда она возвращалась в спальню, Брамбл тихо встал и пошел за ней, и Флора впустила его в

комнату. Она забралась снова в уже слегка остывшую постель, а Брамбл тут же влез на кровать и устроился в ногах. Его теплая тяжесть была приятной, и, когда пес мирно заснул, Флора тоже наконец задремала.

Она проснулась мгновенно, как будто ее ударило током, – в то время, когда братья отправлялись доить коров.

Джоэл! Джоэл приезжает!

Ей нужно было сделать многое, но она не могла сосредоточиться. Дом давил, а снаружи светило солнце, Флоре хотелось воспользоваться прекрасным днем и выплеснуть излишки энергии, поэтому она позвонила старой школьной подруге Лорне. Они учились в разных классах, но на Муре это никогда не имело значения. В их школе и было-то всего два класса: для мелочи и для больших.

Теперь Лорна вернулась на остров, чтобы стать сначала учительницей, а потом и директрисой местной начальной школы. Однако сейчас были каникулы, так что она оказалась свободна.

Лорна, миловидная рыжеволосая девушка, трудившаяся как черт, понимающе относилась к тому факту, что подруга почти не поддерживала с ней связь, если не считать редких «лайков» в «Фейсбуке», ведь Флора жила волнующей жизнью в Лондоне. Флора предложила вместе выпить где-нибудь кофе, и Лорна ждала, что ей придется с вежливым видом выслушивать жалобы на то, что этот кофе никуда не годится в сравнении с тем изумительным напитком, что подают в Лондоне.

Но когда Лорна увидела Флору, она была потрясена отсутствием того сияния в глазах, которое осталось в ее памяти.

– Привет! – с усмешкой сказала она. – Не может быть, чтобы так уж плохо оказалось вернуться домой.

– Все на меня косятся, как будто я их предала, – попыталась улыбнуться Флора.

– Тебе так кажется, – возразила Лорна. – К тому же люди беспокоятся за твоих братьев, они остались одни на ферме. Это странно.

– Но я в этом не виновата!

– Все думают, что один из них мог бы уже и жениться.

– Ну, Хэмиша никому не женить, – возразила Флора. – Он собственную голову не сможет найти, даже если будет шарить обеими руками.

– Знаю, – вздохнула Лорна. – Жаль... он такой милый.

– И слишком тороплив.

– А ты уже видела Агот?

Агот была дочерью Иннеса. Он стал ее опекуном, после того как его бывшая, Эйлид, сбежала на материк.

– Нет еще.

Лорна улыбнулась.

– А что такое?

– Увидишь, – ответила Лорна. – Ты можешь попросить Эйлид отправить ее в мою школу? Будь добра.

– Ладно, – согласилась Флора.

– Слишком многие уезжают. Хотят найти хорошую работу.

– Я видела закрытые лавки.

Лорна хмыкнула, когда они шагали по дороге от фермы.

– Посмотри, – сказала она, показывая на залив. – Разве все может быть плохо в такой день, как сегодня?

Над заливом кружили чайки, высматривая, не осталось ли на берегу чего-нибудь после ночного лова, на волнах играл свет. Прогноз погоды был не из лучших, но на самом деле ненадолго заморосивший дождь как будто отмыл дочиста все вокруг. Странно, но иногда такое случалось: все острова и материк вплоть до Лондона могли затянуться холодом и серой сыростью, но погодный фронт напрочь миновал их остров, позволив ему греться в ясном солнечном свете. Конечно, он не обжигал, но можно было посидеть на воздухе – в теплом свитере.

– Понимаю, – кивнула Флора. – Извини. Это просто... ну, ты знаешь.

– Да, – согласилась Лорна.

Она тоже потеряла мать. Иногда, подумала Флора, достаточно просто побыть рядом с тем, кто тебя поймет.

– А как твой отец?

– Погано.

– Мой тоже.

– В общем... – Флора пнула какой-то камешек. – Знаешь, когда мне сказали, что я должна приехать сюда по работе... у меня даже внутри все перевернулось. Нервы... Потому что это всегда здесь. И меня это мучает. Мне ненавистно постоянно раздражаться. Ведь я по природе веселый человек. Всегда была такой.

– Если честно, ты сама всегда вызывала раздражение, – улыбнулась Лорна.

– Ой, умолкни!

– Ну, как бы то ни было, – продолжила Лорна, – все в порядке, это правильно. Правильно горевать. Ты для этого предназначена. Таков период привыкания.

– Мне нравится в Лондоне, – вздохнула Флора. – Там я слишком занята, чтобы горевать. У меня нет времени оглядываться по сторонам и везде ее видеть, думать о ней или слышать вопросы о ней.

Они дошли до отеля «Харборс рест», которым управляла высокая энергичная островитянка по имени Инге-Бритт. Туда заглядывали в основном туристы, и ей не приходилось беспокоиться о том, что они явятся сюда еще раз, и ради этого как следует чистить столовые приборы.

Подруги заказали кофе и устроились в обшарпанном зале.

Лорна посмотрела на Флору:

– Неужели это так ужасно – вернуться сюда? Многие из нас... мы живем здесь постоянно. И это чудесно. Замечательно! Кое-кому очень даже нравится.

Флора помешала ложечкой в кофейной чашке. На поверхность поднялась легкая серая пенка порошкового молока.

– Знаю, – проговорила она. – Я не хочу представить дело так, словно я какая-то другая, особенная...

– Твоя мама именно так и думала.

– Все мамы думают так о своих детях.

– Не так, как твоя. «Ох, Флора справилась! Флора сдала все экзамены!» Она всегда желала тебе большего. – Лорна немного помолчала. – Ты там счастлива?

Флора пожала плечами:

– Нам лучше поговорить об этом вечером. С вином вместо вот... что бы это ни было такое.

– Закажу-ка я булочку с заварным кремом, поделимся.

– Можно попросить, чтобы ее подали без тарелки? Может, так чище будет?

Они честно разделили булочку, и Флора снова задумалась.

– У меня такое чувство, словно я здесь не на месте. Потом я уезжаю, и там то же самое. Так что я не знаю. Почему для тебя все так легко?

– Ха! – откликнулась Лорна.

Ей всегда нравилось учительствовать. Она отправилась в педагогический колледж на материке, и там ей было на диво хорошо. А потом она была счастлива снова вернуться домой, где остались ее друзья и родные, и со временем – хотя, если честно, претендентов на это место было не слишком много – стать директрисой маленькой начальной школы. Конечно, тревожило то, что население острова уменьшалось, а Лорне хотелось бы встретить хорошего мужчину, но в остальном...

– Ну да, – признала она. – Мне здесь неплохо.

– А мне иногда кажется, что для меня вообще нигде нет места.

Лорна неодобрительно фыркнула и встала. Флора послушно вышла следом за ней и пошла к заливу.

– Смотри! – велела Лорна.

Флора не поняла, о чем она говорит. Все вокруг было таким же, как всегда. Древние волны бились о стены причала. Старые лодки подпрыгивали на воде, и вечные чайки суетились у мусорных баков, вокруг стояли все те же полинявшие дома, а дальше тянулись все те же фермы и маленькие рыбоконсервные фабрики.

– Ну? – сказала она. – То же, что всегда.

– Нет, – возразила Лорна. – Смотри! Смотри, как мчатся по небу облака. Много ли неба ты видишь в Лондоне? Когда я там была, я только и видела что дома, а потом снова дома и голубей – и ничего больше.

– Хм... – промычала Флора.

– Вздохни! – посоветовала Лорна, вставая на стенку причала.

Воздух был свежим и чистым, с запахом соли, ветер тут же растрепал ее волосы.

– Попробуй это на вкус! Когда я в последний раз была в городе, то думала, что задохнусь от гари. А здесь потрясающе!

– Ты точно чокнутая! – усмехнулась Флора.

– Дыши! В мире так мало мест, где ты можешь дышать так же, как здесь. Это свежайшая из всех существующих атмосфер! Вдыхай ее! Выбрось к черту все эти классы йоги. Ничего не может быть лучше этого!

Флора уже откровенно смеялась.

– Я серьезно! – Лорна осторожно пошла по стенке. – Это ты чокнутая, Флора Маккензи. Здесь изумительно!

– Но уж очень холодно.

– Купи куртку потеплее. На это особого ума не надо.

Флора вслед за подругой забралась на стенку – здесь они в школьные годы сидели рядышком, ели чипсы и болтали ногами. Она посмотрела туда, куда указывал палец Лорны. Под ними вытянула длинную шею редкостной красоты цапля. Птица стояла на одной ноге, как балерина, будто осознавала собственную привлекательность, а солнечные лучи образовали гало вокруг ее головы. Потом, словно дождавшись, чтобы обе девушки посмотрели на нее, цапля раскинула царственные крылья и стремительно понеслась над живыми сияющими волнами, а вслед за ней помчались птицы попроще, сидевшие до того на стенах ярко раскрашенных домов, – цапля как будто увлекала их к белому горизонту.

– В Лондоне такого не увидишь, – усмехнулась Лорна.

И Флора вынуждена была с ней согласиться, когда цапля, даже не замедлив полета, выхватила из воды блестящую рыбину.

Пока они стояли так, глядя на море, Лорна наклонилась к подруге.

– Все будет хорошо, – тихо сказала она.

Лорна была наилучшим типом подруги, такой, которая никогда не проявляет злобы или зависти. Флора вдруг заметила, что снова пытается сморгнуть слезы, и прокляла себя за это. Она вдруг осознала, что впервые слышала такое. Отец не мог этого сказать, потому что для него это не было бы правдой. Он потерял все, для него ничего хорошего не осталось. Но братья... они все казались угодившими в ловушку. А сам остров как будто полагал, что Флора не достойна того, чтобы к нему вернуться.

– Думаешь? – тихо, с дрожью в голосе откликнулась она.

Лорна даже растерялась:

– Конечно! Все будет не так, как прежде, я уверена! Когда ты теряешь кого-то из родителей, то оказываешься в совершенно другом мире.

– Я должна была сделать больше.

– Не тревожься, – покачала головой Лорна. – Ты ведь не знала. Никто никогда не знает. До тех пор, пока не переходишь ту реку. Пока живешь в том мире. А потом начинаешь понимать.

– И что, становится лучше?

– Да.

Цапля опустила на большой камень и пристально всмотрелась в горизонт. Она была такой неподвижной и безупречной, что казалась фотоснимком. Флора уставилась на нее, моргая и стараясь остановить слезы.

– Ладно, – сказала Лорна. – Чем ты намерена заняться сегодня?

– Знаешь, что по-настоящему нужно братьям? – вздохнула Флора. – Нормальная домашняя еда.

– О да! – согласилась Лорна. – Твоя мама была лучшей поварихой, каких я только знала. И она ведь тебя учила?

– Учила, – кивнула Флора. – Только я успела все забыть. А в Лондоне еда...

– Только не начинай опять! – прикрикнула на нее Лорна. – Ты только что снова начала мне нравиться.

Глава 10

Марго сунула голову в приоткрытую дверь. Джоэл опять всю ночь работал над очередным судебным процессом, под глазами у него появились темные круги. Марго иногда удивлялась ему. Она же видела его электронную почту, отвечала на звонки. Если не считать случайных девушек, полагавших, что они могут чего-то добиться, в почте и звонках не было ничего личного. Никогда.

Конечно, это ничего не значило. Но иной раз Марго задумывалась, не скрывает ли резкость Джоэла чего-то другого. А иногда ей казалось, что он просто машина.

– Кофе?

Он раздраженно качнул головой.

– Вы летите сегодня в Шотландию?

– А что, это обязательно? – скривился Джоэл. – В самом деле? Разве я не могу все решить отсюда?

– Колтон, похоже, просто влюблен в те места, – пожала плечами Марго. – Так что это может иметь смысл на будущее, если вы хотите придержать его для себя.

– Да-да-да... Ладно, скажете, когда он позвонит. Я предпочту как можно дольше держаться подальше от той забытой богом дыры. Вы видели ее на карте?

Марго вытаращила глаза, когда Джоэл показал ей, как далеко на севере от главного острова Британии находится тот островок.

– Если бы он находился ближе, я бы удивился, – сказал Джоэл. – Черт... хорошо. Я передумал. Приготовьте кофе.

Марго выскочила из кабинета.

Флора обошла весь малюсенький супермаркет, сердясь все сильнее. Она хотела приготовить на ужин что-нибудь особенное, что-то такое, чего они обычно не ели, и непохожее на еду, которую готовила их мать. Флора не думала, что отец и братья могут помнить рецепты матери.

Она мельком подумала о том, как они с Хьюго ходили на свидание в Боро, рядом с Лондонским мостом. Это был рай для обжор, и невероятно дорогой. Как-то раз субботним утром они отправились туда, планируя заказать на вечер что-нибудь потрясающее – ризотто с кальмарами или горячий и острый тайский суп. Они пробовали там уйму кушаний, которых

Флора никогда прежде не ела: кимчхи, и севиче, и множество прочих деликатесов. Сама Флора умела готовить только традиционные блюда, но Хьюго куда больше разбирался в еде и ошеломил ее новыми вкусами.

Флора решила приготовить на вечер клецки со шнитт-луком в остром курином бульоне, с капустой, чесноком и чили. Отлично для мужчин, когда они голодными возвращаются с поля. День был ясным, но с севера продолжал дуть ветер, и неплохо в таких случаях проглотить что-то, согревающее изнутри.

– Привет, – поздоровалась Флора со старым Вулли, который, как всем было известно, работал по двадцать четыре часа в сутки в единственной на острове бакалейной лавке.

Но может, он и не был настолько стар. Возможно, ему на самом деле было лет тридцать пять, просто он очень устал.

– Флора Маккензи, – проворчал Вулли.

Флору охватило легкое раздражение. Вулли как будто не одобрил ее хорошую одежду и обувь...

– Флора Маккензи! Вы только посмотрите на нее!

Но никто не посмотрел.

– Привет всем, – сказала она. – Да, я вернулась. Но по работе, знаете ли. Я, вообще-то, работаю в Лондоне.

Вулли смотрел прямо перед собой, не проявляя никакого интереса, – как обычно.

– Ну да, – пробурчал он.

– В общем... У вас есть... рисовое вино?

– Не-а.

– А лимонная трава?

Вулли посмотрел на нее и медленно моргнул.

– Соевый соус?

– Ага, – ответил Вулли и показал на крошечную, ужасно пыльную и липкую на вид бутылочку.

– А как насчет овощей? – бодрым тоном продолжила Флора.

Вулли махнул рукой в сторону полки, заставленной консервными банками, и Флора окончательно рассердилась. На острове выращивали множество отличных овощей – морковь, картофель, помидоры, которым только и нужно было, что оставаться укрытыми, в тепле. Почему же всего этого нет в этой лавке?

– Здесь есть фермерский магазин? – спросила она.

– Чего-чего? – произнес Вулли с легким оттенком угрозы в голосе.

– Ничего, – ответила Флора и поспешила уйти.

В конце концов она нечто соорудила из того, что нашла дома в кладовке, то есть из старых пакетов лапши и острого местного лука. От волнения и оттого, что Флора одновременно пыталась хоть как-то отмывать грязную кухню, она ужасно переварила курицу на незнакомой ей газовой плите, а клецки получились твердыми, как пули.

Иннес, умываясь над раковиной, когда они вернулись с поля, внимательно посмотрел на еду.

– Это что, феминистское блюдо? – спросил он, когда все заняли привычные места за столом: Иннес и Хэмиш со стороны окна, Флора и Финтан напротив них, отец – ближе всех к плите. – Или это последний крик поварской моды в Лондоне?

– Ну, мы могли бы этим посыпать амбар вместо гравия, – предположил Финтан, с сомнением тыча в тарелку вилкой.

– А еще можно подправить оштукатуренную стенку, – добавил Иннес. – Можно это использовать как замазку.

– Хватит ныть, ешьте, и всё! – отрезала Флора.

– Но на вкус оно как помои, – заявил Иннес, стараясь говорить рассудительным тоном.

Флоре захотелось швырнуть в него тарелкой. Она понимала, что это глупо – еда и вправду была ужасной, – но в то же время она и отчаянно смутилась, и разозлилась. Она слишком отвыкла от всего здешнего.

– А мне нравится, Флора, – сообщил Хэмиш, который уже вылизал тарелку дочиста. – А что это такое было?

– О, бога ради, Хэмиш! – воскликнул Финтан. – Вечно ты так!

– Еще что-нибудь есть? – грустно поинтересовался Иннес.

– Нет, если вы сами ничего не приготовите.

Братья переглянулись.

– Что ж, тогда вы можете помереть от голода, – ядовито сообщила Флора.

– Тосты! – радостно воскликнул Иннес, и братья вскочили.

– Что?

– Помнишь миссис Лаэрд? – сказал Финтан. – Она всегда ухаживала за викарием. Миссис Лаэрд умеет кое-что. Она печет для нас хлеб.

Флора порозовела:

– Я и сама могу.

– Давай, милая, – заговорил вдруг отец. – Поначалу ни у кого не получается как надо.

Флора глубоко вздохнула и окинула взглядом грязную кухню.

- Пойду прогуляюсь, – сказала она.
- В рыбную лавку? – с надеждой произнес Хэмиш.
- Нет!

Флора быстро вышла из дому, ее глаза щипало от слез. Ей хотелось хлопнуть дверью, но эту дверь никогда не закрывали летом, и она слегка покоробилась, однако никому не пришло в голову хотя бы смазать петли – и это тоже разозлило Флору. Они что, совсем опустили руки?

А теперь еще и посмеиваются над ней, дразнят, как и прежде. И никто не думает за нее заступиться.

Ладно, она не собирается это терпеть. Она уйдет, отправится... но куда? В пабе сейчас наверняка полно отцовских друзей, а Флора не желала с ними сталкиваться. А все остальное уже закрыто. Ох, ну и местечко, черт побери... Но и домой вернуться прямо сейчас она не может.

Флора решила подняться по склону Карндина, освежить голову.

Огромный холм, с которого виден весь остров, был прекрасен – на самом деле его стоило назвать горой. Люди приезжали из разных мест, чтобы подняться на него, а зимой его основательно заносило снегом. И подъем на холм, как ни странно, был очень опасен, он не годился для легких летних прогулок, а в плохую погоду здесь и вовсе на каждом шагу грозила опасность. Не проходило ни одного сезона без того, чтобы не вызвали горную спасательную службу, потому что то один идиот, то другой оказывался в беде скорее, чем мог вообразить, хотя и считал, что просто быстренько прогуляется по чудесному зеленому холму, не обращая внимания на множество предостерегающих знаков и на путеводители, где четко и ясно говорилось обо всех опасностях.

Островитяне, часто сами в летнее время занимавшиеся спасательными работами, фыркали при виде всех этих девиц, что тащились на холм в шлепанцах и футболках, и парней, думавших, что переберутся через седловину без веревки. Потом все они были весьма благодарны собакам-спасателям и даже не реагировали на колючие замечания местных.

Конечно, Флора все это знала как свои пять пальцев, впервые она поднялась на этот холм, когда ей было девять лет. И еще были школьные походы по склонам, всегда вызывавшие громкие стоны. Еще они ездили в Эскер, маленькую деревушку на материке, где проходило жалкое подобие летней ярмарки, с шумными состязаниями и откровенно убогими киосками, вызывавшими восторженные вопли у вечно голодных мальчиков и девочек с острова. Они возвращались, нагруженные огромным количеством леденцов и дешевых мягких игрушек, хихикая над «альпинистами», у которых не было ничего, кроме пустых коробок из-под

сэндвичей, съеденных еще в десять утра, натертых ног да изредка капюшонов, полных дождевой воды.

День уже подошел к концу, но вечера сейчас были очень длинными, и Флора, поднимаясь все выше, начала дышать глубже и замечать все вокруг себя. Спустя еще десяток минут она удивленно оглянулась – за ней с бодрым видом бежал Брамбл.

– О нет! – воскликнула Флора. – Иди домой! Слушай, мне нужно побыть одной, честно.

Брамбл не обратил ни малейшего внимания на ее слова и подошел, чтобы вежливо лизнуть ей руку.

– Псина, ты слишком старый и толстый, чтобы лезть на эту гору. Что, если ты где-нибудь застрянешь?

Брамбл энергично махнул хвостом. Если она решит отвести его назад, ей придется вернуться в кухню, в неприятное молчание, которое, как была уверена Флора, охватило всех, и извиниться за свою вспышку, что будет выглядеть глупо. Она вздохнула и пошла дальше.

– Ты уж не отставай от меня, ладно?

Брамбл застучал когтями по камням. Если бы не его толстый зад, он выглядел бы весьма благородно.

Флора миновала нижнюю часть склона и очутилась на середине холма, где росла высокая трава. Воздух был чистым и холодным, и, когда Флора посмотрела назад, она увидела вечернее солнце, отражавшееся в море необычайно спокойном, словно какой-нибудь пруд. Вдали она заметила паром, совершавший свой обычный рейс через залив. Флора подумала, что было бы очень приятно находиться сейчас на его борту. А потом она могла бы сесть на ночной поезд от Форт-Уильяма и вернуться в Лондон...

Только не забывай, сказала себе Флора, что в Лондоне сейчас может быть градусов тридцать... И там царит чудовищная духота, воняет от полных мусорных баков, вокруг сигналият автомобили, все шумят и люди живут слишком близко друг к другу... Лондон летом был... да, это прекрасный город, но уж слишком переполненный. А какое множество пассажиров набивается в перегретые вагоны метро и пропахшие потом автобусы! Люди ищут крошечные клочки травы в парках и садах... а еще там раскаленные тротуары, запахи пищи, спиртного...

А здесь, наверху, бесспорно есть чем дышать.

Но дело-то не в этом, сердито возразила самой себе Флора. Дело совершенно не в этом. Никто ведь не отрицает, что здесь прекрасно. Конечно прекрасно, здесь изумительно, все это знают. Вопрос в том, подходит ли это ей лично. Годится ли это для того, что она хочет получить

от жизни, чем бы это ни было.

Но пока что Флора вернулась на эту глупую ферму и оказалась прикована к чертовой раковине, точно так же как ее мать. Флора горестно пнула какой-то камешек. Этого она не планировала. Это вообще никакой не план. Если и дальше все пойдет так же, если над ней будут смеяться после совершенного ею самопожертвования... что ж, она не станет иметь с ними никаких дел!

Флора снова пошла вверх, надеясь, что изрядная физическая нагрузка поможет ей немного успокоиться, но вскоре поняла, что мысленно продолжает спорить сама с собой о том, что не в силах изменить. Потом, опомнившись, она обнаружила, что поднялась выше, чем собиралась, и теперь видит за холмами материк. Небо заполнилось маленькими розовыми облачками, паром в заливе превратился в маленькую точку...

Флора решительно пошла дальше.

Уже у самой вершины она наконец почувствовала, что достаточно утомилась, потому что в голове у нее начало проясняться. Флора нашла водопад, который, как она знала, прятался за каменной стеной, и они с Брамблом с удовольствием напились его ледяной освежающей воды. Флора как раз решила, что с нее вполне достаточно, как вдруг услышала жалобный визг.

Она огляделась:

– Брамбл? Брамбл!

Пес в ответ заскулил, но не подбежал к Флоре, как всегда.

– Брамбл!

Солнце уже собиралось спрятаться за горами, и тут же усилился холод. Испуганная Флора поспешила на голос пса. И, к своему ужасу, увидела, что его передняя лапа застряла между камнями. Пес отчаянно скреб по влажным камням задними лапами, пытаясь высвободиться.

Флора зашла в воду и осторожно вызволила лапу из ловушки, а Брамбл в страхе вертелся под ее руками.

– Все хорошо, все хорошо... – шептала Флора на ухо тяжеленному псу, помогая ему выбраться на ближайший клочок мягкой почвы. – С тобой все будет в порядке.

Брамбл тихо поскуливал и дрожал всем телом. Оба они промокли насквозь, а когда солнце скрылось, воздух стал ледяным. Правая передняя лапа пса изогнулась под весьма неприятным углом, Флоре становилось не по себе от одного взгляда на нее. Брамбл жаловался и смотрел на Флору так, словно это она была во всем виновата, а она только бессвязно бормотала что-то, чувствуя, как в ней нарастает паника. Флора не взяла с

собой телефон, она выскочила из дому без сумки, слишком обозленная, чтобы прихватить хоть что-нибудь. Здесь даже в лучшие времена было плохо со связью, а то, что начиналось сейчас, на лучшие времена совершенно не походило.

На спуск с холма нужно как минимум полтора часа. Бедный пес не смог бы так долго идти, а весил он больше, чем сама Флора. А ей не по силам тащить его. Но и бросить его здесь она не может, он все равно попытается ковылять за ней, и кто знает, что тогда случится? Привязать пса не было возможности – да и сама мысль о том, чтобы оставить на привязи страдающее от боли существо, пусть даже ради его же пользы, выглядела невыносимой. К тому же скоро должно было окончательно стемнеть, и как ей уговорить кого-нибудь лезть наверх в чернильной тьме ради спасения собаки? Это ведь слишком опасно, кто станет подвергать риску жизнь человека?

Флора громко выругалась. Черт побери! А самым ужасным во всем этом было то, что Флора лишь подтверждала мысли своих родных о том, что она уж слишком размякла от городской жизни, даже забыла, как ходить по холмам.

О господи... Флора посмотрела на пса.

– Вот ведь как, видишь? Но ты не беспокойся, – сказала она.

Она слышала быстрое биение сердца в груди Брамбла. Дышал он часто и заметно дрожал.

– Бедный мой Брамбл, – пробормотала Флора, зарываясь лицом в его мех.

Она только теперь заметила, что очень замерзла. Слишком замерзла. Солнце ввело ее в заблуждение, на севере Британии была еще ранняя весна, а значит, опасность морозов не миновала.

Что ж, по крайней мере, у Флоры была собака, способная ее согреть, – нужно только прижаться друг к другу. Но нельзя же оставаться здесь на всю ночь. Нет, это чистое безумие!

И вся ее жизнь, сердито решила Флора, тоже была чистым безумием.

Она увидела, как надвигаются тучи. Ну конечно, а как же иначе? Это было самым старым в мире высказыванием: «Если вам не нравится погода в Шотландии, просто подождите минут пять». От дождя холмы за заливом потемнели, скрываясь из вида. Вскоре и вся линия берега исчезла за темной стеной воды. Ветер донес свежий, неземной запах надвигавшегося дождя. Брамбл поскуливал, как будто знал: вот-вот случится что-то плохое. Флора подумала, что у него-то хотя бы есть теплая шкура. Но все остальное выглядело весьма мрачно.

Она попыталась приподнять пса. Казалось, он весил целую тонну. К тому же он тут же запаниковал из-за боли в лапе и попытался вырваться из ее рук, что означало: идея невыполнима.

Упали первые крупные капли дождя. Флора лишь теперь сообразила, что на ней лондонская куртка, великолепная для того, чтобы пробежаться под легкой моросью, но абсолютно бесполезная на вершине шотландской горы во время шторма.

Интересно, когда братья забеспокоятся, гадала Флора. Они, наверное, решили, что сестра отправилась в паб встретиться с Лорной и вернется не скоро. В паб пускали собак, так что и из-за отсутствия Брамбла им не приходилось тревожиться, даже если они это заметят.

Флора сняла куртку и набросила ее на голову – куртка была без капюшона, – но вода все равно стекала по ее щекам. Флора вспомнила все известные ей ругательства и повторяла их снова и снова, но это не помогло. На самом деле они как будто даже вызвали раскат грома где-то вдали.

Укрытие, подумала Флора. Она должна найти какое-то укрытие. Флора стала мысленно рисовать план склонов, изученных ею в детстве. Она часто собирала там дикие цветы – для матери, а та бросала на них рассеянный взгляд и смотрела вокруг в поисках вазы, которой у них не было, после чего ставила букет в большую кружку.

Флора вспомнила, что примерно в двухстах метрах ниже по склону была пещера – с другой стороны, ее вход смотрел на остров. Там Флора в школьные годы пила сидр и целовалась с Кларком, а после их свиданий на земле оставались окурки и пробки от бутылок. Теперь Кларк был на острове полицейским, что сразу напоминало о том, как все изменилось. Флора не знала, служит ли и теперь пещера таким же целям. Скорее всего, да. На их крошечном островке не так уж много мест, где можно спрятаться от внимательных глаз. И если она сумеет добраться туда, они с Брамблом спрячутся, пока... ну, в общем, пока Флора не придумает что-нибудь получше.

Она глубоко вздохнула. Можно спуститься с горы, позвать братьев. А, да пошли бы они!.. Пусть себе занимаются своими делами, едят бобы из консервной банки, если им так хочется, ее это больше не интересует. Флора ненавидела это глупое место, его безумную погоду и глупую местную общину, где все знали друг друга и на все имели собственное мнение. С нее довольно!

Брамбл ткнул носом в ее ногу.

Может, она и Брамбла заберет с собой. Хотя, конечно, перевезти огромного старого пса в крошечную съемную квартиру в Лондоне...

Ладно. Возможно. Возможно, она будет его навещать. Или...

Брамбл заснул.

– Перестань, псина, – попросила Флора. – О боже мой... Ладно.

Наилучшим способом, рассудила Флора, было бы поднять Брамбла на плечо, как в военных фильмах, стараясь при этом не задеть пострадавшую лапу. Брамбл сначала сопротивлялся, а потом вроде понял, что Флора пытается ему помочь.

Уже промокшая с головы до ног, целиком измазанная грязью, Флора угрожающе рыкнула на небеса и, скользя и шатаясь, начала спускаться.

– Видит бог, ты просто глупая, безмозглая собака! – кричала она, используя злость как движущую силу. – Если бы ты не был таким чертовски жадным и не жрал бы все подряд, мне не пришлось бы убиваться, волоча тебя! И ты не застрял бы у того водопада, если бы был нормальной стройной собакой!

– А-о-у-у-у! – мрачно соглашался с ней Брамбл, поднимая голову и покрывая лицо Флоры новым слоем грязи.

Если бы Флора не знала гору так хорошо, она, скорее всего, не нашла бы пещеру, учитывая то, что находилась она в стороне от главной тропы, а вход в нее густо зарос ранним вереском. Флора ввалилась в пещеру под сплошным ливнем, продолжая на ходу читать лекцию псу. Ее совершенно непригодные для такой погоды кроссовки «Конверс» не просто промокли, а готовы были развалиться. Флора с трудом втащила беднягу Брамбла в условное укрытие пещеры, протиснувшись сквозь заросли.

– Черт, черт, черт побери!!! – выругалась она, как можно осторожнее опуская пса на песчаный пол.

Флора задыхалась и вспотела, промокла от дождя и была в бешенстве. Выглядела она не лучшим образом.

– Привет, – услышала она вдруг тихий голос.

Глава 11

Флора почти ничего не видела. Темнота внутри пещеры и потоки воды, стекавшие с ее головы прямо на глаза, не позволяли ей всмотреться. Она моргнула раз-другой, потом потерла лицо ладонями, стараясь хоть что-то разглядеть.

Потом она проделала это снова, надеясь, что увиденное исчезнет.

Прямо на нее тарацилось с полдюжину двенадцатилеток и высокий розоволицый мужчина – все они ошеломленно уставились на нее. Кое-кто из детей был явно испуган. Флора попыталась понять, так ли уж странно она выглядит.

Пожалуй, да. Она была с головы до ног в грязи и только что свалила на пол огромного скулящего пса.

Флора постаралась придумать какой-нибудь небрежный способ ослабить смущение – ну вроде как на Муре все только и занимаются подобными делами, – но Брамбл жалобно подвывал, и притихшие дети смотрели на Флору так, словно она нарочно его мучила.

– Привет, – сказала она наконец.

Мужчина осторожно шагнул вперед – мягко, спокойно, как приближаются к опасному животному.

– Ты в порядке?

Снаружи по склонам колотил дождь.

– Ну конечно, я в порядке! – ответила Флора.

И только тогда заметила, что едва дышит.

– Я спрашивал собаку, – сказал мужчина.

Он говорил с местным акцентом, но, когда Флора присмотрелась к нему, она его не узнала.

Она наконец смахнула с глаз последние капли воды.

– Простите... а вы все кто? Вы нечто вроде затерянного племени?

Но мужчина уже опустился на колени и что-то бормотал, мягко поглаживая тяжело вздымающиеся бока Брамбла.

– Лапа, – пояснила Флора. – Не трогайте ее. Он застрял между камнями.

– Он плохо выглядит, – заметил мужчина, почесывая Брамбла за ушами.

– Не оскорбляйте моего пса! – резко бросила Флора.

– Извините...

Он посмотрел на Флору. Мужчина был крупным, широкоплечим, крепко сложенным, с густыми волосами, глаза у него были яркого синего цвета, и казался он не слишком довольным.

– Зачем вы заставили его бродить по склонам в дождь?

– Я могла бы точно так же спросить и вас о вашей армии карликов, – проворчала Флора.

– А вы всегда лезете в гору в такой вот обуви?

– Да! – огрызнулась Флора. – Мне нравится ощущать грязь подошвами ног.

На мгновение лицо мужчины утратило суровость.

– Вы живете где-то неподалеку? – спросил он.

– Не совсем так, – соврала Флора. – А вы кто такой?

– Чарли Макартур, – сообщил мужчина, протягивая руку. – Агентство «Приключения на воздухе». Мы ходили в поход.

– Конечно, предполагалось, что это будет весело?

Маленький отряд бодро забормотал что-то.

– Само собой, – ответил Чарли. – Мы сегодня отлично побродили.

– А что случилось с вашей собакой? – застенчиво спросил один из мальчиков.

У него был резкий западный акцент – Флора сказала бы, что он из Глазго.

– Не знаю, – призналась она. – Думаю, он сломал лапу.

Мальчики сочувственно зашумели. Когда Флора получше к ним присмотрелась, она заметила, что это какие-то особенные дети. Они совсем не походили на шумных и уверенных детей, которые группами шагали по стенкам причала, обмениваясь бодрыми криками, швыряя всякую ерунду в чаек, и вообще держались так, словно им плевать на весь мир, хотя это было и не так.

Эти дети выглядели по-другому. Да, Флоре не показалось: они были бледными и худыми и буквально тонули в слишком больших, взятых в займы дождевиках. Она снова посмотрела на Чарли.

– Можно ребятам погладить вашу собаку? – спросил он. – Мы отнесем ее домой. Если хотите. То есть... Если у вас нет какого-то другого плана.

Флора выпрямилась и, прищурившись, уставилась на него, ей не хотелось, чтобы Чарли заметил, какое это для нее огромное облегчение. Вокруг Флоры и так хватало снисходительных мужчин, еще один ей уж точно не нужен.

– Если хотите, – пожала она плечами.

– О, конечно хочу! Прекрасно! Что ж, это весьма любезно с вашей

стороны. – Он выглянул наружу. – Думаю, мы подождем, пока закончится ливень. Нет смысла подвергаться переохлаждению.

Чарли посмотрел на детей, ласково гладивших пса. Брамбл наконец успокоился и вытянулся на песке, его дыхание стало спокойным. Похоже, он уже начинал дремать. Флора наморщила лоб.

– С ним все будет в порядке, – сказал Чарли. – Похоже, это не перелом, а сильное растяжение, ведь лапа не распухла. Не беспокойтесь, он просто спит.

– Знаю! – фыркнула Флора.

Наступило молчание. Флора понимала, что дурно ведет себя по отношению к человеку, который пытается ей помочь. Но каким-то образом ее сегодняшнее дурное настроение не желало отступить, и Флора не знала, как от него избавиться.

Они сидели рядом, глядя на дождь.

– А вы что, устраиваете приключения для детей именно в непогоду? – спросила наконец Флора, когда стало ясно, что Чарли не смущен молчанием и готов сидеть так, пока дождь не иссякнет.

Он повел плечом:

– Погода всегда часть событий, разве не так? Мы могли бы поставить палатки... и вообще лучше было бы снаружи. Здесь не разжечь огонь.

– Разве это не убогий отдых?

– Думаете, нам следовало остановиться в пятизвездочном отеле?

– На каникулах, почему бы и нет?

Чарли покачал головой. Они сидели достаточно далеко от притихших детей.

– Нет. Только не с ними.

– А кто они?

Некоторые из этих детей просто походили на беспризорников.

Чарли тихо хмыкнул:

– У этих детей родители в тюрьме. Или один из родителей. Так что это для них просто возможность отвлечься от всего... Многие в очень тяжелом положении... Их прислали к нам благотворители.

Флора была потрясена до глубины души.

– О... – тихо выдохнула она. – Я же не знала...

– А откуда вам знать? Они просто дети.

Флора глянула в сторону детей:

– Похоже, им нелегко здесь.

– Некоторым – да, очень нелегко. Но несколько ночей в палатках, даже и под дождем, – это не самое худшее. Сегодня первая ночь. Погодите – и

увидите, что будет через несколько дней. Вы их просто не узнаете. Просто им еще не известно, что будет дальше. – Он улыбнулся. – Как только мы разожжем огонь, все потеплеет.

– И вы один этим занимаетесь?

– Нет, с напарницей. Она отправилась за запасными плащами. Обычно я посылаю детей ей в помощь, но сегодня... не хочу, чтобы кто-нибудь подхватил бронхит.

– О... – повторила Флора.

Она гадала, кем может быть эта святая, которая в дождь ушла за плащами для неимущих детей, в то время как сама Флора буквально взбесилась из-за того, что никому не понравился приготовленный ею ужин.

– Я – Флора, – сказала она.

– Чарли, – снова представился мужчина. – Рад знакомству.

Они еще раз пожали друг другу руки. Ладонь Чарли была жесткой, обветренной и большой, как и он сам. В нем ощущалось нечто солидное. Флора понимала: если ваш ребенок очутится далеко от дома, такому мужчине его можно доверить без опаски.

– А почему именно вы остались с ними в этой пещере?

– Мы чередуемся, – усмехнулся Чарли. – К тому же это именно мужские уроки. Этим ребятам необходимо общаться с мужчинами. Они не слишком много их видят.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Флора.

– Ну... У большинства из них дома нет отца. Потом – женщины-учителя, женщины – социальные работники... Иногда они впервые сталкиваются с мужчинами, только когда попадают в полицию. Или в банду.

Тут Чарли встал и пошел к детям, собравшимся вокруг собаки. Он отправил двоих за палками, а когда те вернулись, мокрые и хихикающие, он показал всем, как соорудить полевые носилки, используя кусок брезента, который он извлек из своего рюкзака, и выдал кусок веревки, чтобы мальчики потренировались вязать узлы. И очень скоро им удалось смастерить нечто вполне приемлемое, теперь оставалась одна проблема – как уложить на носилки Брамбла. Пес, наконец-то расслабившись, спокойно лежал, изредка во сне облизывая лапу.

Чарли открыл справочник первой помощи.

– Что это вы делаете? – спросила Флора.

– Стараюсь подобрать правильную дозу снотворного для собаки. Пес довольно толстый, видите ли.

– Вы уже это говорили. – Флора нахмурилась. – И вы часто так

делаете?

– О нет. Но не беспокойтесь, просто мы всегда имеем при себе много всякой всячины. Годится на любой случай.

Флора улыбнулась. Чарли выглянул наружу:

– Похоже, проясняется.

– Ничего не проясняется!

– Думаю, любой, кто крепче тростинки, может выдержать такую погоду. – Он повернулся к мальчикам. – Кто достаточно крепок?

Мальчики загомонили.

– Кто полагает, что сможет отнести эту собаку вниз, к ветеринару?

– Я! Я, сэр! Позвольте мне!

– Не разрешайте ему! Он точно уронит эту чертову собаку, как роняет свои сэндвичи!

– Я не роняю сэндвичи!

Мальчики захохотали над каким-то незадачливым веснушчатым пареньком, стоявшим впереди, и тот густо покраснел.

– Угломонитесь! – приказал Чарли тоном, не допускающим возражений. – Так, парень, еще раз, как тебя зовут?

– Итан, – прошептал мальчик.

У него был измученный вид и тени под глазами, которые делали его похожим на старичка.

– Они были нормальными на вкус, эти сэндвичи?

– Да, если вам нравится грязь! – выкрикнул кто-то.

– Эй! – прикрикнул Чарли. – Достаточно!

Он наклонился к маленькому парнишке.

– Послушай, – заговорил он, – уже почти стемнело. Это животное пострадало, и мы должны его спасти. Это будет трудно, и мы промокнем. – Он немного помолчал. – Так ты готов мне помочь?

Мальчик энергично кивнул.

Чарли присел рядом с головой пса с парой таблеток снотворного.

– Он не станет это глотать, – сказала Флора, которая помнила, как давным-давно мать пыталась дать Брамблу глистогонное.

– Вместе с этим проглотит, – возразил Чарли, вдавливая таблетки в мятное печенье «Кендал».

И действительно, Брамбл сонно приоткрыл налитые кровью глаза и лениво слизнул печенье, ничего не заметив.

– Это его успокоит. Все в порядке, ребята.

Чарли назначил еще несколько человек в помощь Итану – и Флора отметила, что он не выбрал ни одного из тех, кто смеялся над мальчиком. И

вот уже ребята выстроились вдоль носилок.

– Начнем, – сказал Чарли, и они с Флорой опустили на колени, чтобы перекатить пса на носилки. – Этот пес уж...

– Да, слишком толстый – вы это уже говорили, – перебила его Флора. – И еще раз спасибо вам, Капитан Доброе Дело.

Чарли поднял голову и посмотрел на нее:

– Это что-то новенькое. Обычно люди благодарны, когда я помогаю им в горах.

– В самом деле?

Флора замерзла, ужасно проголодалась и на самом деле не чувствовала никакой благодарности.

– Спасибо, – повторила она.

– Не стоит того, – сухо откликнулся Чарли.

Брамбл слегка заворочался на носилках, но Флора успокоила его. Чарли снял с себя ремень, и Флора с изумлением наблюдала за тем, как он осторожно пристегивает Брамбла к носилкам.

Дождь уже уходил дальше, видно было, как горы у маленького залива очутились в его объятиях, вода лилась на поля, доходившие почти до дюн, взбивала пену в устье реки.

– Пора, – сказал Чарли. – Готовьтесь, ребята. По моей команде поднимайте его, осторожно, не торопясь...

Когда мальчики сосредоточились, у входа в пещеру возникла тень. Флора моргнула. Там стояла крупная женщина – не полная, а просто внушительная, с широкими плечами и крепким подбородком. Она натянула на голову капюшон непромокаемого плаща, крепко завязав его тесемки, капли воды висели на ее носу.

– Все готово, – бодро сообщила она. – Завтра все будете помогать, будь хоть дождь, хоть солнце. Можете только пожалеть себя, потому что это ваш первый день. Но все равно пора отправляться дальше!

Мальчики весело зашумели. А женщина только теперь заметила Флору.

– Вы кто? – спросила она. – Мы не разрешаем родителям сопровождать ребят в походах, и мне казалось, я это достаточно четко объяснила.

– Нет, я...

– А если вы какой-то инспектор, нам понадобятся две недели на письменный отчет, хотя вы можете хоть в полицию заявить, не важно, потому что наши стандарты безупречны.

Флора слегка дернулась:

– Нет, я...

– Она просто легкомысленная девчонка, чья собака повредила лапу, – пояснил наконец Чарли. – Ты посмотри только на ее обувь!

Женщина так и сделала – и тут же громко расхохоталась.

– Ох, да уж! – воскликнула она. – Так вы решили ей помочь? – Ее тон изменился, когда она обратилась к Чарли и мальчикам.

– Да, Джен! – закричали мальчишки.

– Что ж, прекрасно, – решила Джен. – Спустите ее с горы – и сразу возвращайтесь. У нас тут куча сарделек, которые нужно съесть!

На Флору она больше не смотрела.

Глава 12

Флора вынуждена была признать, что мальчики были невероятно осторожны и внимательны, когда тащили носилки по самой трудной, каменистой части тропы, пока наконец не добрались снова до широкой мягкой дорожки. Брамбл, похоже, даже во сне осознал, что ему стараются помочь, и не слишком вертелся, а также ничего не имел против ремня, что его удерживал. Флора ласково гладила его уши, когда могла, и шептала всякие глупости, в основном насчет лицемерных педагогов из «Приключений на воздухе», которые воображали, будто знают все на свете. А ее мокрые кроссовки чавкали в грязи.

Когда они подошли к ферме, Флора стала громко звать Финтана, который как раз вышел накормить кур, тот помахал рукой и пошел ей навстречу.

– Какого черта случилось с Брамблом?! – с озабоченным видом спросил он. – Что ты с ним сотворила, Флора?

– Я с ним ничего не творила! – с возмущением откликнулась она. – Он пытался добраться до водопада, хотя по человеческому счету ему уже лет семьдесят пять, не меньше. Он просто идиот!

Финтан посмотрел на Чарли – с некоторой робостью, как заметила Флора.

– Привет, Чарли! Жаль, что так вышло. Что там натворила моя сестра?

– Так она твоя сестра? – спросил Чарли. – Надо же! Вы совсем друг на друга не похожи.

– Я, вообще-то, тоже здесь стою, – напомнила им Флора.

– И слава богу, что ты здесь стоишь, – ответил Финтан. – Она что, действительно полезла в гору в этих сандалиях? Бедный Брамбл!

– Думаю, это просто растяжение, – сообщил Чарли. – Скорее всего, к утру он будет в полном порядке.

Мальчики осторожно опустили носилки на землю.

– Спасибо вам, ребята! – сказал Финтан. – Может, хотите...

– Чего? – уточнила Флора.

Финтан сморщился:

– Я хотел сказать «печенья или пирога», но у нас ведь ничего нет...

Прежде в их доме редко случался день, когда не нашлось бы фруктового пирога, ожидавшего случайных гостей.

Мальчики с надеждой смотрели на хозяев.

– У меня есть пакет бисквитного печенья, там, в спальне, – неохотно произнесла Флора.

Она спрятала это печенье от лап братьев, потому что все еще не доверяла им.

– Подождите...

– Не стоит беспокоиться, – остановил ее Чарли. – Нас ждет там, на горе, питательный ужин. Но без сахара.

– У-у-у... – протянул один из мальчиков.

Флора успела заметить, что у него не хватает одного переднего зуба.

– Тогда ладно.

– А как насчет чашки чая? Или глоточка спиртного? – спросил Финтан.

– Нет, я на работе, – возразил Чарли. – Лучше я поведу ребят обратно на холм. Уже довольно поздно.

– Верно, – согласился Финтан.

– Мне очень жаль... – пробормотала Флора.

Мужчины кивнули.

– Ну, пока! – сказал Чарли. Но обращался он к Брамблу.

Он ласково погладил пса, а потом вместе с мальчиками под морозящим дождем направился обратно к холму.

– Ну, успокоилась после маленькой прогулки? – спросил Финтан.

В кухне все оставалось по-прежнему, посуду никто не помыл, еда застыла на тарелках и в кастрюлях. Флора посмотрела на все это и зажмурилась. Она уложила Брамбла рядом с кухонной плитой, и тот, измученный событиями, тут же крепко заснул. А Флора пошла в свою спальню.

– Если будешь искать то печенье, так мы с Хэмишем его уже съели! – крикнул ей вслед Финтан.

– Я люблю бисквиты, – сообщил Хэмиш. – Купи еще, Флора.

Глава 13

Ну и как твоя работа? – поинтересовалась на следующий день Лорна. – Ты вроде совсем ничего не делаешь.

– Жду клиента, – пояснила Флора. – Я у него на побегушках. Но пока он не выдает распоряжений.

– Как ты думаешь, стоит этот кофе своих денег?

– Не стоит. – Флора с отвращением посмотрела на то, что подавали в «Харборс рест». – При всем уважении к самой идее кофе.

Она посмотрела по сторонам:

– А Колтон Роджерс хоть раз бывал здесь?

Лорна фыркнула:

– Ну, если серьезно, я вообще не думаю, что он где-то на острове. Никто его не видит.

Старая Мэгги, вечно присутствовавшая на сцене социальной жизни Мура и заседавшая в городском совете, наклонилась к ним.

– Он только высасывает деньги из местных, – презрительно сообщила она, – и ничего не дает взамен. Портит нашу красоту и нашу природу... и совсем не тратит здесь свои деньги.

Лорна посмотрела на Флору, и та энергично затрясла головой. Она не хотела, чтобы Мэгги узнала о том, что Колтон – клиент их фирмы.

– Он как человек-невидимка, – сказала Лорна. – Так и кажется, что появится вдруг из ниоткуда, чтобы выпить кружечку пива.

– Вряд ли американцы это делают, – возразила Флора. – Мне кажется, они предпочитают напитки из пырея.

Мэгги моргнула.

– Ну-ну, – пробормотала она. И тут же продолжила: – Так приятно снова тебя увидеть, милая. Ты в отпуске?

– Нет... просто... заехала ненадолго, – промямлила Флора.

– Твой отец наверняка рад.

– Пожалуй... – мрачно откликнулась Флора.

– Ох, ну конечно! – воскликнула Лорна, испугавшись, что Флора опять погрузится в уныние. – Мы все рады тебя видеть!

– Именно так, – согласилась Мэгги. – А ты будешь снова танцевать? Я уверена, миссис...

– Нет, – коротко бросила Флора.

Мэгги и Лорна переглянулись.

– Привет! – раздался у двери громкий голос.

Девушки обернулись. У входа стояла добродушного вида женщина, которую Флора не узнала с первого взгляда.

– Лорна! – прогудела женщина.

– Джен!

В голосе Лорны Флора не услышала обычной жизнерадостной доброжелательности.

– Как дела?

– Неплохо, неплохо!

Флоре показалось, что Лорна удручена встречей.

– Джен, ты знакома с Флорой?

– Нет, – ответила Джен.

– Между прочим, мы встречались вчера, – осторожно произнесла Флора.

Женщина слегка прищурилась.

– А, ну да! – проревела она. – Та самая дурочка! Можешь представить, Лорна, она полезла к водопаду черт знает в чем вместо хорошей обуви!

– Флора прожила рядом с водопадом чуть ли не тридцать лет, – мягко сказала Лорна. – Думаю, ей это позволительно.

– Только она могла бы и помереть там, если бы мы ее не нашли.

– И не собиралась! – ядовито бросила Флора.

– Здешние горы опасны.

– Да, спасибо, я это знаю, если учесть, что я здесь родилась и выросла.

– В самом деле? – фыркнула Джен. – Вообще-то, ты мне кажешься горожанкой.

– Спасибо, – ответила Флора и тут же рассердилась, потому что приняла это за комплимент.

– Вы хорошо прогулялись? – поспешила спросить Лорна.

– Да, но на нас лежит огромная ответственность за наших менее везучих друзей, – прогудела Джен. – И как раз поэтому мы думали... А ты не подумала еще раз о том, чтобы взять в школу больше детей?

– Я ведь уже объясняла, – ответила Лорна. – Мы были бы очень рады взять к нам любого из ваших детей. Но им придется жить здесь. Их родители или опекуны должны к нам обратиться.

– Они не могут, – возразила Джен. – У них нет возможности.

– Ну и как тогда я могу их принять? Будь рассудительна. Я не могу открыть здесь школу-пансион.

– Но им это пошло бы на пользу.

– Уверена, пошло бы. Но в Шотландии нет государственных

пансионов, да если бы и были, у нас нет средств и нам не набрать штат... – Лорна тревожилась все сильнее. – Джен, если ты захочешь привезти их на недельку во время каникул, мы будем рады принять их!

– Им нужно гораздо больше, чем это, – ответила Джен.

– Не сомневаюсь, – кивнула Лорна. – И мне очень жаль, что мы не можем этого дать.

– Очередная дверь захлопнулась перед детскими носами! – рывкнула Джен и ушла с оскорбленным ворчанием.

– Она вроде серьезно настроена, – заметила Флора.

– Да, и она совершенно права, – ответила Лорна. – Джен руководит агентством «Приключения на воздухе» для неустроенных детей. И думает, что это дает ей право хамить всем, кто не занимается тем же самым.

– Знаю, я уже встречалась с ее компаньоном.

– Чарли? С ним все хорошо. И ему нравится все западное. А Джен уверена, что все те, кто не пытается спасти мир, – моральные уроды.

– Да, похоже, она очень утомляет.

– Но она хорошо делает свое дело.

– Может, мне следует как-то помочь? – нахмурилась Флора. – Позаниматься с ними несколько дней, объяснить, как заботиться о себе.

– Хочешь снова устраивать чаепития?

– Если я этого не сделаю, то и никто не сделает, – вздохнула Флора. – Они ведь каждый вечер едят одни сардельки! А в итоге умрут от закупорки сосудов или коронарной недостаточности. В общем... Не могу сказать, конечно, что мне этого очень хочется...

Лорна улыбнулась. Ее собственная мать считала пределом мечтаний замороженные блинчики «Криспи панкейкс» фирмы «Финдус». Лучшим из подарков был для нее морозильник. И Лорне всегда очень нравилось бывать у Маккензи. Мать Флоры, казавшаяся ей существом из другого мира, постоянно хлопотала над какими-то исходящими паром блюдами, в прозрачных супницах булькали супы, вдруг возникали безупречные пироги, и у нее всегда имелось немного песочного печенья и теплого, только что из-под коровы молока.

– Не знаю... – протянула Флора. – Я подумала, что, может быть, попробую испечь какой-нибудь пирог...

– Когда ты в последний раз это делала?

– Не надо! – засмеялась Флора. – Я уверена, что все вспомню. Имей в виду, я как раз вчера вечером об этом думала.

– Хочешь, приду помочь?

– Ага, и приготовишь что-то для моей семьи, и покажешь им,

насколько лучше, чем я, ты умеешь это делать? Нет уж! Ты им и так нравишься больше, чем я. А ты уверена, что не можешь выйти замуж за одного из моих братьев, переехать к ним и взять на себя все заботы? Давай, Финтан все нравится!

– Нет, черт побери! – усмехнулась Лорна. – Без обид... я их всех очень люблю.

– И к тому же ты по-прежнему пытаешься закрутить с тем доктором.

– Перестань!

Лорна густо покраснела. Она была отчаянно влюблена в местного врача, так сильно, что Флоре вряд ли стоило подшучивать над этим.

– Прости, – поспешила извиниться она. – Я прекрасно знаю, что это такое... Мой босс... может, ты даже с ним встретишься.

Даже говоря это, Флора порозовела.

– Как это?

– Думаю, он собирается приехать, чтобы придраться к Колтону.

– Он тебе нравится?

– Он... он очень привлекателен. Вот и все.

– Нравится! А он свободен?

– Трудно сказать, – ответила Флора. – Он постоянно появляется с какой-то высокой тощей блондинкой, но я не уверена, что это одна и та же девушка. Как Леонардо ди Каприо.

– Хм... – промычала Лорна. – Что-то не похоже на твой тип.

– Так и есть! – согласилась Флора. – В общем... когда ты его увидишь, скажи, насколько неприятным он тебе показался.

– Ладно.

– Хочешь, я также оценю твоего доктора?

– Даже и не смей! – в ужасе воскликнула Лорна.

– Боже, как приятно встретить кого-то дурнее меня самой! – засмеялась Флора. – Правда! Ладно, пойду покупать все для пирога. Пожелай мне удачи.

– Для очень скромного пирога.

– Да-да-да!

Но когда Флора вышла и солнце согрело ей спину, а ветерок растрепал волосы, она почувствовала себя взбодренной тем, что провела время с подругой, не с кем-то со службы и не с мимолетным знакомым, а с человеком, которого она знала с давних пор.

Глава 14

Флора взмокла, поднимаясь по склону с покупками, и к тому времени, как дошла до дому, снова проголодалась. Но она ощущала приятную усталость после физической нагрузки и с тем чувством, которое возникает у вас при пробуждении утром после тяжелого дня, – ну не может же все на свете быть так плохо, как было вчера!

Из Лондона до сих пор не пришло ни слова. Флора понятия не имела, что происходит. Казалось весьма необычным числиться на службе – и вроде как в отпуске. Флора не знала, то ли ей следует как-то лучше проводить свое время, то ли просто немножко загореть и ни о чем не думать или взять и выпить, – ей достаточно было пятнадцати минут, чтобы обгореть на солнце, и не намного больше, чтобы опьянеть.

Брамбл уставился на Флору, когда она вошла, и его тяжелый хвост замолотил по старому каменному полу. Пес явно простил Флору за ужасный день. Она проверила его повязку – пес успел изжевать ее. «Нужно было надеть на него специальный воротник в форме конуса», – подумала Флора. Но ей всегда казалось, что собаки в таких воротниках выглядят ужасно растерянными и смущенными.

В доме, конечно же, было пусто, братья разошлись по разным концам фермы.

Флора включила Интернет – здесь он загружался со скоростью ленивой улитки, – просто для того, чтобы взбодриться, послушав на «Кэпитал ФМ» новости о лондонском транспорте. Метро снова встало. Туннель Блэкуолл был закрыт. Мысль о том, что не всем удастся хорошо проводить время, утешала.

– И будьте осторожны, к четырем часам температура может побить рекорд и достигнуть двадцати девяти градусов, так что лучше посидеть дома, ребята! – бодро сообщил диджей, и Флора закатила глаза.

Она осмотрела кухню. Кастрюли и сковородки, которые она так неудачно использовала накануне, все так же лежали в раковине, и к ним добавилась кастрюлька из-под овсянки, древняя коричневая с оранжевым штурковина – ею всегда пользовались именно для этой цели: чтобы сварить утреннюю кашу. Флора смутно помнила, что ее мать долго собирала нечто – ярлыки? наклейки? – для того, чтобы приобрести комплект кастрюль разного объема. Но от всего комплекта осталась только эта. Да и у нее уже едва держались ручки.

Флора проследила за солнечным лучом, что танцевал в грязных кухонных окнах. Здесь вообще все было ужасно грязным. Нельзя было на самом деле винить в этом братьев – они много работали, – но кухня, конечно, не стала бы чище сама собой. И было что-то в этом беспорядке и в этой грязи, что не позволяло расслабиться. Флора не была помешана на чистоте, ни в коем случае, но обстановка в кухне удручала и вряд ли шла на пользу семье. К тому же тут легко можно было подхватить дизентерию или амёбный гепатит.

Нет. Так дело не пойдет.

Флора с треском открыла древнюю посудомоечную машину и опустошила грязный фильтр. Помыв сначала камеру машины, которая, похоже, никогда не использовалась, Флора принялась заталкивать в нее все, что подворачивалось ей под руку. Она не стала экономить на моющих и чистящих средствах, которые купила в супермаркете вместе с ингредиентами для пирога. Снова и снова наполняла она горячей водой раковину, заставляя шумный старый бойлер регулярно включаться. Флора перемыла не только грязные тарелки, она взялась и за всю старую фаянсовую посуду, отмывая ее и складывая в углу, чтобы отправить потом в единственную на острове благотворительную лавку. Вот только найдутся ли на всем острове тридцать пять человек, которым понадобятся блюда? И сколько бесплатных кружек от компании по производству удобрений можно использовать разумно?

Потом Флора начала отскрести пыль и грязь с полок, покрытых липкими кругами. Она и сама перемазалась в пыли, когда заползала под буфеты, а потом ведро за ведром выливала в сток темно-серую воду. Флора вынесла груды старых рекламных листов и конвертов, собрала счета и банковские извещения и разделила на стопки, чтобы разобраться в них вместе с отцом. Следует научить его оплачивать банковские счета через Интернет, что заметно облегчит его жизнь. Возможно. Или жизнь Иннеса хотя бы.

Флора выбросила все старые пакеты с остатками лапши и просроченным рисом – оставалось лишь удивляться, что в дом не забрались мыши, – и расставила все по порядку в шкафах и буфетах. Она понятия не имела, что со всем этим делать, но приятно было видеть, что все весьма специфические предметы, вроде банок с кукурузной мукой и нутряным салом, выстроились в ряд.

Работа была утомительной, но результат радовал, и Флора снова и снова наполняла водой ведро. Даже то, что она занималась чем-то полезным, вдохновляло Флору, избавляя от панического липкого страха,

который она испытывала с тех пор, как узнала, что ей придется вернуться домой.

Она вспоминала Джен, о том, как та под проливным дождем устанавливает палатки для несчастных детей из города. Что ж, Джен была не единственной, способной творить добрые дела, подумала Флора, – но, поймав себя на этой мысли, поняла, что это глупо.

Она на пару часов залила плиту ядовитым химикатом, не забывая о том, что с ним следует обращаться осторожно, чтобы он ни в коем случае не попал в утиный пруд. Но Флора все равно могла поставить чайник. Ей приятно было видеть, как он блестит после того, как она замочила его в средстве от известкового налета. Потом она сто раз прополоскала его под краном, наблюдая за тем, как уплывают белые чешуйки, потом еще прокипятила в нем немного воды.

Затем Флора наполнила старые материнские баночки с надписями «чай», «кофе» и «сахар», но при этом поклялась себе, что как только получит какие-то деньги – кстати, об этом тоже стоило поговорить с отцом: а есть ли в доме вообще деньги? – то первое, что она сделает, так это купит нормальную кофеварку, чтобы не приходилось пить растворимый кофе, от которого она давным-давно отвыкла.

И тут Флора осознала, что размышляет так, словно намерена задержаться здесь куда дольше чем на какую-то неделю.

Но ведь это было не так. Дело сделано. Она уехала – но она снова дома. Она вернулась. Ух... Это смущало.

Протянув вперед руку, чтобы провести пальцем по только что отполированному буфету, Флора наткнулась на книги с рецептами, что стояли там. Она сама во множестве покупала их для матери, хватая все, что рекламировали, и полагая, что если уж мать так много времени проводит на кухне, то вполне может попытаться приготовить разные блюда. Так что здесь были книги Найджелы Лоусон, Джейми Оливера и вообще все, что показалось Флоре интересным и при этом не слишком сложным или причудливым. Ничего с кабачками-спагетти.

Книги посыпались на пол, и Флора уставилась на них. Новехонькие... Абсолютно нетронутые, практически это были единственные чистые, аккуратные предметы во всей кухне. Ее мать – всегда энергично ее благодарившая, – судя по всему, вежливо ставила эти книжки на полку и никогда их не открывала. Даже для того, чтобы просто поинтересоваться.

Флора с легкой улыбкой покачала головой. Нечего было и удивляться тому, что отец говорил: он знает, откуда у Флоры такое упрямство.

Подбирая книги и прикидывая, нельзя ли их продать, Флора увидела

между ними какую-то старую тетрадь. Пока она таращилась на нее, закипел чайник. Тетрадь казалась Флоре одновременно и незнакомой – она не могла в точности припомнить, видела ли она ее когда-то, – и в то же время очень знакомой, как собственная ладонь, как человек, которого замечаешь в толпе и лишь потом осознаешь, что знал его всю жизнь.

Флора присела на корточки и осторожно подняла тетрадь.

Она была в темном твердом переплете с красной прошивкой, слегка уже ослабевшей, и с такими же красными закладками внутри. На обложке виднелись жирные пятна. Флора открыла тетрадь, уже догадываясь, что это такое. Что ж, понятно, почему ее матери никогда не были нужны те книги, что покупала Флора.

У нее был собственный сборник рецептов.

Глава 15

Икак только она могла забыть? Но ведь Флора никогда на самом деле и не задумывалась о том, что еда требует такого внимания, ее мать просто готовила, и все, для нее это было так же естественно, как дышать. Обед появлялся на столе ровно в пять, когда все возвращались с полей или из школы, и, конечно, в конце обеда всем доставалось по большому куску яблочного пирога с домашними сливками, которые наливали из старого треснувшего белого кувшина с голубыми коровами по ободку, – кувшин этот благополучно пережил чистку. Пудинги и желе, толстые куски окорока и нежная картошка, и всегда пирог. В детстве Флора помогала матери, сидя рядом с ней и внимательно все впитывая и пробуя. В особенности хорошо ей удавалось облизывание ложки, но она справлялась также и с тем, что растирала в пудру сахар, месила, смешивала. И когда Флора уже подросла и училась, чтобы сдать экзамены, она продолжала работать в ритме движения материнской деревянной ложки и скалки.

И все это по-прежнему лежало здесь.

Флора вдруг от волнения слегка икнула.

Она налила воды в большую старую эмалированную кружку, которую мать постоянно доливала в течение дня, внутри остались темные полоски от чая. Казалось немного странным и даже слишком интимным пить из кружки матери. Флора с любопытством присмотрелась к ней, потом решила продолжить, пусть даже ей стало чуть жутковато. Просто она была немножко суеверной, вот и все. Флора опустила в кружку чайный пакетик и продержала его в кипятке чуть дольше привычного, криво улыбаясь себе под нос. Ее мать любила чай, в котором могла стоять ложка. Потом, взяв кружку, Флора села в материнское кресло – ближайшее к огню, хотя мать редко им пользовалась. Сидеть просто так не было в ее привычках. Такое случалось лишь в ее день рождения, в День матери да еще на Рождество, когда все суетились вокруг нее, уговаривая отдохнуть, пока они сами все сделают.

Флоре захотелось бисквитов, но их не осталось, и вместо того она снова уставилась на тетрадь, на эту маленькую частицу ее матери...

Тетрадь издавала легкий запах, нечто вроде концентрированной сущности кухни: немножко жира, немножко муки и просто запах дома, легший, как патина, за многие годы вместе с отпечатками маленьких липких пальцев, которым не терпелось ткнуться в джем. «Горячо! Еще

горячо!» Флора словно услышала отзвук голоса матери, прикрикивавшей на них, когда они старались подобраться к яркой густой жидкости, которую она осенью целыми днями помешивала в огромном котле, а потом наполняла ею банки и отправляла их на деревенскую ярмарку, на шотландский праздник урожая, древний и исчезнувший в других местах.

Флора помешала ложкой чай и открыла тетрадь.

Первым, что она увидела, была надпись неровным почерком ее отца, чернила давно поблекли.

Люблю тебя, Анни. Надеюсь, ты будешь записывать сюда что-нибудь замечательное.

Внизу стояла дата – август семьдесят восьмого, судя по всему, это был день рождения матери.

Флора всмотрелась в надпись. Это была тетрадь для заметок, очень красивая, а вовсе не для кухни. Почему же она превратилась в сборник рецептов? Но что еще могла записывать ее мать? Флора улыбнулась при мысли об отце, у него никогда не было особой фантазии насчет подарков. Но пожалуй, матери и это в нем нравилось.

Флора перевернула страницу. Каждый рецепт сопровождался подробными комментариями. Вот, например, мясной бульон с овощами. Как только Флора увидела этот рецепт, она буквально ощутила насыщенный запах бульона, мать готовила его по воскресеньям, предварительно обжарив мясо, в итоге получался густой, наваристый суп. Флора вспомнила запотевшие окна дома, которые она видела, возвращаясь из школы по понедельникам в темные зимние вечера. А еще теплую комнату, светлую и уютную, где она сидела над домашними заданиями, постоянно жалуясь, что все мальчики думают только о Лорне Маклеод. За стол садились ее братья, мать наливала всем чай, и Флоре тоже, а сама продолжала хлопотать у плиты.

Новая страница – и еще один рецепт супа, на этот раз из бычьих хвостов, но почерк был другим. Флора в изумлении поняла, что это рука ее бабушки Мод – бабушка давно уже умерла, она была такой же северной ведьмой, как и мать Флоры, – рецепт был записан чернильной авторучкой. А над ним мелкими изящными буквами написана какая-то гэльская фраза, которую Флора не сразу сумела понять, ей пришлось принести из гостиной старый словарь, и только тогда она разобрала: *«Это было давным-давно... а мне и теперь нравится».*

Что-то в этих простых словах заставило Флору улыбнуться. Она поджала под себя ноги – погода снова изменилась, и теперь в окна мягко стучался дождь, Брамбл поднял голову, потом встал, прохромал осторожно

через комнату. Встряхнув головой, он шлепнулся на пол и тут же снова заснул.

– Надеюсь, это значит, что ты поправляешься, а не просто ленишься, старина, – пробормотала Флора.

Она не слишком хорошо помнила бабушку Мод, потому что к тому времени, когда Флора немного повзрослела, у нее уже имелось множество внуков и она начинала понемногу сдавать. Но бабушка Мод приходила к ним и помогала Анни чистить бобы, они пили чай и сплетничали на гэльском. Но Флора их не понимала, и время от времени бабушка с легким сарказмом отпускала замечания в адрес Флоры, уткнувшейся в учебник, а Анни в таких случаях всегда слегка щурила глаза, и бабушка тут же меняла тему.

Но они очень любили друг друга, подумала Флора. Анни, четвертая из семи выживших детей бабушки, в семнадцать лет бросила школу и на следующий же день вышла замуж за их отца, обвенчалась с ним в церкви – в простом белом хлопковом платье, совсем непохожем на свадебное.

Флора хорошо помнила, как выходила замуж ее подруга Лесли. Ее мать буквально умоляла всех прийти и бесконечно тревожилась из-за платья Лесли – из старинных кружев в стиле ампир – и букета диких цветов... Флора и Лорна лишь смотрели во все глаза, тихонько сидя в углу, напиваясь и наблюдая за тем, как английские друзья нервничавшего молодого мужа Лесли пытались танцевать наравне с островитянами.

Чудесно было бы, думала Флора, если бы и она сама вышла замуж до того, как потеряла мать... Скорее всего, все было бы примерно так же. Но на самом деле Флора не слишком много думала о замужестве – всего лишь абстрактное предположение, что когда-то это случится, но не скоро.

Но ее мать рада была бы это увидеть...

На глазах Флоры выступили слезы. Ладно. Нет смысла плакать о том, чего не может произойти, строго сказала она себе, почесывая Брамбла. Никаких свадеб, ни один из ее парней, даже Хьюго, не делал ей предложения, да ведь и ей самой ни один не нравился настолько, чтобы огорчаться из-за этого. Просто жизнь шла своим чередом.

Флора поспешила перевернуть страницу.

И тут же погрузилась в не слишком понятные записи: чернила кое-где размазались, на страницах остались пятна и время от времени английский текст перемежался гэльскими словами. А что уж говорить о старинных мерах веса, о которых Флора никогда не слышала? Какого черта означало, например, «джил»?!

Но тут она услышала шум и испуганно вскинула голову.

У двери стоял отец, вид у него был такой, словно он увидел привидение. От неожиданности Флора выпустила из рук огромную эмалированную кружку, и они с отцом проводили ее взглядом, когда та с невероятным грохотом покатила по полу.

– Папа...

– Боже... – выдохнул он, прижимая к груди ладонь. – Прости, детка, прости. Я не хотел тебя пугать. Я просто... Ты так на нее похожа... И точно так же сидишь там...

Флора вскочила, чтобы взять из раковины кухонное полотенце, которое лежало там в отбеливателе. И вытерла пролитый чай.

– Я просто... – Отец все так же качал головой. – Прости, девочка... Я... был потрясен...

– Поставить чайник?

– Как раз это она бы и сказала, – улыбнулся он.

Последовала пауза. Отец оглядел кухню, и его глаза вспыхнули.

– Ох, ты только посмотри! – воскликнул он. – О Флора...

Флору охватило легкое раздражение. Она не ожидала особых похвал за то, что просто отмыла пол.

– Здесь теперь гораздо лучше.

– Ну так не устраивайте снова беспорядок, – сказала Флора немного резче, чем намеревалась.

– О... да. И ты насыпала чая в жестянки!

– Ну да.

– Знаешь, – он снова покачал головой, – я как-то и не замечал, что тут творилось.

– Может, теперь будете поаккуратнее?

– Да... Я скажу мальчикам. Я вернулся... – Он смутился.

– Что? – встревожилась Флора.

Только этого и не хватало, чтобы отец начал терять память!

– Я... мне...

– Трость? Сэндвичи?

Она заварила для отца чай, а старый пес уже тыкался носом в его ноги.

– Да нет, – улыбнулся отец. – Я подумал, что ты еще не вернулась... и решил, что могу немного отдохнуть...

– Конечно, ты можешь немного отдохнуть, – усмехнулась Флора. – Черт побери, ты на ногах с пяти утра!

Плита была еще теплой, конечно, она всегда была теплой, и отец опустил в свое кресло рядом с ней.

– И не позволяй мне мешать тебе, чем бы ты ни занималась, – серьезно

произнес он.

Флора вдруг заметила, что успела спрятать тетрадь матери в свою сумку. Она явно не хотела расстраивать отца, не хотела, чтобы он увидел тетрадь. К тому же у нее возникло странное чувство, будто это вообще личное дело между ней и матерью.

– Да я тут подумала насчет ужина... – глядя по сторонам, произнесла она.

– Ну, похоже, ты и так уже много сделала, – откликнулся отец.

Флора подала ему чай, и он, забирая чашку и благодаря дочь, коснулся ее руки, и в этот миг между ними проскочило нечто теплое, ослабившее напряжение.

Потом пришел Финтан и сразу раздраженно посмотрел вокруг.

– О, да тут, похоже, побывала фея чистоты! – воскликнул он. – Показываешь нам, как неправильно мы живем, да, сестренка?

– Ну почему ты такой агрессивный? – спросила Флора.

– Не знаю. Может, потому, что ты тут вертишься с ужасно кислым видом, тебе тут все противно. Ну да, наверное, поэтому.

Флора округлила глаза:

– От тебя... пахнет. Чем ты занимался?

– Не твое дело. Во всяком случае, это недостаточно привлекательное для тебя.

Эк бросил на сына пристальный взгляд:

– Ты что, снова ходил в ту маслодельню?

– Мне кажется, там можно сделать нечто особенное, па.

– Ну, это пустая трата времени, точно. И денег.

– Это вообще ничего не будет стоить!

– Нет, будет, потому что ты не станешь работать на нижнем поле.

Флора пыталась понять, о чем они говорят, и готова уже была спросить, когда Финтан фыркнул:

– Полагаю, обеда сегодня опять не будет?

– Отправлю Иннеса в кафе, купит что-нибудь, – сказал Эк.

– Нет! – воскликнула Флора. – Я приготовлю!

Оба они посмотрели на нее и рассмеялись, и ненадолго пришедшее к Флоре хорошее настроение разом улетучилось.

Глава 16

Если у Флоры и возникали какие-то фантазии насчет ее возвращения домой, они могли выглядеть примерно так: все будут рады ее видеть и послушать разные истории о жизни в большом светском городе. Ладно, может быть, не истории о свиданиях через Интернет, но определенно что-то они узнать захотят. Ее красивый босс стал бы в ее рассказах превозносить достоинства Флоры, а она была бы невероятно занята и стала бы важной фигурой, постоянно встречаясь с Колтоном Роджерсом и с легкостью справляясь с его делами в городе, вместо того чтобы болтаться без дела и пытаться стать незаметной.

А потом, после того как все с аппетитом съели бы обед, они бы открыли бутылочки местного эля и стали вспоминать разные забавные случаи, происходившие с их матерью, ее почти белые волосы и о том, как забавно она старалась увернуться от шерри на Рождество. Они припомнили бы все то, что мать обычно рассказывала о жизни на острове – о призраках, ведьмах, селки и эльфах, – ей эти истории представлялись милыми и чарующими, а детям казались просто ужасными; они бы смеялись, вспоминая, и радовались жизни. И все родные были бы искренне благодарны Флоре за то, что она заново объединила семью, и удивлялись бы ее потрясающей работе, а потом она вернулась бы в Лондон и начала с того, на чем остановилась. Но пошла бы дальше, да и выглядела бы лучше от свежего воздуха и хорошей пищи.

Флора обиженно посмотрела вокруг. Отец уже дремал у огня, виски подействовало на него. Финтан опять исчез бог весть куда. Ну и ладно.

Флора открыла тетрадь на тех страницах, где были записаны рецепты пирогов, достала фарш, слегка разогрела сковороду, нарезала лук. В отличие от вчерашнего дня, когда она паниковала и действовала чересчур поспешно, слишком сильно разогрела конфорку газовой плиты, потерпев в итоге полную неудачу, на этот раз она старалась действовать спокойно. Надо вспомнить, как именно все делала мать. Тщательно, хладнокровно замесить тесто, не спешить, как будто она уже сотни раз делала такое.

Пока пирог пекся, Флора обжарила морковь и горошек и приготовила пюре из местной картошки с большим куском масла из их маслодельни – она добавляла масло несколько раз, оно было таким вкусным! Потом обильно посолила, и вот уже в большой глиняной миске появилась замечательная золотистая горка пушистого пюре, в котором смешались

отличные ингредиенты. Теперь вряд ли кто-то нашел бы повод для насмешек, и Флоре даже не пришлось никого звать к столу. Все разом появились в кухне без пяти минут пять, привлеченные аппетитными запахами.

– Мне это нравится, Флора! – заявил Хэмиш.

И на этот раз братья не стали с ним спорить, а просто переглянулись.

– Ты это купила готовым? – спросил Иннес.

– Заткнись! – огрызнулась Флора. – И скажи спасибо.

Эк удивленно посмотрел на нее:

– Это же...

Все прекрасно поняли, что он хотел сказать: «Такое обычно готовила твоя мать», но никому не хотелось, чтобы он закончил фразу.

Флора слегка откашлялась и сменила тему.

– В общем, я знаю, что повторяюсь, но... как вообще дела на ферме? – спросила она как можно более бодрым тоном.

Иннес моргнул:

– А что? Хочешь нас продать Колтону Роджерсу?

– Нет, конечно! Я просто интересуюсь.

Эк хмыкнул.

– Мне нравится Хлоя, – улыбнулся Хэмиш.

– Да она ведь жуткая коза! – заявил Иннес.

– Мне она нравится.

Иннес вздохнул.

– Что такое? – не поняла Флора.

– Ничего. Просто... перевозка скота... Я не хочу. Это неправильно. То есть ты, должно быть, слышала, что происходит с ценами на молоко.

Флора кивнула:

– Но разве и здесь...

– О да. У нас нет выхода. А если попытаться продать животных на материк... Одна цена перевозки...

– А как насчет продажи здесь?

– Где? У нас нет такого количества магазинов, и не такая уж тут торговля, так что нам тут просто нечего делать. Ты разве не заметила? Ты поговори со своей подружкой Лорной, спроси, сколько здесь осталось нормальных семей с детьми.

Иннес с горестным видом откинулся на спинку стула. Хэмиш придвинул к себе большую миску с пюре и ел прямо из нее, ложкой. Флора остановила бы его, если бы ей не хотелось сделать то же самое. Да она ведь просто забыла, как вкусна настоящая хорошая еда!

– И насколько все плохо? – спросила она, поглядывая на отца, который то ли их не слышал, то ли притворялся, что не слышит.

– Вообще-то, очень плохо, – ответил Иннес. Он сердито посмотрел на Финтана. – А кое-кто при этом не приносит никакой пользы.

Финтан жевал, глядя прямо перед собой и не участвуя в разговоре. Зазвонил телефон Иннеса. Это была Эйлид, его бывшая. Иннес встал и отошел к большому окну в задней части кухни – за окном белое небо меняло цвет на синий. Иннес не мог скрыть то, что они с Эйлид откровенно ссорятся.

– Прекрасно, я ее возьму! – закричал наконец Иннес и оборвал звонок.

– Агот? Ты разве не хочешь ее видеть? – вырвалось у Флоры.

– Конечно хочу! – ответил Иннес. – Но завтра нам нужно пахать. Не до ребенка!

– Она любит тракторы, – сообщил Хэмиш.

– Знаю, – кивнул Иннес. – Любит настолько, чтобы бегать прямо перед ними.

Он прошелся взад-вперед по кухне, потом посмотрел на Флору.

Флора вообще ни разу еще не видела свою племянницу. В день похорон матери Агот была еще младенцем... Флора поспешила выбросить из головы мысли о похоронах. Она, по сути, вообще не знала детей, они казались довольно милыми, пусть даже и немножко требовательными, если верить ее друзьям, имевшим малышей. К несчастью, как только люди обзаводились детьми, они тут же выпадали из ритма лондонской жизни, и, если даже вы заманивали их выпить пинту пива, примерно через полчаса они попросту начинали дремать.

Эк поднял голову над подчищенной до блеска тарелкой.

– Но наша Флора сможет ведь присмотреть за ней, да, Флора? – сказал он, надевая очки. – Ты ведь ничем особенным не занимаешься.

– Ох, папа, ты же знаешь, что у нее «жутко важная адвокатская служба»! – язвительно бросил Финтан.

Флора обожгла его злым взглядом. Она ведь не была виновата в том, что ей приходилось ждать миллиардера. И она уже была сыта по горло тем, что братья явно видели в ней бездельницу – как, впрочем, они и предполагали всегда, – в то время как сама Флора знала, что в Лондоне ее ждет гора документов.

По правде говоря, слегка воодушевленная успехами в отчистке кухни, Флора уже подумывала о более серьезной и самой пугающей работе: разборке гардероба матери. Флора вопреки всему надеялась, что отец возьмет это дело на себя, но он так ни к чему и не прикоснулся. Флора не

намеревалась избавляться от всего подряд, если отец того не захочет, но привести вещи в порядок было просто необходимо.

– У меня достаточно дел, – проворчала она.

– Ну да, калечить собак, например, – съехидничал Финтан.

– Заткнись, Финтан! – рявкнула Флора.

Он показал ей язык.

Все уставились на Флору. А та подумала о том, что в семье остались всего две особы женского пола.

– А она приучена к туалету?

– Да, – соврал Иннес.

– Ну, тогда ладно, – вздохнула Флора.

Глава 17

Был давным-давно один корабль. И похищенная девушка.

– Где?

– О, далеко на севере, где стоят замки. И ее повезли через море. А она этого не хотела.

– Почему? Почему?

Но шелестящие юбки исчезли, любовь и покой растаяли, и ей стало холодно и одиноко, и...

Рассерженная Флора проснулась в узкой кровати, солнце уже светило вовсю, хотя было всего половина седьмого. Волосы Флоры перепутались, глаза слиплись. Она не сразу вспомнила, где находится.

А из Лондона по-прежнему не пришло ни слова.

Агот появилась в половине девятого, ее доставила не улыбчивая Эйлид. Она коротко кивнула Флоре и сказала, что слышала о том, что Флора «заглянула сюда», таким тоном, будто слово «заглянуть» было наихудшим оскорблением, какое только она смогла придумать.

Малышке Агот было три года, и для такой крохи она выглядела удивительно грозно.

– Это твоя тетя Флора, – сообщила ей Эйлид.

И если Флоре послышался в этом некий сарказм – ну, просто она была слишком взвинчена.

– Пливет, тетя Флова!

Голос девочки прозвучал неожиданно громко и низко, даже притом что она сунула в рот большой палец.

– Вы будете вместе играть и отлично проведете время.

Никто в кухне не казался очень уж уверенным в таком прогнозе. Эйлид отдала Флоре здоровенный рюкзак, набитый контейнерами с едой, пакетами влажных салфеток и – о ужас! – двумя парами запасных детских штанишек.

– Сможешь ее накормить?

– Конечно! – тут же оцетинилась Флора.

– Извини, я просто... Я слышала, ты здесь по работе.

– У меня много разных задач, – ответила Флора сквозь стиснутые зубы.

– Отлично, отлично, – рассеянно произнесла Эйлид, целуя дочь.

Флора отметила, что она не велела дочери вести себя хорошо или что-то в этом роде.

Эйлид ушла.

Утро стояло ясное, свежее, в общем – чудесное, если надеть свитер, и Флора предложила бы Брамблу прогуляться с ней, но пес еще немного припадал на переднюю лапу. И вместо того Флора и Агот стали осторожно присматриваться друг к другу.

– Это бабулин дом, – в конце концов заявила Агот.

Волосы у нее были очень светлыми, почти белыми, как у бабушки. И если верить Эку, они похожи как две капли воды. Длинные волосы придавали Агот вид существа из другого мира, как будто она была эльфом, принесенным невесть откуда северными волнами.

Иннес проворчал что-то насчет того, что не станет им мешать, и ушел заниматься делами. И Агот тут же принялась жаловаться, что у енотов вот не бывает длинных волос, никогда, но ее мама – у которой волосы были мышинового цвета – гордится волосами дочери и не хочет их обрезать. Похоже, их и в самом деле не стригли, потому что на концах остались младенческие завитки.

Флора предположила, что у кого-то из родителей это могло бы вызвать небольшую зависть, светловолосых детей вокруг, вообще-то, довольно много, но большинство из них с возрастом становились рыжими. Однако Агот, похоже, должна была на всю жизнь остаться эльфом.

– Чем хочешь сейчас заняться? – спросила Флора.

Агот покосилась на нее, и Флоре смутно почудилось, что есть нечто такое, что она должна знать, что у нее самой должен быть некий план...

– Ну-у... – прогудела Агот.

– Да?

– Это бабулин дом!

– Я знаю, – кивнула Флора.

Она вывела Агот наружу, и они уселись перед фермерским домом на скалистый выступ. Сюда не долетал ветер, и солнце внезапно обожгло лицо Флоры, она тут же подумала, что нужно смазывать малышку солнцезащитным кремом, потому что кожа у Агот была белой, как молоко.

– Но твоя бабуля была моей мамой.

Агот немножко подумала над этим.

– Она мама папули!

– Верно, была. И моей мамой она была тоже. Твой папа и я – брат и сестра, вот так.

– Как Дзолдзи и Пепа?

Флора решила, что лучше согласиться с этим заявлением.

– Да, – ответила она. – Точно как Джордж и Пеппа.

Агот свесила ноги с теплого камня.

– А ее здесь нет?

Флора покачала головой.

– А тетя Флова грустит, сто мамули нет?

Девочка задала этот вопрос доверительным тоном.

Флора смотрела на прилив, бившийся о камни под нижним полем.

– Да, – призналась она. – Очень грустит.

Лицо Агот начало кривиться.

– Хочу к мамуле! – загудела она.

Не нужно быть большим знатоком детей, чтобы сообразить: назревают неприятности.

– Все в порядке, – поспешила сказать Флора. – С твоей мамулей все в порядке. Я просто старше ее.

– Мне тли! – заявила Агот.

– Верно. Но я взрослая. Мне больше трех лет. Так что... видишь... ну, все в порядке.

Агот снова сунула в рот большой палец. Флора быстро огляделась в поисках чего-то такого, что могло бы отвлечь ребенка.

– Хочешь бросать камешки?

Агот энергично затрясла головой.

– Хочешь посмотреть на коров?

– Мне нлавяцца свинки!

– У нас нет свинок.

Губы девочки снова задрожали.

– Папуля говолил, бабуля петет петенье! – провозгласила Агот так, словно эта мысль только что пришла ей в голову. И она хитро покосилась на Флору. – Я люблю петенье!

– А тебе приходилось оставаться с дядей Хэмишем? – спросила Флора.

При этом она подумала о легком лимонном печенье, которое пекла мать, о крошечном волшебном печенье и о плотном фруктовом пироге, всегда стоявшем на полке в кладовой. И есть ли в материнской тетради рецепт этого печенья и пирога?

– Пойдем разберемся с этим, – предложила Флора.

Агот, просяив, прыгнула с камня и схватила Флору за руку, и Флора, совершенно неожиданно для себя, почувствовала от этого удовольствие.

Конечно же, в конце тетради нашлось несколько рецептов печенья. По

случаю дней рождения, Рождества и других приятных событий. Думая о коробках с изюмом и сушеными фруктами, которые Эйлид уложила в рюкзак, Флора решила, что сладкое может слегка развеселить Агот. Но Флора так давно не пекла печенья... Впрочем, все необходимое нашлось, и Флора улыбнулась, увидев это. Лепешки. Вот что получится.

Ее мать в верхней части страницы записала: «*Горячая печь, холодное масло*».

– Сто это знатит? – требовательно спросила Агот.

Она отодвинула от кухонного стола стул, шумно волоча его ножки по каменному полу. Брамбл неодобрительно фыркнул.

– Это значит, что печка должна быть горячей, а масло холодным, – пояснила Флора. – Это нужно для приготовления лепешек.

– Я люблю лепёски! – просияла Агот. – Сделай лепёски!

Флора отметила, что Агот всегда говорила коротко, выразительно и энергично. Она посмотрела на довольное лицо девочки и удивилась тому, что она сама не может быть такой же простой и искренней. Просто относиться к работе, к семье, ко всему, чего ей хочется.

– Ну... хорошо.

Она включила духовку, помыла девочке руки и принялась смешивать муку, молоко и холодное сливочное масло.

И тут ее поразила одна мысль: почему ей это раньше не пришло в голову? И почему парни этого не сообразили?

Флора отправилась в холодную кладовую за кухней. Да, похоже, братья не часто сюда заглядывали. Здесь хранилось бесчисленное множество консервных банок с бобами и фруктами – когда мать Флоры была молодой, на острове почти не имелось свежих фруктов и они были очень дорогими. Анни обожала консервированные мандарины, персики, груши. Когда свежие фрукты появились в достаточном количестве, Анни твердила, что они ее разочаровывают по сравнению с залитым сиропом содержимым консервных банок, которое она просто обожала, – и банки эти по-прежнему стояли в кладовой.

А на верхних полках – да! Сокровища, сиявшие в свете, проникавшем сквозь крошечное вентиляционное окошко. Розовые, темно-пурпурные, ярко-красные... Чернослив, клубника, ежевика, морошка. Богатые запасы ее матери.

Глядя на все эти банки, Флора осознавала, какая же это драгоценность. Здесь были и те самые банки, в которых Анни сама закатывала варенье из ягод и соки, ее руки прикасались ко всем стоявшим здесь емкостям... Многие она раздавала друзьям и соседям, но часть осталась на зиму. На ту

зиму, которой она уже не увидела.

Флора внезапно села на пол и заплакала.

– Сто слутилось? – прогудел басовитый голосок. Маленькие ручки вцепились во Флору. – Ты платес?

– Нет, не плачу, – ответила Флора.

– Платес! – уверенно заявила Агот. После этого она помолчала пару секунд. – Тепель лутьсе?

Флора заметила, что уже готова улыбнуться, и энергично потерла лицо ладонями.

– Да, – кивнула она. – Да, теперь лучше.

– Я люблю валенье! – бодрым тоном сообщила Агот.

И Флора, посмотрев на банки с вареньем из дикой малины, подумала, что, в конце концов, нет смысла оставлять все это здесь, и взяла одну из банок, пальцем смахнув пыль с ее крышки.

Лепешки, выходявшие из-под пальчиков Агот, выглядели довольно комковатыми. А Флора совсем забыла о простом удовольствии от подобных дел, об ощущении теста под руками и теперь аккуратно вырезала лепешки маленькой жестяной формочкой и выкладывала на смазанный маслом противень.

– Лепёски! – во все горло закричала Агот, когда на обед первым явился Иннес.

– О, прекрасно! – машинально ответил он.

А потом слегка отпрянул, когда девочка потребовала, чтобы он попробовал одно из ее слегка подгоревших творений. Но лепешки Флоры были безупречны, и она до смешного гордилась собой. Иннес даже посмотрел на нее с некоторым уважением.

– Можно мне и то и другое? – тактично спросил он.

Лепешки были еще теплыми, на них таяло масло, а поверх него – джем.

Ну да, это просто джем. Но вместе с его густой сладостью и легкой кислинкой малины нахлынули воспоминания о матери, стоявшей как раз на этом самом месте, энергично что-то размешивавшей с покрасневшимся от жара лицом и постоянно предостерегавшей детей, если те подбирались слишком близко к кипевшему сахарному сиропу...

Дни, когда варили джемы и варенья, всегда были хлопотливыми и волнующими, дети дожидаться не могли, когда им разрешат попробовать первые «образцы», намазанные на только что испеченный хлеб, с маслом из маслодельни... «Ягодная размазня» – так называл это отец, а Флора ела варенье каждый день, вернувшись затемно из школы... Вечера становились

все короче и короче, пока не начинало казаться, что ночь вообще не кончается...

Но всегда-всегда, приходя домой, Флора находила это: свежий душистый хлеб и сладкое ароматное варенье.

Флора молча наблюдала за тем, как Иннес делает то же самое. Он поднес лепешку ко рту, но, прежде чем откусить, вдохнул ее запах и на мгновение прикрыл глаза. Флора отвела взгляд, смущенная тем, что застала брата в такой момент, когда ему явно не нужны были свидетели. Последовала пауза. Потом Иннес откусил от лепешки.

– Ох, сестренка... – проговорил он. – Думаю, ты запросто могла бы продавать такие в кафе.

– Помолчи! – бросила Флора.

Но она улыбалась.

Агот тем временем воспользовалась моментом и слопала сразу три лепешки – причем не свои собственные, как отметила Флора. Потом девочка потянула отца за рукав с таким видом, словно желала поделиться чем-то очень важным.

– Папуля! – громко прошептала она.

– Что, мелюзга?

Иннес присел на корточки перед девочкой.

– Мне нлавицца Флова!

Флора невольно улыбнулась во весь рот.

– И... – продолжила Агот, цепляясь за отца липкими пальчиками, – и валенье!

– Что ж, конечно, – кивнул Иннес. – Так и должно быть. Это варенье варила твоя бабушка.

– Бабуджем! – дала определение Агот.

Иннес и Флора усмехнулись.

– А где Финтан? – спросила Флора.

Иннес пожал плечами:

– Наверное, в маслодельне. В последнее время он там целыми днями пропадает. Понятия не имею, что он делает. Наверное, ничего хорошего.

– Как ты думаешь, может, мне отнести ему лепешек?

– Подношение мира? – сочувственно улыбнулся Иннес.

– Что, это так заметно? – огорчилась Флора. – Но почему он постоянно на меня нападает?

Иннес снова пожал плечами:

– Дело не в тебе. Он всеми нами недоволен, разве ты не заметила? – Он посмотрел на остывающую гору лепешек. – Лучше оставь с десяток для

Хэмиша.

Флора собралась выйти, предоставив Агот возможность болтать с Иннесом. Брамбл тут же поднялся и потащился за ней. Флора почесала его за ухом и удержалась от желания показать язык Иннесу. Этот пес явно испытывал к ней особые чувства.

Флора прошла через открытый двор, где бродили куры и утки. Кур Флора не жаловала, хотя всем, конечно, нравятся их яйца. Что-то неприятное чудилось ей в их глазах-бусинках и в том, как они тучей налетали на уток, воровали у них корм, а после с победоносным видом – и Флоре казалось, что вполне сознательно, – гадили на ступенях крыльца. Иногда, зайдя в дом, Флора вдруг обнаруживала одну из куриц на кушетке, после чего начиналась изрядная суматоха.

Брамбл, совершенно бесполезный в качестве сторожевого пса, всегда затихал при появлении кур – а иначе они пытались клевать его и всячески дразнили. Это были весьма самоуверенные куры.

– Кыш! – прикрикнула Флора, когда куры с подозрением уставились на нее. – Кыш с дороги!

– Не бей кулотек! – раздался басок за спиной Флоры.

Она оглянулась. В дверях стояла Агот, строго смотревшая на нее.

– Если побьёс кулотек, не полутис вкусных яитек! – сообщила девочка.

По ее тону можно было предположить, что она все это уже испытала на собственном опыте.

– Ты права, – согласилась Флора. – Курочек бить нельзя.

Агот просияла, довольная тем, что верно проанализировала ситуацию, а Флора пошла дальше.

Маслодельня стояла справа от дома, на небольшом бугорке, с которого было удобнее спускаться воду, и на таком расстоянии, чтобы нетрудно было подъехать грузовичку. По сравнению с серым, элегантным фермерским домом она выглядела техническим сооружением, со стенками из рифленого железа.

С одной стороны находилось очистное отделение, где мать Флоры обычно взбивала масло. Флора со дня приезда не заглядывала сюда. Здесь стоял тяжелый запах, в щели стен задувал холодный ветер. Флоре и в детстве не нравилось это место, оно было холодным и странным, хотя масло Флора любила не меньше, чем все остальные.

Она постучала в дверь, хотя это трудно было назвать дверью, просто на петлях висел лист жести.

– Финтан?

Голос Флоры разнесся по маслодельне. В примыкавшем к ней коровнике сейчас не было, конечно, коров, их утром выгнали на пастбище, но запах остался. В первый день Флора постоянно морщила нос от этого запаха, но вскоре перестала его замечать, а если и замечала, то он уже почему-то казался ей уютным.

После паузы из-за двери донеслось:

– Чего надо?

– Финтан, это же я, – хмыкнула Флора. – Принесла тебе кое-что. Если хочешь.

Дверь слегка приоткрылась. На Финтане был просторный старый свитер, весь в дырках. Волосы у него уже основательно отросли, борода тоже выглядела неухоженной.

– Чего тебе?

В щель вырвался изнутри холодный воздух.

– Ну и холод там! – заметила Флора.

И действительно, контраст с залитым солнцем двором был слишком заметным.

– Так и должно быть, – ответил Финтан. – Ты не беспокойся, это фермерские дела – тебе не понять.

Он хотел уже захлопнуть дверь.

– Финтан, погоди!

Он посмотрел наконец на поднос в ее руках. Флора рядом с тарелкой поставила баночку джема.

– Это мамино?..

– Думаю, она не стала бы возражать.

– И оно не испортилось?

– Нет, – улыбнулась Флора. – Она потрясающе умела варить варенье.

– Она потрясающе умела много чего, – откликнулся Финтан.

Они замолчали.

Потом Финтан вздохнул и смягчился, открыв дверь.

– Ладно, – произнес он делано небрежным тоном. – Хочешь войти? – И снова посмотрел на баночку.

– Я только удивляюсь, что вы не слопали все это раньше, – сказала Флора.

– Ну да. Просто... ну, как-то это казалось неправильным. Съесть то единственное, что нам осталось после нее.

Флора немножко подумала.

– Мне кажется, она как раз и хотела бы, чтобы мы это ели.

– Да, пожалуй, – кивнул Финтан. – Действительно хотела бы.

– Агот считает, что мы должны это съесть.

– Ну, если Агот так думает... – Финтан улыбнулся, взял одну лепешку и тут же ее проглотил. Потом сообщил: – Точно такие же и она пекла.

– Я воспользовалась ее рецептом.

Финтан разом слопал вторую лепешку.

– Изумительно... Даже странно. Изумительно!

Флора отдала ему поднос с тарелкой и чашкой чая. И огляделась вокруг:

– А что ты вообще здесь делаешь?

Снова последовала пауза.

– Ну...

– Ты не обязан мне рассказывать, – уточнила Флора.

– Нет, я хочу... только не говори отцу, Хэмишу и Иннесу.

– Почему?

– Не знаю... Они будут надо мной смеяться.

– Это было бы приятной переменной, они перестали бы постоянно насмеяться надо мной.

– Верно. Так что я тебе, пожалуй, не скажу.

– Скажи! Что это такое?

Финтан поманил ее внутрь, потом закрыл дверь, как будто ожидал, что кто-то явится подсматривать и подслушивать.

– Я тут экспериментирую, – сообщил он.

– С чем?

– Ну... Ты сядь вот здесь.

Флора в недоумении села.

– Ладно, – продолжил Финтан. – Ты сейчас попробуешь и скажешь мне, что ты думаешь.

В помещении стоял глубокий металлический бак с гибким металлическим шлангом, его следовало всегда держать в безупречной чистоте, чтобы в молоко не попали какие-нибудь бактерии. Финтан ушел в дальний угол и тут же вернулся с чем-то вроде колеса, завернутым в холст. Присмотревшись, Флора увидела на полке еще несколько таких же.

Финтан с превеликой осторожностью, как будто распеленывал младенца, развернул холст. Внутри оказался большой круг мягкого на вид сыра. Флора смотрела на Финтана, вскинув брови, но брат не обращал на нее внимания. Он взял крошечный острый нож и, отрезав от круга кусочек, протянул Флоре.

– Ты серьезно? – спросила Флора. – Ты сам это сделал?

– Попробуй.

– Попробовать? Но если ты приготовил сыр неправильно, ты можешь меня отравить!

– Я не собираюсь тебя травить.

– То есть ты не собираешься делать это намеренно.

– Послушай, – заговорил брат. – Я уже много его съел. Я несколько лет над ним работаю!

– Несколько лет?!

– Да. Ну, это было... вроде развлечения.

– Несколько лет?

– Ты попробуешь или нет?

Флора взяла нож, потом с большой осторожностью сняла с него кусочек сыра и сунула в рот.

Это оказалось нечто настолько вкусное, что Флора и припомнить не могла, чтобы когда-то такое пробовала. В этом сыре ощущалась острота старого чеддера, но по консистенции он был мягче, больше похож на голубые сыры и оставлял глубокое послевкусие.

В общем, это было потрясающе!

Флора моргнула.

– О боже мой... – пробормотала она. И протянула брату нож. – Дай еще кусочек!

По лицу Финтана медленно расплылась улыбка.

– Серьезно? Тебе понравилось?

– Серьезно! Это потрясающе!

Финтан беспокойно посмотрел на дверь.

– Только не говори им, – попросил он. – Я не шучу. Пожалуйста. Не говори, ладно?

– Но почему? – Флора огляделась по сторонам. – У тебя его целая куча! Сколько времени ты на него потратил, если точно?

Финтан пожал плечами:

– Понимаешь... мне просто... Мне нужно было куда-то сбежать, когда... ну, ты понимаешь.

Флора понимала. Когда ее мать положили в больницу и она уже, по сути, домой не вернулась.

– Ладно, но ты собираешься что-то с ним делать?

– Я не знаю... Иннеса только деньги волнуют.

– Конечно, он обязан о них думать.

– А папа жалуется, что я бездельник.

– Так они даже не знают, чем ты занят?

– Да им все равно, разве не так? Я же просто чудак Финтан, занимаюсь

ерундой. – Он вздохнул.

Флора посмотрела на него.

– Семья – дело сложное, – заметила она.

– Да ни шиша они не сложные!

– При мне ты можешь ругаться и покрепче! – едва не рассмеявшись, сказала Флора.

– Что, в Лондоне все ругаются?

Флора с жадностью посмотрела на сыр:

– Дашь еще немножко?

– Вправду хочется? – улыбнулся Финтан.

– Да! И мне хочется, чтобы Агот его попробовала. Он плавится?

– Должен, это, вообще-то, твердый сыр, но вкус у него, как у мягкого.

Флора забрала протянутый ей кусок:

– Скажу, что купила его в Лондоне.

– Тогда они и пробовать не станут.

Флора включила гриль и подогрела сыр на ломте хлеба, пока его края не потемнели, слегка подсохнув и испуская восхитительный аромат, а в середине его светло-желтая масса запузырилась. Хлеб был свежим, с тонкой корочкой на краю, и Флора, посыпав сверху чуть-чуть черного перца, отдала его Агот. Та мигом проглотила весь кусок, едва тот чуть-чуть остыл.

– Ага! – сообщила девочка, одобрительно поглаживая свой животик. – Вкусно!

Довольная Флора улыбнулась. Это так весело – кормить других! Все налегали на еду, а она переглядывалась и обменивалась улыбками с Финтаном, видя, как всем нравится угощение, пусть даже такое простое, как жареный хлеб с сыром, – и на этот раз вечер прошел спокойно.

Глава 18

Это же черт знает что такое!

Джоэл громко брюзжал, а Марго в очередной раз пыталась его успокоить, но без особого успеха.

– Какого черта он до сих пор с ней не встретился?

Марго пожала плечами:

– Занят. Или думает, что она слишком молода.

– Она не слишком молода для того, чтобы болтаться там без дела за его счет! Он может стать для нас самым крупным клиентом, а она там слушает местные сплетни... и вообще неизвестно чем занимается! – Он скривился. – О черт... Видно, мне самому придется ехать. Как вообще добраться до этого забытого богом угла?

– Вы можете сесть на ночной поезд, потом на паром...

– Забудь об этом! Что, разве туда не летают самолеты?!

Вот так разозленный Джоэл оказался в крошечном турбовинтовом самолетике, который вылетел из Инвернесса с кучкой орнитологов и нефтяников. Глядя в окно на белое небо, он чувствовал глубокое разочарование. Дело оборачивалось каким-то анекдотом. Джоэл терпеть не мог эту часть своей работы – заигрывание с клиентами, особенно в таких нелепых случаях. Ему нравилась пикировка в зале суда, он расцветал от напряжения ночных подготовок, от которых весь его штат впадал в отчаяние. А потом – тяжелое обсуждение условий, и в итоге – победа.

Джоэл посмотрел вниз. Кто мог предположить, что его небольшая страна протянулась так далеко? Они летели над бескрайним морем. Было намного холоднее, чем в Лондоне, когда он шел по гудронированному покрытию и садился в двенадцатиместный самолет «Логанэйр». Джоэлу предстояло все уладить, очаровать клиента, что он терпеть не мог, направить ту девчонку в правильную сторону и сразу, как можно скорее вернуться в Лондон. А та была абсолютно ошеломлена, когда утром услышала его голос. Похоже, успела забыть, что такое настоящая работа.

Когда они делали круг над Муром, сквозь облака прорвалось солнце, на бескрайних синих водах болтались рыболовные траулеры. Но Джоэл так погрузился в размышления о работе, что ничего не замечал, пока они не приземлились перед невзрачным сараем, который оказался аэропортом, и самолет, вприпрыжку пробежав по земле, не остановился.

После тихого, спокойного вечера Флора запаниковала, когда зазвонил ее телефон. Она ожидала звонка из офиса Колтона, предполагала, что ей может позвонить Марго и высокомерно поинтересоваться, какого черта Флора не делает свое дело. Кай тоже мог позвонить. Но, увидев на дисплее незнакомый номер, Флора даже представить не могла, кто же это.

Бормоча в трубку «доброе утро», Флора поймала взглядом свое отражение в зеркале над старым туалетным столиком в своей маленькой спальне. За раму зеркала были заткнуты розочки, полученные Флорой за исполнение шотландских танцев. Ее мать тщательно сохраняла их все, розочки и чашки... Флора покачала головой, отчасти смущенная, отчасти довольная.

Волосы у нее торчали во все стороны. Было восемь утра, Флора и припомнить не могла, когда в последний раз спала до такого часа. Это все свежий воздух, он буквально сбивал ее с ног. Лишь вернувшись сюда, Флора начала понимать, что постоянно недосыпала. И теперь как будто восполняла годы нервного лондонского сна, всегда неглубокого, потому что она то боялась услышать шаги грабителей, то ее будили возвращавшиеся домой соседи, то ревел над домами полицейский вертолет, то сталкивались где-то машины, то начиналась гулянка в одном из соседних домов...

А здесь, если не считать раздававшегося время от времени лая тюленей и мягких звуков живой природы, не было ничего, вообще ничего, никакого шума, только чистый воздух и далекий убаюкивающий гул волн, если прислушаешься... и Флора каждый вечер падала и засыпала как сурок.

– Я вас разбудил? – поинтересовался сухой, лаконичный голос, и Флора подпрыгнула, как будто он мог ее увидеть.

– О-о... привет, мистер Биндер...

– Лучше Джоэл.

– Я... я просто... ждала... Потом звонила сама, но так ничего и не поняла и теперь не знаю, то ли я должна оставаться здесь, то ли... в общем, я бы предпочла заняться своими документами...

Это была наглая ложь, и Флора пыталась угадать, понял ли это Джоэл. Она крепко выругала себя. Брамбл ободряюще заворчал у соседней двери, Флора услышала, как суетится Хэмиш, отыскивая свои ботинки. Здесь был настоящий сумасшедший дом.

– Я прилетаю сегодня.

Флора сначала не поняла, что он сказал. Это казалось невероятным.

– Вы... что?

Джоэл с разочарованием произнес:

– Я велел Марго отправить вам все подробности. Вы что, до сих пор не видели Колтона? Мне казалось, там у вас довольно маленькое местечко.

– Не видела, – призналась Флора. – И никто его не видел, насколько я знаю.

– Что еще вам о нем известно? Вы хоть с кем-то разговаривали? Только не говорите никому, чем вы занимаетесь!

– Да я и сама не знаю, чем занимаюсь.

Последовала пауза, и Флора снова обругала себя за то, что ляпнула глупость. Джоэл протяжно вздохнул:

– Марго сообщит вам, каким рейсом я прилечу.

На остров приходил лишь один рейс в день, но Флора не стала сообщать об этом Джоэлу. Она, нервничая, отправилась в кухню. Может, она найдет еще какой-то рецепт... что-нибудь приготовит, чтобы успокоиться...

Флора собиралась отправиться в аэропорт на фермерском «лендровере» и решила потренироваться хотя бы несколько минут. Она так давно не ездила на этой машине, что ей не сразу удалось справиться с управлением. К счастью, так уж повелось, что полиция на Муре была не слишком суровой. Здесь никого не заботило, что за руль садились подростки лет эдак четырнадцати, не имеющие водительских прав, они просто вынуждены были помогать на фермах, вот и все. В результате Флора в свое время более или менее справилась с испытанием в Форт-Уильяме, поскольку экзаменатор был довольно рассеянным, но потом она лет десять не садилась за руль. Так что ей пришлось нелегко.

Когда она уезжала, Финтан спросил ее с искренним любопытством:

– А где он остановится, этот твой важный босс? Ты ведь не притащишь его сюда?

– Ха! Нет, конечно! – прошипела в ответ Флора.

Сама мысль о том, что Джоэл, в его сшитом на заказ костюме и ботинках из отличной кожи, войдет в эту дверь, была чистым безумием. Флора даже представить такого не могла, это было бы похоже на столкновение двух миров, которые в следующее мгновение взорвались бы гигантским облаком пыли.

– А «Скалу» еще не закончили? – спросила она.

– Нет, – нахмурился Финтан. – Это просто позор! Он вообще не нанимает на работу местных, вообще все привозит. Вот уж будет бревно в глазу!

«Скала» была легендарным отелем, который задумал построить

Колтон Роджерс, – это означало привлечение на остров инвестиций и обеспечение работой, но пока что ни того ни другого не произошло.

– Но он все еще ее строит? А говорил, что почти закончил.

– Ну, если и закончит, то без нас. – Финтан внимательно посмотрел на сестру. – А ты защищаешь всяких злодеев, Флора?

– Ты просто ничего не знаешь о законе, – ответила она.

– Верно, извини, – неодобрительно хмыкнул Финтан, – я забыл, что лондонцы знают все на свете. Такие уж они скоты.

– Не поняла?

Финтан пожал плечами:

– Я сказал, нам нужно купить побольше соды. Хозяйственной.

– Финтан!

И временное перемирие закончилось.

Глава 19

По крайней мере в этот день Мур показал себя во всей красе. Облака неслись по небу, как в ускоренной съемке, дул свежий ветер, но если вам удавалось найти тихий уголок, вас тут же согревало солнце, выглядывавшее каждые две минуты, и вы могли любоваться сменой света на воде и полосами золотых лучей на холмах. Все выглядело просто чудесно, еще не начался сезон нашествия затянутых в лайкру любителей хождения по горам, сосредоточенных натуралистов или просто заблудившихся туристов.

Флора надела один из своих служебных костюмов, и братья тут же принялись дразнить ее и смеяться. Ну и правильно, потому что уже секунд через десять она оказалась забрызганной грязью.

Флора нахмурилась:

– Это черт знает что, а не место!

– А ты одевайся правильно, – заметил Финтан, на котором были штаны, подвязанные бечевкой.

Флора окинула его взглядом:

– Вообще-то, уже день. Ты разве не должен работать?

Он вздохнул и слегка обмяк:

– Да-да, конечно...

И ушел.

– И не обзывайся больше скотами! – крикнула ему вслед Флора.

Но Финтан даже не оглянулся.

Причесываясь перед своим старым зеркалом – и пытаясь восстановить душевное равновесие, – Флора заметила, что ее кожа, обычно имевшая немного вялый вид после плохого сна и длинных дней под флуоресцентными лампами, выглядит теперь розовой и здоровой и даже обычно бледные щеки слегка зарумянились. Она слегка накрашила ресницы тушью, потому что сами по себе они вообще не имели цвета, потом втерла в губы капельку блеска, а сердце билось все сильнее. Утром ей позвонил Кай:

– К вам летит великий человек!

– Знаю.

– Вы там будете наедине!

– Перестань!

Флора и без того уже волновалась без меры. Кай немного помолчал и понизил голос.

– Послушай, – заговорил он, хотя и понимал, что его слова прозвучат впустую. – Ты там не теряй голову, ладно? Он все равно ведь твой босс! Ему не позволено спать с тобой. А если он и надумает, так только потому, что ожидает чего-то вроде обслуживания в номере.

– Кай!

– А что? Да ладно, я просто так сказал. Он назначает свидания только жутко тощим особам на высоченных каблуках и с желтыми волосами. Это могла бы оказаться и вовсе одна и та же женщина, вот только он стареет, а им по-прежнему двадцать два года. Я же говорю, что вы будете там, далеко, и рядом... так что не натвори глупостей, за которые потом сама себя будешь ненавидеть. К тому же если об этом прознают в кадровом отделе... Ну, ты ведь знаешь, какие они там занозы.

– Так ты поэтому переспал с двумя девицами из кадров?

– И они меня достали из-за этого!

– Может быть, – вздохнула Флора. – Может быть, все будет в порядке. А если вдруг мы окажемся вместе на одну ночь, то я сумею наконец выбросить его из своей системы ценностей и все наладится.

– Флора! Ты что такое болтаешь? Не вздумай! Ты не должна ничего делать сгоряча! Ты никогда так не делаешь! Все то время, что я тебя знаю, ты думаешь о том, не покрасить ли волосы. А мы знакомы уже три года. Так покрась их, и все!

– Это может сработать.

– Пожалуй, в серебристый. Или в голубой, морского оттенка, или...

– Нет, я имела в виду себя и Джоэла.

– Ты сама слышишь, что говоришь?

– А что тут такого? Я его очарую, мы переспим, и я перестану об этом думать.

– Только не ты!

– Ну, может, ты ошибаешься на мой счет?

Кай помолчал немного, потом фыркнул:

– Да. Может быть. А как там вообще дела? Все так же ужасно?

Флора готова уже была согласиться. А потом посмотрела в окно.

– Вообще-то, нет, – сказала она, увидев залитые солнцем поля.

Брамбл, прихрамывая, перебрался на освещенный участок пола спальни.

Флора улыбнулась:

– А у вас там как?

– Жуткая духота. И везде воняет барбекю и помойками.

– Звучит соблазнительно, – усмехнулась Флора, все так же глядя в окно.

По заливу, подгоняемая ветром, неслась, прыгая с волны на волну, парусная лодка.

– И еще, – победоносным тоном продолжил Кай, – как ты купишь презервативы? Если этот ваш Мур и в самом деле такой крохотный, как говорят, через пять секунд об этом узнает весь остров!

– Думаю, у Джоэла они всегда с собой, – ответила Флора, чувствуя, что отчаянно краснеет при одной только мысли о таком.

– Пожалуй, так оно и есть, – хмыкнул Кай. – Он, похоже, имеет солидную скидку, потому что покупает их пачками или коробками. Чтобы не подхватить какую-нибудь заразу.

Они оба расхохотались.

– Ну честно, ничего же такого не случится! – сказала Флора. – Он ведь понятия не имеет, кто я вообще такая. И задержится здесь, наверное, всего на полдня. А теперь мне пора, надо его встретить.

– Отлично. Отлично, Флора! Я понимаю, мы просто шутили, но... Дело не только в том, что он твой босс. Он потрясающий адвокат. Но думаю, он человек жестокий и грубый. Я видел его с клиентами. Ты такого не заслуживаешь.

Но Флора уже погрузилась в фантазии о том, как жестокие губы босса прижимаются к ее губам, так что она просто кивнула и отключилась.

Флора выехала с фермы, когда увидела, что маленький самолет с пропеллером начинает снижаться, так что она должна была подъехать к аэропорту как раз вовремя. Старая дорога была сплошь изрыта выбоинами, Флора то и дело подпрыгивала на сиденье. Она представляла, как Джоэл выходит из самолета, как он вдруг останавливается, осознавая, что прежде никогда на самом деле не замечал эту девушку из отдела подготовки процессов, как он совершенно по-новому оценивает ее...

– А, вы здесь...

Он смотрел скорее на телефон, чем на Флору, пытаясь связаться с кем-то.

Даже в нелепом жестяном сарае на краю света Джоэл выглядел так, словно только что вышел из частного реактивного самолета. Его вообще трудно было представить иначе как в отличном костюме, Флора никогда не видела его небрежно одетым, даже на рождественских вечеринках в их

фирме. Флора ненавидела эти вечеринки, она тратила часы на то, чтобы принарядиться, а потом болталась рядом с Джоэлом, пока он общался с партнерами. Босс изредка одарял сияющими улыбками толпу сотрудников, также пытавшихся подобраться к нему поближе, а через час-другой уходил, отправляясь на какие-то более важные приемы. И даже летом в пятницу он был одет безупречно. Всегда. Флора и вообразить не могла, как бы он выглядел, если бы ослабил узел на галстуке, хотя ей и хотелось такое увидеть, очень хотелось.

– Машина там, – сказала она, надеясь, что не слишком покраснела.

Джоэл быстро подошел к «лендроверу», ветер за стенами аэропорта слегка застал его врасплох.

– Здесь всегда так холодно? – спросил он.

Флоре совсем не казалось, что сегодня холодно. Она сообразила, что, видимо, уже привыкла.

– О нет, – покачала она головой. – Обычно гораздо холоднее.

Джоэл коротко кивнул, открыл дверцу «лендровера» и сел в машину.

Флора на мгновение застыла. Джоэл сел на место водителя.

Она решила наконец, что это и к лучшему при данных обстоятельствах: он же ее босс и ей не надо об этом забывать. Она села рядом с ним.

Ей почти не приходилось видеть, чтобы Джоэл из-за чего-то смущался.

– Э-э-э... я не там сел, – сморщился он.

– Да, – согласилась Флора.

– В Штатах... в Америке это место пассажира.

– Да, но вы-то живете в Великобритании, разве не так?

Последовала пауза, пока до Флоры доходило то, что они оба прекрасно знали: Джоэл никогда не ездил на переднем сиденье машины. И незадача случилась просто потому, что в «лендровере» не было задних сидений.

– Но вы можете вести сами, если хотите, – с улыбкой предложила Флора.

Однако Джоэл не улыбнулся, он явно почувствовал себя не в своей тарелке.

– Нет-нет, – ответил он.

– Только если хотите, – повторила Флора, гадая, какого черта их угораздило очутиться в такой неловкой ситуации.

Джоэл посмотрел вниз, похоже думая то же самое.

– Мм... здесь рычаг?

– Что?

– Рычаг скоростей. Я не умею с таким ездить.

Флоре вдруг захотелось захихикать, но это явно оказалось бы уж слишком не к месту. Некоторые мужчины совершенно не переносят насмешек над собой, и Джоэл, безусловно, принадлежал к таким. Так что Флора выскочила из машины, и они, не глядя друг на друга, быстро поменялись местами.

– Так вы остановитесь в «Харборс рест»? – спросила Флора, когда все наконец уладилось и она тронула машину с места.

– Что?

– Где вы остановитесь?

– Да, верно. А что это за место?

Флора не стала спешить с ответом.

– Хорошее. Отличное!

Они повернули к заливу. Джоэл ни слова не сказал о симпатичных маленьких домах или об узких улочках, которые уходили к огромному пространству белого песка. Обычно люди что-то об этом говорили. Но Джоэл сердито уткнулся в телефон, пытаясь поймать сигнал. Безуспешно.

– Боже, да как вы это все выносите?! – сказал он наконец.

Флора вдруг ощутила раздражение. День стоял на диво прекрасный. И если вы не способны увидеть всю красоту здешних мест, то вы просто идиот. Ей даже самой показалось странным то, что она была готова отчаянно защищать остров...

Флора покосилась на Джоэла. Он вытянул вперед длинные ноги, дорогие брюки облегли узкие крепкие бедра. Да, это было глупо, но Флора почувствовала себя нелепой старухой.

Она остановила машину перед светло-розовым зданием рядом с гостиницей, окрашенной в черное и белое и заметно облупившейся. Розовый домик некогда был аптекой, но ее владелица, пришедшая англичанка, вернулась к себе на юг Англии, чтобы помочь дочери, родившей ребенка. Никто больше не занял этот дом, и он стоял в ряду перед заливом, как сломавшийся зуб. Флоре грустно было смотреть на него.

Перед «Харборс рест» курили трубки двое старых бородатых рыбаков. Они походили на лондонских хипстеров. Флора понадеялась, что Джоэл и примет их за таких. А вот что он мог подумать о замусоленном ковре с рисунком из завитков, лежавшем в холле, – другой вопрос.

Инге-Бритт, ленивая управляющая, уроженка Исландии, подошла к двери. На ней было нечто бесформенное... но не могла же она встречать их в халате? Флора слегка смутилась. Она вышла из машины, следом появился Джоэл со своим дорогим чемоданом. Увидев его, Инге-Бритт улыбнулась,

продемонстрировав безупречные зубы.

– О, привет! – сказала она, вскидывая брови.

– Это мой босс, он намерен занять номер, – многозначительно произнесла Флора. – Джоэл Биндер. Ты получила сообщение?

Инге-Бритт пожала плечами, уставившись на Джоэла с неприкрытым любопытством:

– Уверена, номер для него найдется.

Джоэл, не обращавший внимания на их разговор, пошел следом за Инге-Бритт, мимоходом оглянувшись на Флору:

– Заезжайте за мной в два часа.

Флора кивнула и, развернувшись, увидела на другой стороне улицы Лорну.

– Я просто мимо проходила, – безнадежно соврала Лорна.

Флора бросила на нее осуждающий взгляд.

Лорна проводила взглядом Джоэла, вошедшего в пропахший завтраком «Харборс рест».

– Ну?

– Он очень красивый, – сообщила Лорна. – Тебе следует оберегать его от когтей Инге-Бритт.

– Да от нее беконом несет! – обиженно огрызнулась Флора.

– О да, мужчины этого терпеть не могут, – согласилась Лорна.

Лорна поехала с Флорой к ней на ферму, чтобы перекусить. Флора усадила ее за стол, приготовила чай и, чтобы взбодриться, решила наскоро испечь немного овсяного печенья – соленого, с хрустящей ореховой крошкой. Такое печенье готовилось очень быстро, а пока оно остывало, Флора положила на него еще и ломтики сыра Финтана.

– Боже мой! – воскликнула Лорна, откусив первый кусочек.

– Знаю, – усмехнулась Флора.

– Это печенье – просто сенсация!

– Спасибо. А сыр сделал Финтан.

В сочетании с идеальным хрустом сыр придавал печенью нечто действительно особенное.

– Это просто... ну, как будто у тебя очень долго не было секса, и вдруг...

– Эй, не говори так! – предостерегла ее Флора. – Сглазишь и останешься вовсе без секса!

– Да мне плевать, если я смогу целый день есть эти штучки! – заявила Лорна. – Я серьезно. Еще и еще. Да! Да!

– Давай уточним, это все-таки не секс, – напомнила ей Флора.
– Ну, все равно похоже, – ответила Лорна, с вызывающим видом хватая еще две печеньки.

Потом она уставилась на сыр:

– Финтан? В самом деле?

– Да, он делает сыр в свободное время. И думаю, еще что-то.

– Этому парню не нравится работать на ферме.

Флора моргнула:

– Правда? Я думала, он просто немножко ленивый.

– Он терпеть не может поля. – Лорна посмотрела на подругу. – Не станешь же ты утверждать, что ничего не заметила?

Флора промолчала.

– Ты серьезно?

– Мне казалось, у него все в порядке, – пожала плечами Флора.

Лорна бросила на нее какой-то странный взгляд:

– Флора, у него никогда не было подружек, он постоянно подавлен и слишком много пьет...

– Да такое можно сказать про половину острова, – нервно возразила Флора.

– Да, но это же изумительно – что он способен делать нечто вот такое, – осторожно произнесла Лорна. – Ну да ладно, а в честь чего ты так вырядилась?

– Я, на минуточку, на работе, – напомнила ей Флора. – Я служащая.

– И печешь печенье? – вскинула брови Лорна. – В этом ты определенно преуспела.

– Мы... – покачала головой Флора, – мы после ланча отправляемся на встречу с мистером Роджерсом.

– Мы?! – фыркнула Лорна. – Мы то, мы это... Кстати, Чарли о тебе спрашивал.

– Это тот огромный парень из «Приключений на воздухе»?

– Он милый, – сказала Лорна. – Переспи с ним!

– А Джен его жена или как?

– Да кого это волнует? Или тебе обязательно нужен Джоэл...

– Перестань! – перебила ее Флора. – Ты его не знаешь!

Лорна вдруг внимательно посмотрела на подругу и коснулась ее руки:

– Что, дело совсем плохо?

– Угу...

– А это помогает? – тихо спросила Лорна. – Ну, если ты постоянно думаешь о нем, а не о маме?

Последовала долгая пауза.

– Разве я не могу думать о них обоих? – откликнулась наконец Флора. И добавила: – Да, помогает.

– Хорошо, – кивнула Лорна. – Но не позволяй этому заходить слишком далеко.

– Ты с ним даже не разговаривала!

– С кем? С акулой-юристом, который встречается только с супермоделями, и много лет не замечает тебя, и готов защищать какого-то плутоватого владельца полей для гольфа?

– Ну, когда ты вот так все поворачиваешь...

– А что говорят твои друзья – те, которые его действительно знают?

– В общем, почти то же самое...

– Он себя подает как некий принц, – усмехнулась Лорна. – Ладно, увидимся позже. Дай мне с собой немножко печенья и сыра. И чуть-чуть масла. И кстати, можно мне забрать все, что осталось?

Укладывая печенье в коробку, Флора посматривала на подругу:

– Слушай, как я выгляжу?

– Добавь туши на ресницы. На тебе проклятие селки – они совсем белые.

– А ведь в мире по ту сторону воды белые ресницы считаются самым чудесным, что только есть на земле, – вздохнула Флора. – И люди готовы платить бешеные деньги за белую тушь.

– И зачем им это? – удивилась Лорна. – Есть же паста для замазывания опечаток «Типекс». Она белая.

Флора хлопнула ее по руке:

– Прекрати, глупая альбиноска!

– Сама такая!

Слегка посмеиваясь, Флора вышла из дому и снова села в «лендровер». Брамбл, уже вполне поправившийся, лежал на переднем сиденье, греясь в солнечных лучах.

– Убирайся! – приказала Флора, гадая, любит ли Джоэл собак.

Может, ей следовало бы взять Брамбла с собой? С другой стороны, если Джоэл не любит собак, то о последствиях и подумать страшно. Флора легко могла представить грубого человека, по-настоящему неприятного, такого, которому нет нужды притворяться милым.

Конечно, Флоре трудно было вообразить человека, не любящего собак. И все равно лучше было не рисковать. К тому же это могло показаться непрофессиональным, даже притом что на Муре никто и никуда не

отправлялся без своей собаки.

Флора выгнала Брамбла из машины.

Глава 20

Ветеринар Олли, проходивший мимо, коротко кивнул Флоре, когда она останавливала машину. Вот ведь... Ну почему все по-прежнему обращаются с ней как с какой-то высокомерной южанкой с материка, забывшей о своей родине?

Джоэл ждал ее перед отелем. Флора по дороге гадала, есть ли хоть малая надежда на то, что он откажется от костюма? Флора знала, что можно испытать настоящее потрясение при виде кого-то в «вольном» наряде. Человек может выглядеть фантастически в служебном костюме, а потом вдруг вы его встречаете на отдыхе: на нем чудовищные штаны длиной чуть за колено, скорее подходящие малышу лет пяти-шести, и еще что-то нелепое вроде рубашки с капюшоном, сережек или сандалий на голых волосатых ногах. И тогда вдруг все то, что казалось в нем привлекательным, полностью исчезает. Флора надеялась, что и с Джоэлом может произойти подобная метаморфоза.

Но Джоэл по-прежнему был в прекрасном дорогом костюме, хотя Флора заметила – не могла не заметить, она всегда была предельно внимательна к нему, – что он сменил рубашку.

Джоэл коротко кивнул ей и снова уткнулся в телефон. На этот раз он внимательно отнесся к тому, чтобы сесть в «лендровер» с правильной стороны. А Флора вдруг подумала, что ей, наверное, следовало более тщательно стряхнуть с сиденья собачью шерсть.

– Извините, тут, похоже, шерсть, – пробормотала она.

Но Джоэл просто пожал плечами.

– Ладно, – бросил он, перелистывая бумаги в подготовленной Флорой папке. – Теперь выясним, какого черта я пролетел четыре тысячи миль.

Флора повернула на узкий проселок, уходивший к северной части острова. В конце его находилось огромное поместье, принадлежавшее Колтону Роджерсу. Когда начинали дуть ветра из Арктики, люди удивлялись, с какой стати ты выбрал для отдыха этот клочок земли на краю света вместо Багамских или Канарских островов, Барбадоса, Майами и так далее, если ты американский миллиардер. Конечно, они судачили так лишь между собой. Если бы кто-то из посторонних, не островитян, сказал такое, его тут же заглушил бы целый хор патриотических голосов.

– Мне кажется, – заговорил Джоэл, – никому на самом деле не интересно, чем люди занимаются на островах. Вам вроде бы хватает моря,

на которое можно смотреть.

– Вы шутите? – удивилась Флора. – Здесь не любят перемен. И с подозрением относятся к чужакам.

Джоэл покосился на нее:

– Прямо как в фильме «Плетеный человек».

– Ну, не совсем так...

Джоэл фыркнул и погрузился в молчание.

– Но здесь хорошо расти детям. Вы где выросли? – Флора вдруг осознала, что болтает просто для того, чтобы заполнить тишину.

Джоэл сердито посмотрел на нее, как будто Флора пересекла невидимую границу.

– В разных местах, – коротко ответил он и снова занялся бумагами.

Длинный солнечный луч прорезал облака в верхней части узкой долины, и Флора обратила внимание на овец Макбетов, остриженных на лето, – они уже брели вниз по холму, к овчарне. Флора заметила и младшего Макбета, Пола, он учился с ней в одном классе. Это был забавный ленивый парнишка, ему суждено было стать пастухом просто потому, что он не желал себе лучшей доли, чем уход за овцами. Он спал и видел, как каждый вечер ходит в паб с отцом и его друзьями, потом женится на хорошенькой девушке, с которой познакомится на одной из ежемесячных вечеринок с танцами, – так оно и вышло.

Флора смотрела, как Пол прыгает с камня на камень на той самой земле, что его семья возделывала уже много поколений, как он шагает – легко и свободно... Пол занимался тем, для чего был рожден, и он это инстинктивно понимал.

Флора продолжала смотреть на склон, останавливая машину перед большими железными воротами, потом вышла и нажала кнопку внутренней связи. Камера над воротами загудела и повернулась к ней, и только тут Флора обнаружила – хотя и не думала об этом прежде, – что она волнуется, собираясь войти в имение Колтона. Никого и никогда туда не приглашали, там постоянно находился некий помощник, присматривавший за всем, но это был молчаливый тип, ни с кем не общавшийся, так что пицци для сплетен не имелось. Правда, на острове ходили слухи о разных знаменитостях и звездах спорта, посещавших Колтона, но опять же подтверждения таким догадкам не находилось.

Огромные ворота начали медленно открываться. За ними обнаружилась длинная гравийная подъездная дорога, вившаяся между безупречно подстриженными деревьями, вдоль дороги выстроились безупречные клумбы, трава выглядела так, словно ее подстригали

маникюрными ножницами. Все это совершенно не походило на Мур.

Сам дом некогда был величественным серым особняком, это было нечто огромное, пугающее, изначально построенное для местного викария, у которого водились деньги. Но этот викарий не смог выдержать долгие темные зимы, а его преемник оказался холостяком, предпочитавшим скромное жилище рядом с церковью, такое же темное и холодное, как зимы. Теперь же викарий жил на материке, приезжая на остров каждый день, и дом при церкви занял местный доктор. А особняк купил Колтон Роджерс и теперь восстанавливал «Скалу».

Дом совсем не походил на то, что Флора помнила с детства, когда она с другими детьми заглядывала в щелку ворот, а кое-кто из мальчишек похрабрее даже забирался внутрь, чтобы все исследовать... ну, по крайней мере, они так утверждали. Да, здание выглядело темным и грозным. Но теперь его как будто промыли насквозь. Оконные рамы, сохраняя традиционную форму, сверкали новизной, на подоконниках не осталось плесени, они просто сияли. Камень очистили пескоструйной машиной, и стены приобрели спокойный серый цвет, прекрасно сочетавшийся с неброской красотой окружающего сада. Гравий был розовым и предельно аккуратным, здоровенная входная дверь блестела свежей черной краской, а под окнами тянулись миниатюрные топиарии. Теперь это был один из самых прекрасных домов, когда-либо виденных Флорой.

– Вау... – выдохнула она.

На Джоэла все это также произвело впечатление. Хотя он наверняка видел многое.

За домом располагались разные строения, включая большой, чрезвычайно привлекательного вида комплекс с плавательным бассейном под крышей, которую можно было раздвигать в солнечные дни, – Флора призадумалась, а раздвигали ли ее хоть раз? Еще там стояло множество хороших автомобилей, включая несколько «рейнджроверов», – все они сверкали полировкой. А вот собак нигде не было видно, наверное, животные могли устроить беспорядок в этом идеальном саду.

В целом впечатление складывалось странное: все выглядело как большой традиционный дом, но намного аккуратнее и наряднее. Кое-где артистично расположились корзины с лавандой, а у старого каменного колодца стояло новенькое ведро. Это казалось некой диснеевской версией Мура – но прямо здесь, на острове, и, как будто подчеркивая это, над головой клубились зловещие тучи.

Маленькая горничная, на вид иностранка, в черно-белом платье, открыла им дверь. Флора поразились: ей никогда не приходилось видеть на

острове горничных, но Джоэл снова никак не отреагировал. Видимо, именно так живут богатые люди в Америке, они просто не замечают подобных вещей, они к ним привыкли. Что ж, наверное, все и вправду так, как должно быть, подумала Флора, вдыхая теплый душистый воздух, когда они вошли в безупречную прихожую, где выстроились в ряд охотничьи сапоги всех мыслимых размеров, вплоть до детских. Флора зачарованно уставилась на них.

– Привет-привет!

Даже вне небольшого пространства лондонского офиса Колтон Роджерс выглядел высоченным здоровяком, он даже немного пугал. В нем сохранялось многое от спортсмена, каким он когда-то был, прежде чем вложил заработанные деньги в ряд проектов Силиконовой долины, – по крайней мере два из них оказались чрезвычайно успешными.

– Привет, Биндер, рад снова тебя видеть! Спасибо, что добрался сюда, но, наверное, нелегко это было?

Джоэл что-то неразборчиво проворчал в ответ.

Флоре было интересно, что представляет собой его номер в «Харборс рест». Самый лучший находился прямо над баром, но там с наступлением вечера становилось слишком шумно. Флора понадеялась, что Джоэлу нравится скрипка. И длинные-предлинные песни о людях, явившихся из моря.

– А вы Флора, так?

– Здравствуйте, мистер Роджерс.

– Хочешь посмотреть тут все?

Флора чуть не брякнула «конечно!», но тут же спохватилась, что вопрос относится не к ней.

– Мы же приехали по делу, – ответил Джоэл.

– Да-да, но я ведь вам плачу. Я всегда плачу всяким умным адвокатам. Так что могу я заодно слегка повеселиться, пока вы выставяете мне счета? Идемте, проведу для вас экскурсию, – сказал Колтон.

Он широким шагом вышел во двор, туда, где стояли сияющие автомобили, но выбрал из всего этого великолепия четырехколесный мотоцикл.

– Здесь можно где угодно разъезжать, – сообщил он. – Так ведь? Тут нет жуткого лондонского движения.

Флора пристроилась сзади, придерживая юбку от ветра, и они отправились осматривать поместье. И снова Флору изумила та огромная работа и энергия, которую сюда уже вложили и продолжали вкладывать. Здесь умиряли прекрасную природу Мура, превращая остров в некое

более аккуратное и четкое подобие самого себя.

Флора увидела рукотворные потоки с измененными естественными руслами – их заставляли огибать самые красивые деревья, к ним добавили искусственные водопады, чтобы помочь лососю метать икру, сюда дополнительно подселили форель, чтобы заманить рыболовов. Все выглядело прекрасно, но Флоре это казалось неким жульничеством.

– Я больше дел улаживаю за время одной рыбалки, чем за три дня в офисах с кондиционерами в Нью-Йорке, – сообщил Колтон. – Ненавижу Нью-Йорк, а вы?

Вопрос был задан им обоим. Джоэл уклончиво пожал плечами. Флора не знала, что сказать, она в Нью-Йорке никогда не бывала.

– Там жутко жаркое лето! Поверить невозможно, насколько жаркое. Просто дышать нечем! Все задыхаются! Вообще не понимаю, как там можно жить. А зимы! Промерзаешь насквозь. Да-да, погода в Нью-Йорке всегда отвратительная. Всегда!

– А здесь лучше? – осторожно спросил Джоэл.

– Здесь? Здесь все идеально! Никогда не бывает сильной жары. А воздух! Вы только вдохните его. Просто вдохните!

Джоэл и Флора послушно вдохнули, но Джоэл при этом ядовито подумал о деньгах, а Флора просто наслаждалась, пытаясь понять, почему Колтон думает, что это все принадлежит ему.

– Где ты живешь? – внезапно спросил он.

– В Шордиче, – ответил Джоэл.

Флора постаралась не вытаращить глаза. Такой дорогуций район Лондона...

– Я у нее спрашивал, – уточнил Колтон.

– На ферме Маккензи, – сказала Флора.

– Это которая?

– Та, что спускается к самому пляжу.

– А, да, знаю. Прекрасное место, красивое.

– Вы открываете «Скалу»?

– Пытаюсь. – Колтон наморщил нос. – Но мои люди не хотят здесь работать. А привозить штат... Не уверен, что дело того стоит.

– А почему здесь не могут работать местные?

– Да потому, что вы все отсюда уезжаете! – Колтон окинул Флору холодным взглядом. – Ты ведь на самом деле не на ферме Маккензи живешь?

Флора покраснела и покачала головой.

– И как здесь обстоят дела? Как зарабатывают на жизнь?

Флора окончательно смутилась.

– Но здесь много чего производится... – проговорила она.

– Что-то я не заметил. Большинство продукции – прямо под дверь. Репа и лук, если вы такое любите.

– Но люди работают, стараются, – возразила Флора. – А еще есть рыба, морские водоросли. И сыр...

– Сыр? Где?

Флора прикусила язык.

– Еще на острове есть отличные пекарни.

– Ха! – усмехнулся Колтон. – Ладно, теперь держитесь. Потрясет немного, пожалуй.

Мотоцикл проскакал по нескольким открытым лужайкам, на которых уже пробился молодой лес. Среди юных деревьев паслось множество оленей, больше, чем когда-либо приходилось видеть Флоре. Здесь были целые олени семьи: олениата, родившиеся весной, виляли маленькими хвостиками, прыгая вокруг матерей, а крупные самцы бродили поодаль в подлеске.

Зрелище вызывало благоговение.

– Здесь можно охотиться? – впервые с искренним интересом спросил Джоэл.

– Олени. Шотландские куропатки. Фазаны. Только нужно держаться подальше от беркутов.

– У тебя тут есть беркуты?!

– Да, и если я подстрелю одного, меня тут же арестуют, потом бросят в тюрьму лет эдак на сто, потом повесят, распнут, четвертуют и подвергнут церемониальному сожжению! – с усмешкой произнес Колтон. Но, увидев лицо Флоры, добавил: – Да не собираюсь я ловить беркутов, боже мой! Я просто шучу. Нужно быть поосторожнее, вот и все.

– Значит, ты будешь привозить сюда клиентов?

Флора могла бы поклясться, что увидела вспыхнувший в глазах Джоэла знак доллара. Да он бы и гэльский язык выучил, если бы это помогло ему добраться до знакомых Колтона.

– Я привезу сюда кого угодно, – ответил Колтон. – Любого, кто мне нравится. Но не тех, кто начнет спрашивать, где здесь ближайший магазин Гуччи.

– А он где? – с любопытством спросила Флора.

Она никак не ожидала, что ей может понравиться Колтон, но теперь понимала, что начинает испытывать к нему дружеские чувства. Флора надеялась, что найдет много хорошего и в Джоэле, но как раз в этом она

сейчас не была уверена.

– В Рейкьявике! – ответил Колтон. – Ну, это, конечно, не расстояние, если у тебя есть реактивный самолет, так что я не понимаю, из-за чего люди жалуются.

Они повернули на безупречную песчаную тропу – неужели ее кто-то выравнивает и подметает каждое утро? Флора решила, что если бы она была так же богата, как Колтон, то не стала бы заставлять кого-то заниматься этим. Но откуда взялись все его служащие и рабочие? Неужели он держит их запертыми в подвале особняка? Это было бы очень странно.

Оно и было странно.

– Посмотрите вокруг! – вскинул руку Колтон. – Только посмотрите! Ничего! Ничегошеньки! Ни телеграфных столбов. Ни телевизионных тарелок. Ни единого небоскреба или рельсов метро, ни автобусов, ни трансформаторных будок, ни рекламных щитов! Нет тротуаров, нет баков для мусора. Ничего рукотворного. В любом направлении.

Кроме самой «Скалы».

А она была безусловно прекрасна. Флора понимала, что дом еще не закончен, что еще не до конца приведена в порядок прилежавшая к нему территория, но... Но когда Флора слезла с четырехколесного мотоцикла, она снова была потрясена.

Ее изумлению не было предела. Флора поняла, что уже слишком привыкла к чванливому взгляду на жизнь, присущему столичному жителю, у которого вообще нет причин выбираться за пределы Лондона, – ведь в любом месте к северу от Уотфорд-Гэпа можно было получить только растворимый капучино...

Но здесь...

Перед зданием отеля имелся маленький причал, по обе стороны его выстроились фонари, которые должны были загораться с приходом темных месяцев. На каменной дорожке лежал самый настоящий красный ковер. Они подошли к дому и поднялись по каменным ступеням, таким чистым, что казалось, по ним прошли пылесосом.

Сам отель был невысоким, выстроенным из серого камня, такого же цвета, как окружавший его ландшафт, и казалось, что он – просто часть земли. В нем были светло-серые деревянные двери и оконные рамы, и у каждого окна даже днем мягко горели лампы, что придавало комнатам невероятно уютный вид.

Снаружи слышалось негромкое птичье щебетание, но, кроме него, единственным звуком была тихая, мягкая музыка. Флора смотрела во все глаза.

– Мы можем забирать гостей прямо с залива, – сказал Колтон. – Никому не придется проходить мимо моего дома, чтобы попасть сюда. Сюда можно самостоятельно добраться на лодке, а это и вовсе здорово!

Сбоку от отеля уже был разбит прекрасный японский сад, там посадили растения-суккуленты, способные пережить атаки зимы и издающие головокружительный аромат. Рядом с садом находился участок, засаженный пряными травами, на нем красовались ряды лаванды и мяты. А еще дальше виднелся обнесенный невысокой стенкой огород, где Флора сразу заметила такие же аккуратные ряды капусты и картофеля, – их можно, вероятно, использовать в ресторане отеля. У Колтона Роджерса были грандиозные планы.

И все это великолепие тянулось до безупречно белого пляжа, песок там выглядел ошеломительно светлым, как кость. Пляж тянулся, похоже, на много миль. Между ним и дюнами рос невысокий утёсник. А впереди до самого Северного полюса не было ничего, кроме моря. Флоре казалось, что перед ними раскинулась абсолютная пустота, а вокруг царил безмятежный покой. Брамблу это наверняка понравилось бы.

– Кроме комплекса «Скалы», здесь вообще нет ничего рукотворного, – серьезно продолжил Колтон, как будто комментировал ролик какого-то фильма. – Ничего! Вы хоть понимаете, насколько редки такие места? Как это необычно? Особенно в этой крошечной стране. Да и в других местах тоже. Сейчас даже в пустыне стоят трансляторы сотовой связи. В самых глухих африканских джунглях можно обнаружить множество пластиковых пакетов. Везде мусор! По всему миру! А этот крохотный уголок со свежайшим воздухом и наилучшей водой принадлежит мне, и я плачу кучу денег, чтобы сохранить его таким. Безупречным. Свежим. Я не для богатых обустроиваю «Скалу» – я сам богат. Я занимаюсь этим для того, чтобы здесь было прекрасно и удивительно, а после моей смерти все должно остаться шотландцам... поэтому вы и должны были это увидеть.

Флора непонимающе моргнула:

– Почему?

– Потому что они хотят построить вон там большую ветряную электростанцию. Ветряки! Прямо перед глазами тех, кто будет сюда приезжать. Испортят мне весь пейзаж, но главное – уничтожат то, что делает это место особенным.

И тут, как по сигналу, мимо проществовали, пощелкивая длинными оранжевыми клювами, два песочника – как будто договаривались вместе пообедать... – возможно, так оно и было.

– Уникальность этого места, все то, что делает его необычным для

любого, кто сюда приедет, – все это исчезнет ради глупой цели обзавестись возобновляемыми ресурсами. А это, кстати, вовсе не экологично! Чтобы построить эти ветряки, сначала необходимо топливо, потом, черт побери, их нужно будет доставить к морю – на бензине, – потом перевезти на остров... И сколько воздуха при этом загрязнится? А сколько животных будет вынуждено переселиться куда-то? Но если им так уж нужно – если им это просто необходимо, чтобы выудить деньги из карманов ребят в Брюсселе или где-то там еще, – то они ведь могут поставить ветряки и подальше. Или вообще по другую сторону мыса. Да хоть напротив вашей чертовой фермы! Вряд ли она так уж прекрасна.

– Большое спасибо! – огрызнулась Флора.

– Я просто хочу, чтобы их не было здесь. Не рядом со мной. Именно поэтому вы мне и понадобились.

– Обычно мы имеем дело с объединением и покупкой компаний, – задумчиво произнес Джоэл.

Он смотрел на пейзаж, но вряд ли что-то видел. Едва ли он замечал красоту вокруг, скорее оценивал все в фунтах и пенсах.

– Я хочу сказать, землеустройство Шотландии... – проговорил Джоэл, – это совсем другое дело.

– Да, но вы можете это сделать? Я же вас знаю! Я не хочу сам начинать переговоры с какими-нибудь самодовольными типами в Эдинбурге, которые тратят бешеные деньги на канцелярские принадлежности.

Джоэл кивнул:

– А кто одобряет такие проекты?

– Городской совет, – автоматически ответила Флора. – Планирование лежит на них. Если это не слишком большая проблема, то, полагаю, совет Мура мог бы ее решить.

– А почему они не хотят найти другое место? – спросил Джоэл.

– Понятия не имею, – пожал плечами Колтон. – Я вообще не знаю, что они здесь обо мне думают, но пока что я не ощутил никакой поддержки.

Оба вдруг посмотрели на Флору.

Флоре не хотелось отвечать на их вопрос, она продолжала смотреть на море, потому что ей показалось, что над волнами выскочила голова тюленя. Она присмотрелась: да, действительно, там был тюлень и его усы поблескивали на солнце. Флоре хотелось подтолкнуть Джоэла, показать ему тюленя, но это явно было не к месту.

– Что на острове думают о Колтоне? – резко спросил Джоэл. Его охватило раздражение из-за того, что Флора не проявляет должного внимания.

Флора не представляла, что ей сейчас делать: то ли сказать правду, то ли польстить клиенту.

– Они ведь вас, в общем-то, не знают, – пробормотала она наконец и дипломатично добавила: – Вы же здесь не часто бываете...

Колтон нахмурился:

– Но я привез на этот остров кучу денег!

Последовала долгая пауза.

– При всем уважении... – начала Флора.

Джоэл предостерегающе глянул на нее, но Флора сочла, что нет смысла топтаться вокруг да около. Местные и не подумают поддержать Колтона, вот и все.

– Вы привезли сюда своих людей, вы ничего не покупаете в деревне...

– Да потому, что здешняя продукция...

– Я просто объясняю, – продолжила Флора. – Вы не заглядываете в паб...

– Зачем мне туда заглядывать?

– Не знаю. Здесь все так делают.

– Зачем?

– А зачем существуют пабы?

– Ладно, продолжай, – улыбнулся Колтон. – Что еще я натворил на Муре, если не считать вложения денег, строительства, защиты его флоры и фауны...

– Но вы же перестреляете бо́льшую часть этой фауны.

– Юридические фирмы нынче становятся довольно жесткими, – сказал Колтон, обращаясь к Джоэлу.

Тот просто смотрел, не говоря ни слова.

Флора занервничала, как будто зашла уж слишком далеко.

– Извините, – буркнула она.

– Нет-нет, – открыл наконец рот Джоэл. – Вообще-то, Колтон, это полезно. Понять, в каком вы положении, а уж потом разрабатывать совместную стратегию.

– Что, меня все ненавидят?

– Нет, – возразила Флора. – Но вас никто не знает.

Они опять замолчали, и Флора прислушалась к плеску волн, набегавших на безупречный песок.

– Так, значит, я должен появиться в деревне и всех очаровать? Чтобы люди меня поддержали?

– Вам нетрудно будет всех очаровать, – с легкой улыбкой заметила Флора.

Колтон улыбнулся в ответ:

– Да-да, отлично... это речь адвоката.

– Я не... – начала было Флора, но Джоэл ее перебил:

– А как насчет мер по защите диких животных?

Флора покачала головой.

– Что? – спросил Джоэл.

– Остров слишком мал, – пояснила она. – Если из-за животных вы не можете здесь построить ветряную станцию, то защитная зона растянется на всю территорию. И вы нигде не сможете ее построить.

– Ну и пусть нигде не строят, – сказал Колтон.

– Да, но тогда они соорудят тут атомную станцию, – усмехнулся Джоэл. – Вот уж будет беда!

– Вон он! – вскрикнула Флора, вытягивая руку.

Колтон и Джоэл посмотрели туда, куда она показывала, но не сразу поняли, о чем речь.

– Смотрите! Неужели не видите?

Тюлень подпрыгивал над водой с удивленным выражением на улыбающейся морде, с его усов стекала вода.

– Ух ты! Надо же! – удивился Колтон.

– Только не стреляйте в него, – попросила Флора.

Колтон вытаращил глаза:

– Нет, мэ, не буду! Он просто прелесть, правда?

– Да, – согласилась Флора.

– А что это такое? – прищурился Джоэл. – Морской лев?

Колтон и Флора повернулись к нему.

– Ты слишком много времени проводишь с акулами в костюмах, – сказал Колтон и покосился на Флору. – А ты сразу его заметила.

Флора нетерпеливо встряхнула головой.

– Теперь я понимаю эту старую легенду.

– Какую еще легенду? – спросил Джоэл.

– Тюлений народ, – пояснил Колтон. – Здесь верят в это. Тюлени, которые превращаются в людей. Иногда они женятся, но в конце концов всегда возвращаются в море. Ты из них? Они тебе родня?

Флора изо всех сил старалась улыбнуться, но не могла.

– Разве они не такого же цвета, как ты? – спросил Колтон.

В памяти Флоры внезапно всплыл день похорон, тот ужасный день, и она почувствовала, что может заплакать.

Джоэл посмотрел на нее. На бледном лице Флоры отражалось смятение. На белом песке, с зеленым морем за спиной девушки, точно

подходившим по цвету к ее глазам, он вдруг увидел: то, что в городе казалось бесцветным, здесь выглядело совершенно уместно.

– Так каков же ответ? – сменил он тему.

– Поставить станцию дальше, – с готовностью откликнулась Флора, возвращаясь к разговору. – Там, где вы ее не увидите. Можно построить ее за Бенбекьюлой, там никто не живет, только птицы. Но все равно вам придется это оплатить. Перевезти все подальше... Не думаю, что это будет иметь значение. А птицы возражать не станут.

– Им может даже понравиться, – вставил Колтон. – Что-то новенькое, на что можно гадить.

– Итак, решение есть, – сказала Флора. – Теперь это в основном вопрос пиара.

Джоэл бросил на нее внимательный взгляд.

– Это мы сумеем решить для вас полностью, – гладко продолжила Флора.

– Ладно, и с чего вы начнете? – спросил Колтон.

Флора одарила его улыбкой:

– С городского совета. – И тут она вздрогнула. – Ох...

– Что такое?

– Возможно, мне придется... вероятен конфликт. Мой отец в этом совете.

– Прекрасная новость!

Флора качнула головой:

– Не уверена, что он принадлежит к вашим поклонникам.

– Серьезно? Я что, должен каждого в отдельности очаровать?

– Вреда не будет.

– Это повредит мне! – заявил Колтон. – Я хотел обрести здесь рай мира и покоя! Я не хочу ни минуты тратить на болтовню с разными старыми пьяницами, которых совершенно не понимаю. Я не имел в виду твоего отца.

– Аминь, – кивнула Флора.

– А кто еще входит в совет? – спросил Джоэл.

Они составили список: Мэгги Бьюкенен, старая миссис Кеннеди, Фрезер Матисон. Это не те люди, которые стремятся к радикальным переменам. Но Колтон подчеркнул, что и они могут согласиться, если не хотят видеть ветряки прямо у себя перед носом. А могут и не согласиться, если ветряки дадут им более дешевое электричество.

– Ладно, – сказал Джоэл, когда они пошли обратно, – вы, ребята, знаете, что делать. А я вернусь в Лондон, но вы держите меня в курсе.

– Погоди, – возразил Колтон. – Я хочу, чтобы ты помог мне обрисовать людям новое предложение. Люди пожелают увидеть настоящего юриста, и я к этому отношусь серьезно.

– А она разве не справится? – спросил Джоэл.

Флора испуганно посмотрела на него, и Джоэл соизволил слегка смутиться.

– Мы должны произвести впечатление, – заявил Колтон. – Завтра прогуляйтесь там, поспрашивайте, а потом поужинаем вместе. Можешь привести кого-то из местных, если захочешь. – Это он сказал Флоре. – Начнем понемножку.

Глава 21

Флора осторожно подала назад «лендровер», боясь задеть какой-нибудь из драгоценных автомобилей Колтона. Джоэл, сидя рядом с ней, что-то ворчал.

– Отлично поработала, – произнес он наконец. Флора удивленно посмотрела на него. – Он за тебя зацепился. Теперь ты должна переманить на свою сторону местных. Совершенно не понимаю, зачем мне оставаться здесь?

– Но он хочет иметь настоящего юриста.

– У настоящего юриста горы работы! – Джоэл повернулся к Флоре. – Но если у нас получится... он привлечет к нам множество дельцов!

– Так не надо все портить!

Джоэл слегка скривился:

– А что, похоже на то?

– Что? Нет! – перепугалась Флора.

– Ты как будто заканчиваешь за меня фразы.

– Нет, я только помню, что не нужно ничего портить.

– Хм... – промычал Джоэл, не сводя с нее глаз. – Ну, это хорошо, я полагаю.

Флора начала с Мэгги Бьюкенен. Та жила в одиночестве в одном из больших домов рядом с домом приходского священника и всегда казалась Флоре весьма внушительной особой.

– А, бродяга вернулась! – открыв дверь, воскликнула миссис Бьюкенен.

Она была одета очень аккуратно, в джемпере с шарфом и непромокаемом жакете. У ее ног топтались собаки.

– Здравствуйте, миссис Бьюкенен.

Флора чувствовала себя так, словно собиралась просить эту женщину о пожертвовании в пользу организации бега по улицам деревни. И ей не стало лучше, когда Мэгги не пригласила ее войти.

– О! Ты теперь городская девочка.

В каждом слове миссис Бьюкенен слышалось неодобрение.

Флора крайне неловко объяснила, зачем пришла.

– Ах, ну да, ты ведь работаешь на американца!

Мэгги произнесла «американец» так, словно упоминала о Дональде

Трампе.

– Он хочет сделать здесь много полезного, – пояснила Флора. – Улучшить положение дел.

– Ну, он может начать с того, что чем-то заполнит ту жуткую дыру у залива.

– О чем это вы?

– Розовая лавка. Пустая. Он ее купил, но так ничего с ней и не сделал. Он, похоже, намерен просто покупать на этом острове все подряд и превратить остров в личный тематический парк. А мне это не нравится.

– Ладно, – ушла ее слова Флора. – Уверена, я смогу поговорить с ним об этом.

– Вот как? – Мэгги окинула Флору взглядом сквозь очки. – Что ж, удачи тебе. Но ветряная электростанция даст Муру много денег. А мы в них совсем не купаемся.

Разговор с миссис Кеннеди прошел не намного лучше, та предпочитала говорить о танцах и о том, что Флоре следует продолжать занятия. Флора из вежливости слушала и под конец даже пообещала поискать свой старый костюм для танцев, хотя было бы чудом, если бы она смогла снова в него втиснуться.

В полном унынии Флора отправилась в магазин, чтобы купить чего-нибудь для обеда и ужина, и с удивлением заметила, что ей уже очень хочется что-то приготовить. Влетев в магазин, она чуть не наткнулась на огромного человека, который отсчитывал сосиски и складывал их в свою корзину.

– Привет! – бодро поздоровался он, увидев Флору.

Это оказался Чарли, добродушный хозяин «Приключений на воздухе». Флора поймала себя на мысли о том, что в Лондоне редко можно увидеть мужчину, похожего на Чарли. Он был человеком природы. Здоровым. Не из тех, кто много времени проводит при искусственном освещении – в офисах и лишенных окон барах.

– А где ваш пес? – хмурясь, спросил Чарли. – Как он?

– С ним все в порядке, спасибо, – ответила Флора. – А где ваши маленькие тени?

– О, эта группа уже свое получила, – ответил Чарли. – Провели здесь сколько полагается. Вернулись домой. На следующей неделе у меня люди бизнеса. Потому я и покупаю эти шикарные сосиски. – Голос Чарли прозвучал угрюмо.

– Они вам так сильно не нравятся?

– Эти командные ребята? Не-а. Они постоянно ноют и важничают друг перед другом, а потом напиваются и разбегаются парочками. Ведут себя как на вечеринке.

– Но разве это не может быть вечеринкой? Или для такого слишком сыро и неудобно?

– Они просто не воспринимают все всерьез, а потому и не могут ничему научиться. Жалуются на комаров и не замечают красоты вокруг. А если мне удастся хоть на десять минут оторвать их от гаджетов, я считаю это победой.

Флора подумала о Джоэле, который постоянно смотрел то в телефон, то в ноутбук.

– Но тогда зачем вы этим занимаетесь?

– Затем, что они идиоты, которые платят кучу денег. И мне хватает на мальчишек.

– О, вы, наверное, многому их учите.

– Я стараюсь. – Лицо Чарли заметно смягчилось. – Мне их жаль. Только сегодня утром я отправил по домам ту группу и теперь тревожусь за них. У некоторых из них по-настоящему тяжелая жизнь. Мне иногда хочется, чтобы им не нужно было возвращаться домой. Один из них так мне и сказал. Насколько же плохо должно быть дома, если человеку в двенадцать лет не хочется видеть родную мать?

Они немного помолчали.

– Вот так. Наверное, я потому и не слишком рад перспективе общения с десятком управленцев из Лестера, которые надумали поучиться работе в команде. – Чарли заглянул в корзину Флоры. – Ох, виноват... Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Вы что-то собирались купить?

– Пока сама не знаю, – ответила Флора.

Она уже заглянула к мяснику за хорошими бифштексами, добавила немного муки, а теперь листала тетрадь с рецептами, выясняя, что еще ей понадобится для йоркширского пудинга. Но Флора не была уверена, что самих по себе ингредиентов будет достаточно, чтобы соорудить такой же, как готовила мать, – легкий, золотистый, восхитительно-пышный.

– Приятно, наверное, вернуться домой и заботиться о родных, – заметил Чарли.

– Нет, не совсем так, – ответила Флора. – Я на самом деле работаю. Но заодно и немножко готовлю. Мои братья большие мальчишки. Им следует самим заботиться о себе. А я хочу показать им, как это делать.

– Ну, для чего бы вы ни приехали... – начал было Чарли.

Но тут же слегка порозовел, как будто сказал лишнее.

– На самом деле я пытаюсь остановить строительство ветряной электростанции.

– Почему? – прищурился Чарли.

– Потому что она уродливая.

– Вам так кажется? А вы видели, как крутятся ветряки в бурные дни? Создают энергию из ничего. Мне они кажутся прекрасными.

Флора посмотрела в его корзину. Там рядом с сосисками лежали овсяное печенье и пшеничные батончики «Уитабикс».

– Вы набрали много вредных продуктов, – отметила она.

Чарли проследил за ее взглядом.

– Теперь вы мне скажете, что овсяное печенье и «Уитабикс» друг с другом не сочетаются, – кивнул он.

Флора улыбнулась.

– Ну, то есть... я хотел сказать, из того, что взяли вы, может получиться отличный пирог, – продолжил Чарли.

Флора посмотрела на него:

– Надеетесь, что я приглашу вас на обед?

– Пожалуй, я просто положу батончик между двумя печеньями...

– А я могу изменить ваше мнение о ветряках?

– Нет.

Флора взяла с полки бутылку крепкого местного эля.

– Я могла бы приготовить бифштексы и пирог на эле, – промурлыкала она.

– Да я ненавижу ветряки, я их всегда ненавидел!

– Ладно! – засмеялась Флора. – Я уже готовила для банды неблагодарных. Могу постараться и для того, кто способен на комплимент.

Флора управилась с покупками, и Чарли донес все до фермы.

– А вы постоянно живете в палатке? – спросила Флора, пока они шли рядом.

Чарли покачал головой. Он сообщил, что у него есть контора на другой стороне острова и еще дом с небольшим участком земли.

– А когда идет дождь, разве вам не хочется удрать домой? – удивленно спросила Флора. – Раз уж ваш дом совсем рядом.

– Из-за дождя? – переспросил Чарли. – Но это же просто дождь... с чего бы мне от него прятаться?

– Ну, потому что он противный.

– Не такой противный, как жаркая тесная палатка, – возразил Чарли. – Нет, мне каждый день хочется почувствовать ветер и подышать свежим

воздухом.

Чарли шагал рядом с Флорой, а она восхищалась его широкими плечами и тем, как он нес все покупки – словно они вообще ничего не весили.

– Я вообще не понимаю, как другие выносят жару, совершенно не понимаю.

И Флора опять подумала о душных лондонских днях, когда от кондиционеров нет никакого толку, все измазаны пылью, спать невозможно. А еще о той вони, что поднимается к окнам с тротуаров...

– А где вы проводите отпуск?

– О, в любом месте, где есть хоть какие-то горы, – улыбнулся Чарли. – Здесь мало настоящих круч. Я иногда добираюсь до Монро. В прошлом году ездил в Альпы. Ой, Флора, какая там красота!

– Вы поднимались на вершины в Альпах? – не на шутку изумилась Флора.

– Ну, на одну-две, да.

– С Джен?

– Она отличный альпинист.

Так и должно быть, подумала Флора, гадая: чего же он не умеет?

Наконец они дошли до фермерского дома.

– Привет, Иннес! – помахал рукой Чарли, переступая порог.

– Siamar a tha-thu, Тиарлах? – откликнулся Иннес, сидевший над книгами. – Как поживаешь, Тиарлах? – И с облегчением отодвинул их, увидев Флору и Чарли.

– Нет! – возразила Флора. – Не переходи на этот скучный язык! Я совсем его не помню.

– Но Чарли же с западных островов.

– Именно так. Он не какой-нибудь иностранец.

– Я не против, – пожал плечами Чарли. – Хотя предпочитаю называться Тиарлах вместо Чарли. Больше на меня похоже.

Флора расширила глаза:

– Ну, вы должны были сказать об этом, когда мы познакомились.

– Мне скучно объяснять, как по-настоящему звучит это имя.

– Ладно, а чем ты сейчас занимаешься? – спросил Иннес. – И где твой отряд маленьких бродяг и беспризорников?

– Завтра их сменит полная шлюпка идиотов, – ответил Чарли. – Так что сегодня вечером я цепляюсь за все соломинки.

– И большое вам спасибо за это.

Иннес вскочил:

– Пива?

Они все ввалились в кухню, которую – вот диво! – парни прибрали после ланча. Флора присмотрелась. Может быть, с аккуратности и следует начать, чтобы все изменилось? Или, возможно, их хватит на пару дней, а потом все снова развалится.

– Я слышал, твой босс приехал, – сказал Иннес. – Зачем? Проверить, чем ты занимаешься?

Флора слегка смутилась, подумав, как может выглядеть приезд Джоэла.

– Конечно нет, – ответила она. – Он здесь ради помощи Колтону. Мы сражаемся с ветряками.

– С ветряками? – после небольшой паузы переспросил Иннес.

Флора кивнула.

– Он нанял дорогую адвокатскую фирму и заставил тут всех суесться из-за... ветряков? – Иннес недоуменно качал головой.

– Что ты имел в виду?

– Проблема... проблема в том, что он мог бы сделать. Дать работу местным. Тратить деньги на острове, вместо того чтобы привозить все со стороны. Присматривать за своей собственностью. Тот розовый дом, он стоит пустым уже...

– Да, я знаю.

– Но он вместо того хочет привозить сюда богачей, чтобы стрелять в красивых животных? Черт побери, Флора, он даже молока здесь не покупает!

– Неужели правда? – растерялась она.

– Тебе повезет, если ты найдешь хоть кого-то, кто захочет иметь с ним дело. Видит бог, этот остров теперь как будто в осаде! Ветряки...

Флора начала понемногу осознавать масштабы поставленной перед ней задачи.

– Ладно...

Она положила на стол тетрадь с рецептами и велела Чарли резать лук. Вскоре кухню наполнили аппетитные запахи жарившегося мяса, чеснока и лука, и окна слегка запотели. Флора вышла за дом и, к полному своему изумлению, обнаружила, что с наступлением весны некоторые из посаженных ее матерью трав подросли в своих горшках. А Флора думала, что зимние холода давным-давно убили их. Она радостно отщипнула несколько веточек тимьяна, чтобы положить их в кастрюлю.

Чарли тем временем занимался салатом из шпината. Как ни странно, Флоре нравилось, что в кухне трудится кто-то еще, кроме нее самой. Они

действовали слаженно, передавая друг другу то нож, то терку. И к тому времени, когда Финтан, Хэмиш и Эк вернулись с полей, в духовке уже поднимался золотым куполом большой вкусный пирог и была готова мясная подливка.

Хэмиш сиял улыбкой, когда все принялись за еду. Даже отец поел, заметила Флора, а не просто сидел, уставившись, как обычно, на огонь.

– Это просто чудо! – заявил Чарли, когда все уже подобрали со своих тарелок последние капли соуса.

– А как насчет пудинга, Флора? – спросил Хэмиш, проглотивший три добавки.

Флора посмотрела на Финтана и усмехнулась.

– Ну ладно, – кивнула она.

Она отправилась в кладовку и торжественно вынесла то, что соорудила утром, когда ей следовало работать с файлами, но она слишком тревожилась, ожидая Джоэла.

На старинном блюде для тортов восседал прекрасный, сияющий фруктовый пирог.

– Он еще не пропитался как следует, – предупредила Флора.

Однако все отреагировали мгновенно. Лица просветлели. Хэмиш улыбался во весь рот. Флора поймала взгляд Чарли и, заметив, что тот уставился на нее, невольно порозовела.

– Ты и вправду не знала, что я приду? – насмешливо спросил он, окончательно переходя на «ты».

Потом, когда Флора растерянно искала нож, он достал из кармана свой – большой шведский армейский, и, открыв со щелчком самое большое лезвие, протянул его Флоре.

Флора принялась резать пирог на большие куски.

– Мне нравится, что Флора дома, – тихонько сообщил Иннесу Хэмиш.

– Знаешь, что нам еще нужно? – спросила Флора, глядя в глаза Финтану.

Тот качнул головой:

– Не-а.

– Нельзя есть фруктовый пирог без ломтика...

– Флора, вот не надо!

– Не надо чего? – не понял Иннес.

Финтан нервно покосился на отца. Флора сделала вид, что собирается унести пирог. Финтан встал и вышел.

А когда он вернулся, они нарезали сыр на ломтики и разложили на тарелки. Суть была в том, чтобы откусить от пирога, тут же отправить в рот

немножко сыра и запить все это красным вином. Красного вина у них, правда, не было, но чай вполне его заменил.

Чарли отнесся к новшеству одобрительно.

– Да, – заявил он, – это нечто!

– Спасибо, – улыбнулся Финтан.

– Это ты сделал?

Эк повернул голову:

– В самом деле?

Финтан дернул плечом:

– Ну, я просто искал занятие...

– Но это... это...

– Я приспособил для него кое-какие старые чаны для виски...

Эк буквально оцепенел от ужаса:

– И ты этим занимался все время? Вместо того чтобы помогать в поле?

– Ну, я же не в кино бегал, если ты об этом.

Наступило молчание. Эк отложил свой ломтик сыра, даже не попробовав его.

Чтобы разрядить обстановку, Чарли принялся рассказывать смешную историю об одной из его деловых групп, которая разбежалась от страха при виде овец. Явился Брамбл и тут же положил голову на колени Флоры. Потом все выпили по стаканчику домашнего вина, которое делал Эк, – оно способно было свалить с ног. И Флора села у плиты, слушая болтовню и впервые чувствуя себя почти удовлетворенной. Чарли тоже был доволен, и Флора решила, что на самом деле он ничего не имеет против домашней обстановки вместо палатки под дождем, что бы он ни говорил.

В восемь часов Чарли собрался уходить, хотя большой старый чайник уже снова закипал.

– Все было просто изумительно, – сказал он. – А в адвокатском деле ты так же хороша?

– Что, тебе понравилось у нас больше, чем в компании с глупыми переростками? – спросила Флора, выходя вместе с Чарли, чтобы заставить Брамбла прогуляться. – Надеюсь, что да.

– Не говори так! – возразил Чарли, поглаживая Брамбла. – Хороший ты пес... Нет, просто то, что ты делаешь, очень важно. Хорошая еда. Семья вместе. Твой отец улыбался.

Флора закатила глаза:

– Только не мне!

– Это умение... это дар! Ты должна гордиться собой. Любому хотелось бы делать что-то так же хорошо, как ты.

– Вообще-то, это все от мамы, – уточнила Флора, чувствуя, что не заслуживает таких похвал. – Она меня научила.

– Она научила тебя очень хорошо. И не забывай этого. Эй, Финтан!

Финтан шел через двор к своей любимой маслодельне.

– Ну? – откликнулся он.

– Мне нужен килограммчик того сыра. Кормить толпу. Можешь мне продать? Он отличный!

Финтан покраснел:

– Ну, я не знаю... он же не прошел еще сырную комиссию и все такое...

– Сырную комиссию?

– Чтобы можно было продавать. Надо ведь убедиться, что в нем нет ничего вредного.

– Ты только что кормил им нас!

– Ну да, но ведь это только дома... А если хочешь иметь покупателей...

– Ты можешь оказаться в неприятном положении, – с важным видом заявила Флора. – Подвергнуться гражданскому иску. А то и уголовному, если учесть, что мы тут говорим о возможности отравления.

Чарли громко фыркнул.

– Я разрешаю своим туристам пить из горных ручьев, в которых запросто может оказаться коровья моча, – сообщил он. – Думаю, они вполне переживут небольшое количество чего-то непастеризованного.

В конце концов Финтан согласился продать немного сыра при условии, что Чарли заставит каждого, кто будет его есть, подписать отказ от претензий, который обещала составить Флора.

Чарли с радостным видом кивнул:

– Или ты мог бы просто раздавать сыр соседям, чтобы они его одобрили.

Финтан смутился, но Флора кивнула:

– Надо это сделать, Финтан.

Флора и Брамбл проводили Чарли до ворот.

Они остановились у них. Ветер утих, но привычный рисунок темных облаков и пятен яркого солнечного света превращал окрестные холмы в некое подобие неземного пейзажа. Вереск прижался к земле, в воздухе пахло весной. Чарли наклонился, чтобы почесать Брамблу шею, – псу это очень нравилось.

– Ну вот, – сказал Чарли.

Флора посмотрела на него. Чарли выглядел таким основательным... Джоэл высокий, но сложен иначе, у него узкая кость и гибкое тело. Флора мысленно застонала. Ну почему она не может прекратить сравнивать каждого мужчину в мире с тем, кто так ее раздражал? Когда наконец она преодолеет себя и начнет жить в реальном мире?

Широкое красивое лицо Чарли было открытым, а еще – спокойным. Флора понимала, что он должен вызывать у своих подопечных чувство защищенности, безопасности. Когда она сама стояла рядом с ним, она... как будто полностью отдавалась мгновению. Не тревожилась об острове или о том, что думали о ней люди, не думала о работе, о матери или еще о чем-то подобном – она думала только об этом мужчине, крепком, говорившем не спеша...

Флора улыбнулась ему. Чарли ответил застенчивой улыбкой.

– Что ж, было приятно заглянуть к вам, – заговорил он.

И в ту же самую секунду ее телефон, до сих пор почти не ловивший сигнала, зазвонил. Флора вздрогнула и отвернулась.

– Флора! – Это не было приветствием. – Мне нужно взглянуть на ваши заметки и узнать, с кем вы говорили сегодня. Как вообще обстоят дела? Можете привезти мне записи? Прямо завтра с утра. Я не знаю, насколько еще здесь задержусь.

– Разумеется, – ответила Флора.

Она посмотрела на Чарли, но волшебство уже испарилось.

– Это мой босс. Я должна...

– Понимаю-понимаю, – кивнул Чарли. – Ваша настоящая работа. – Он повернулся, чтобы уйти. – Увидимся на неделе.

– Если дождь не пойдет, – усмехнулась Флора.

– Ну да, если не пойдет дождь.

Флора проводила его взглядом, Чарли шел на удивление легко для такого крупного человека, быстро спускаясь по тропе, раз-другой он оглянулся и помахал Флоре рукой.

Флора повернулась и пошла обратно к ферме, чтобы накричать на братьев и потребовать, чтобы они помыли посуду.

Глава 22

Доктор Филиппосис был самым доверенным лицом Джоэла в случаях... Ну, в любых случаях. Джоэл частенько звонил доктору в самое неподходящее время, а если ему ничего не было нужно, звонить он не считал нужным. К счастью, доктор Филиппосис был единственным человеком в мире, который мог простить такое поведение. Ему просто хотелось знать, все ли более или менее в порядке у того серьезного мальчика, которого он знал когда-то и который превратился теперь в весьма успешного в делах пройдоху.

За годы работы в качестве профессионального детского психиатра доктор Филиппосис видел много неприятного, но изо всех сил старался не слишком много думать о своих клиентах, кроме того, что он мог для них сделать как специалист. Но вот о Джоэле – с ним все было не так, как с другими, – доктор просто не мог не думать. Потому что, как они с женой нередко говорили, больше о нем и думать-то было некому.

– Ты где?

– Бог ведает, – ответил Джоэл. – Seriously, это просто край света. – Он выглянул в окно. – Представляешь, десять вечера, а светло как днем.

– Вот как? Звучит замечательно.

– Ну, это не так. Я не могу заснуть!

– И чем занимаешься вместо сна? Работаешь?

– Конечно. – Джоэл посмотрел на папки, лежавшие на шатком столе в его номере.

– А не лучше ли тебе прогуляться? Посмотреть на окрестности?

– Это какой-то остров. Здесь некуда идти, и это дерьмовое дело в юридическом смысле, и... Нет, не могу. Думаю, мне нужно подготовиться к следующему ходу.

– Ты там... ни с кем не познакомился?

– Я же говорил тебе. Мне плевать на это! У меня работа. Я хочу только работать.

– Но вокруг тебя целый мир, Джоэл.

– Отлично. Ладно, я потом отправлюсь в Сингапур. Или в Сидней. Посмотрю на мир.

– Ты стараешься делать те упражнения на внимание и память?

– Я уже не твой беспокойный пациент, Фил! – фыркнул Джоэл.

Доктор Филиппосис прекрасно знал, что Джоэл не ждет от него

советов. Доктор был нужен ему только для того, чтобы в любое время отвечать на звонки.

– Конечно, Джоэл. Марша передает тебе привет.

Джоэл кивнул и отключил телефон, после чего придвинул к себе ноутбук. Он подумал, не задернуть ли ему занавески, но снаружи ведь не было ничего, кроме волн, мягко и терпеливо набегавших на берег.

Глава 23

Флора уже повидалась со всеми шестью членами совета острова, оставался только ее отец, но его она намеревалась предоставить Джоэлу и Колтону. Ни один из членов совета не был слишком воодушевлен визитом Флоры, хотя, по крайней мере, грузный викарий заинтересовался разговором. Но возможно, это случилось потому, что Флора принесла ему коробку фруктовых пирожных, которые испекла утром.

И это было самым странным: казалось, что Флора уже не в силах остановиться. Словно она, уехав с острова, накрепко захлопнула эту часть себя – с такой же силой, как и прочие признаки прежней жизни. Но сейчас, когда Флора делала самые простые дела – просеивала муку, рубила масло, разбивала яйца, – она чувствовала себя ближе к матери, избавляясь от тяжелых воспоминаний, и удивлялась, почему не занялась этим прежде.

Даже если викарий и готов был встать на ее сторону, вести от Колтона приходили неутешительные. И Флора то и дело вспоминала, что вечером им предстоял ужин. С Джоэлом.

– С чего ты такая веселая? – спросил Финтан.

Он сел перед огнем, прислушиваясь к тому, как Флора напевает местные песенки, стряпая печенье с тмином. Финтану казалось, Флора и сама этого не замечает. Но помнил, что их мать напевала точно так же.

– Иди сюда, Финтан, – позвала его Флора. – Ты должен двигаться дальше. Ты явно очень талантлив. Давай я научу тебя печь пастушеский пирог.

– Теперь что, моя очередь получать мамины уроки? – нахмурился Финтан.

Флора обернулась, удивленная и рассерженная:

– О чем это ты?

Финтан, днем успевший крепко поссориться с отцом, считавшим, что сын напрасно тратит время на эту его сырную чепуху, был не в том настроении, чтобы деликатничать.

– Это ведь всегда было твоим делом. Вы с мамой вечно топтались у плиты. А потом нас выгоняли, чтобы ты могла в тишине и покое готовиться к своим важным экзаменам. Всегда одно и то же: драгоценная малышка Флора со своей мамочкой!

Слова были обидными, и на глазах Флоры выступили слезы.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе же некогда было к нам приехать, и это притом, что мама столько времени на тебя потратила!

– Это несправедливо! – возразила Флора, окончательно разозлившись. – Слишком несправедливо! Вы все это время полагали, что я должна вернуться и исполнять свои «обязанности»! А когда я этим занялась, вы же меня за это и оскорбляете!

– Думаю, тебе это на пользу, – пожал плечами Финтан. – А мне ни к чему твои прекрасные тайны приготовления каких-то там пастушеских пирогов. – Он угрюмо нахмурился. – Я прекрасно умею готовить. Я просто не учил уроки под присмотром мамы, вот и все. «Мальчики, все за дверь!»

Он передразнил их мать, и Флоре захотелось стукнуть его.

– О чем ты говоришь?

– А ты как думаешь, о чем я говорю? Ты всегда была ее любимицей. Только тебе разрешали ходить куда угодно и делать что вздумается. «Ох нет, занятия Флоры – это так важно! Ох нет, Флоре нужны туфли для танцев! Ох, Флора поедет учиться в университет!»

На лице Финтана отразилась боль. Флора бросила на стол нож, которым собиралась чистить морковь.

– Ты не можешь так думать! Она тебя обожала!

– Да она никого не видела, кроме Иннеса и тебя!

– Конечно видела!

Они помолчали.

– Ну, меня она точно не замечала.

Флора шагнула к нему:

– Финтан, мне кажется... Она же осознавала, как живет сама. И не хотела такого же для меня. Ей хотелось, чтобы я вырвалась отсюда, вот и все.

Финтан снова умолк, и Флора обернулась, непонятно как догадавшись, что за ее спиной появился отец, он вернулся домой в самый неподходящий момент и слышал ее последние слова.

Флора залилась краской:

– Папа... Привет... Я тут... Я подумала, не показать ли Финтану, как печь пастушеский пирог.

Эк посмотрел на них обоих по очереди. Вид у него был бесконечно усталый.

– Да незачем, девочка, – тихо произнес он. – Нам и готовая еда подойдет. Не хочу навлекать на тебя неприятности.

– Какие еще неприятности?!

– Уверена?

Пройдя через тихую кухню, Эк взял газету и сел у огня.

– Ну ладно, – сказала Флора, вытирая руки чайным полотенцем и ставя в духовку противень с печеньем.

Она никак не могла улучшить положение вещей, пожалуй, ей следовало уйти до того, как все не стало еще хуже.

– Пойду я.

– Куда? – уныло спросил Финтан.

– В «Скалу». Я сегодня ужинаю с Колтоном Роджерсом.

Финтан вскинул голову:

– А они уже открылись?

– Почти. Думаю, они сегодня как раз и хотят устроить пробный пуск.

– А у них уже есть шеф-повар и все остальное? Я слышал... там все просто удивительно.

– Там прекрасно, – искренне ответила Флора.

Финтан встал.

– Возьми меня с собой, – сказал он.

– Тебя не приглашали, – возразила Флора.

– Ах, ну да, там ведь твои важные лондонские персоны. И американцы, конечно. Вы будете там сидеть, попивая шампанское, и хихикать над олухами, которые живут здесь! Ты ведь всех идиотами считаешь!

– Финтан! Прекрати!

– Ладно, обо мне не тревожься. – Финтан мрачно упал обратно в кресло. – Я и здесь посижу.

– Бога ради, Финтан! – взбесилась Флора. – Где твои друзья? Ты ведь молодой и вовсе не урод! Но ты сидишь все время дома, тарачишься на свой сыр и ругаешь меня. Да что с тобой происходит?

– На тот случай, если ты не заметила, – откликнулся Финтан, – моя мама умерла.

Эк не обращал на них обоих ни малейшего внимания.

Флора подошла к брату.

– Я знаю, – тихо заговорила она. – И именно тогда мне больше всего были нужны друзья.

– Ну а мои все перебрались на материк, – заявил Финтан. – А я не могу. Ведь не могу?

– Если хочешь, пойдем со мной вечером, – сказала после долгой паузы Флора, вспомнив, что Колтон говорил: «Можешь привести кого-нибудь».

Вряд ли это изменило положение к лучшему. Но Флора не могла

оставить брата здесь, с несчастным отцом, чтобы они просто сидели и таращились друг на друга.

– Ты о чем? – уставился на нее Финтан.

– Можешь пойти со мной на ужин, если хочешь.

– Ты серьезно? С Колтоном Роджерсом?

– С Колтоном Роджерсом. И с моим боссом.

Финтана не слишком интересовал ее босс, но он тут же оживился:

– Ты знаешь, что Колтон изобрел BlueFare?

– Знаю. Что-то техническое бла-бла-бла. И еще много чего.

– Ну да.

Финтан посмотрел на свою одежду:

– Мне и надеть-то нечего...

– Должно что-то найтись!

– Надену похоронный костюм, – вздохнул Финтан.

– Не называй его так! – возразила Флора. – Говори – «свадебный костюм». Ты ведь его купил на свадьбу Иннеса, верно?

– Ох, вы о той пародии? – воскликнул Иннес, вваливаясь в дверь вместе с Хэмишем.

Оба совершенно не заметили атмосферы, царившей в кухне.

– Ну нет! Называй его похоронным костюмом, умоляю! – Иннес посмотрел на плиту. – А что у нас сегодня?

– Вообще-то, ничего, – ответила Флора. – Мы с Финтаном уходим. Извините.

– А нам можно?

– Нет. Но через двадцать семь минут будут готовы печенья с тмином.

Глава 24

Флора надела строгое черное платье, но когда посмотрелась в зеркало, то решила, что оно придает ей бесцветный вид, – она стала похожа на призрак несчастного младенца Викторианской эпохи. Но больше у нее все равно ничего не имелось, нужно было поискать что-то такое, что оживило бы платье.

В глубине гардероба хранилась материнская шкатулка с украшениями. Мать Флоры никогда их не носила, ей хватало обручального кольца и пары маленьких сережек-гвоздиков с крохотными бриллиантиками, эти сережки она всегда надевала на Рождество. Но Флора знала, что там есть и парочка предметов, унаследованных матерью, – теперь они, видимо, принадлежали Флоре, хотя она предпочла бы бросить их в печку.

Флора до сих пор испытывала слишком сильные чувства к вещам матери. Но понимала, что это должно когда-то измениться. Следовало помнить о том, что, когда человек умирает, ему не нужны уже те вещи, которые его окружали и имели для него значение.

Но пока что... Да, пока что... Ладно. Она начнет с малого и посмотрит, как все пойдет дальше.

В шкатулке лежало все то, что Флора помнила с детства, с чем играла. Яркая брошка в форме павлиньего хвоста, синие и зеленые перья обрамляла потускневшая серебряная филигрань. На Муре никогда не было павлинов, и бог знает откуда взялась эта брошь: может, ее подарил какой-нибудь богатый дальний родственник из Эдинбурга или один из кузенов, уехавших на Ньюфаундленд или в Теннесси, – подарил, чтобы доказать, что преуспел.

Но откуда бы эта брошь ни взялась, она была прекрасна. Мать Флоры никогда ее не надевала – наверное, считала краски слишком яркими или думала, что вещица чересчур хрупка и, возможно, дорого стоит, хотя об этом Флора ничего не знала. Но это же просто стыд, подумала она, осторожно вынимая брошку, настоящий стыд – владеть чем-то настолько прекрасным и держать его до лучших времен... до лучших времен, которые так и не настали...

Отец и мать Флоры должны ведь были ходить на городские вечера с танцами, все туда ходили, это было обязательным для живущих на Муре. Отец наверняка стоял с другими мужчинами у бара, попивая местный эль и болтая о ценах на корма, а мать, которая с помадой на губах выглядела

непривычно, должна была держаться в компании женщин. Флора не помнила, чтобы ее родители ходили куда-нибудь ужинать и, вообще, делали что-нибудь для того, чтобы провести время вдвоем. У нее совершенно не сохранилось таких воспоминаний. Но, значит, у матери просто не было причины, чтобы надеть эту брошь.

Флора приложила ее к платью, глядя в зеркало, передвинула на правую сторону, к плечу.

Сначала ей показалось, что это будет похоже на украшение шотландского вождя из горных районов, но, присмотревшись внимательнее, она поняла, что зелень перьев придает блеск ее глазам, а синий цвет буквально притягивает взгляд и в целом брошь делала простое платье чем-то совершенно другим.

Слегка улыбаясь, Флора вышла в кухню. Отец не шевельнулся.

– Пап, я... ты не против, если я возьму мамину брошку?

Он даже не обернулся, а просто махнул рукой. Иннес и Хэмиш с растерянным видом стояли у плиты.

– Эй, вы, двое! – окликнула их Флора. – Пастушеский пирог! Вот здесь рецепт, я для вас положила: фарш, картошка, сыр Финтана. Ничего сложного.

– Ой, вы только посмотрите на эту парочку! – воскликнул Иннес. – Вы прямо как на городском параде! Тра-та-та!

– Заткнись! – буркнул Финтан.

– Не слушай Иннеса, – потребовала Флора. – Зачем ты вообще его слушаешь? Он же просто балбес!

– Я не балбес!

– Балбес, и точка!

– Это ты уймись!

– Папа! – закричал Финтан. – Ну что они, в самом деле?!

– А пусть Иннес не строит из себя балбеса, – надулась Флора.

– Все – перестаньте балбесничать! – рыкнул Эк из-за газеты.

Иннес показал Флоре язык.

– Ну и ладно, мы уходим, – заявила Флора. – Удачи вам с пастушеским пирогом.

Колтон обещал прислать за ними лодку, чтобы доставить к «Скале». Флора волновалась.

Они с Финтаном, наслаждаясь мягким солнечным теплом, пошли к причалу мимо луга, где с довольным видом лежали только что подоенные коровы. Финтан в костюме выглядел щеголевато, но явно нервничал, и это

слегка раздражало Флору, она не хотела, чтобы стала заметной ее собственная нервозность. Флора чувствовала, что должна изображать зрелого, владеющего собой лондонского служащего.

Чистый вечерний воздух освежал, словно стакан холодной воды. А море, спокойное, как мельничный пруд, отражало полупрозрачные полосы белых облаков над ровным горизонтом. Вокруг все было воистину прекрасно.

Флору охватило легкое самодовольство при мысли, что Джоэл приехал именно в такое время, а не посреди зимы, когда почти непрерывно льют дожди, но ведь и они время от времени прекращаются, и в прорехах между тучами вспыхивают радуги... Впрочем, Джоэл как будто совершенно не замечал того, что его окружало.

Но пусть даже весной погода могла то и дело меняться, этим вечером было тихо и спокойно, и ощущение времени полностью потерялось, когда они повернули на главную улицу, где все те же старые раскрашенные дома спускались к причальной стене. Флора, как прежде в детстве, пересчитывала эти дома: сиреневый – булочная, желтый – мясник, оранжевый – доктор, синий – рыба и картошка фри. А вот в розовом доме теперь никого не было.

Берти Купер, пригнавший лодку, стоял на причале, он снял шапку, вежливо ожидая. Берти считал Флору потрясающей девушкой, но был слишком застенчив для того, чтобы пригласить ее в бар, в особенности если она крутила с теми шикарными типами из города, и Колтоном Роджерсом в первую очередь.

Берти вздохнул. Ну, может, оно и к лучшему...

– Привет, – робко поздоровался он. – Отлично выглядишь!

Флора улыбнулась и от этого еще больше похорошела. И сама внезапно осознала, что уже давным-давно не улыбалась по-настоящему, – не так, как машинально улыбаются коллегам, и не так, когда она храбрилась, отвечая на вопрос, как у нее дела, и не так, как она улыбалась вечерами, напиваясь с Каем и в конце концов забывая обо всем...

А теперь искренняя, радостная улыбка породила в ней необычное ощущение, что ей есть к чему стремиться.

Флора тут же отправила друзьям селфи через приложение «Снапчат», пусть удивляются. Кай мгновенно ответил, что, если она переспит с Джоэлом, он в жизни больше с ней не заговорит. Лорна вполне рассудительно спросила, стал ли ее босс немножко привлекательнее с момента приезда, и, кстати, если он выглядит как столичный чувак, никто не станет иметь с ним дел, никогда.

Флора снова улыбнулась сама себе. Она уже понимала, что нет никаких шансов на то, что между ней и ее неразговорчивым боссом может хоть что-то произойти.

Но это не меняло того факта, что вечер был прекрасным. Они отправлялись в самый настоящий ресторан. Ее сопровождал красивый мужчина – ладно, он был ее братом, но кого это волнует? – и все должно пройти чудесно. Флора легко шагнула в лодку, чувствуя необычную для себя уверенность.

Возможно, все дело было в броши...

Глава 25

Флора с наслаждением наблюдала за реакцией Финтана, когда они приблизились к «Скале». Со стороны воды здесь все выглядело еще более впечатляюще, чем со стороны дороги. И сама мысль о том, чтобы испортить эту идиллию видом огромных металлических конструкций, казалась кощунством.

Хотя было еще светло, вдоль причала горели фонари, и Берти с широкой улыбкой помог Флоре выйти на ступени.

Джоэл и Колтон уже стояли у бара, справа от входа в грандиозный холл. Пылающий в камине огонь едва ли был так уж необходим в такой вечер, по крайней мере, так подумали Флора и Финтан. Оба они всю свою жизнь прожили без привычки к жаре, температура выше двадцати градусов вызывала у них нервную сыпь. Им привычнее были прохлада и свежесть.

Флора изо всех сил старалась говорить без запинки, но уже ощущала, как к ее щекам приливает предательская краска. Джоэл сменил рубашку на мягкую светло-зеленую, создававшую безупречный контраст с его темными глазами. Он улыбнулся, с любопытством посмотрев на Финтана, что еще сильнее лишило Флору уверенности. Она знала, что Финтан хорош собой, девчонкам в школе всегда нравились оба ее высоких брата. У Иннеса были улыбчивые глаза и дерзкий вид, у Финтана – волнистые волосы, а вид меланхолический.

Колтон был, как всегда, в джемпере, джинсах, кроссовках и в очках с тонкой металлической оправой. Выглядело это достаточно агрессивно, и Флора гадала, нарочно ли он так делает. Когда вы видите человека, одетого до такой степени ужасно, вы можете сделать только один вывод: он настолько богат, что ему наплевать, что о нем подумают.

– Привет, – сказала Флора, изо всех сил пытаясь говорить нормально, но на самом деле она это почти пропищала.

Финтан тараторил на Колтона, как на какую-нибудь знаменитость, впрочем Флора предположила, что на острове он и есть знаменитость. Его почти никто не видел, а потому о нем болтали разное.

– А это мой брат Финтан. Вы говорили, чтобы я привела кого-нибудь...

– Привет! – с широкой улыбкой поздоровался Колтон.

Джоэл просто коротко кивнул, словно и ожидал чего-то в этом роде. Флора тут же ощутила всплеск раздражения, – конечно, Джоэл думал, что у Флоры не может быть красивого кавалера.

Она села у бара, Колтон предложил ей шампанское. Флора покосилась на Джоэла, не зная, следует ли ей пить, но того это, похоже, совершенно не интересовало.

– Да, пожалуйста, – ответила она.

– А мне полпинты легкого пива, – пробормотал Финтан.

Он начал шарить в карманах. Флора прокляла себя за то, что не предупредила брата: платить не придется. Колтон отмахнулся от денег Финтана.

– Может, двинемся дальше? – предложил Колтон.

Они взяли свои бокалы и следом за ним отправились в ресторан.

– Вы самые первые мои гости!

– Это честь для нас, – одновременно ответили Флора и Джоэл и тут же переглянулись.

В ресторане после уютного, ярко освещенного бара все выглядело совершенно по-другому. Здесь было официально и очень тихо, и казалось странным, что во всем зале их только четверо. Флора взяла новехонькое, хрусткое и затейливо отпечатанное меню.

– *«Мы в ресторане „Скала“ хотим, чтобы вы испытали необычные впечатления от ужина... некий пир вкусовых ощущений, мы хотим, чтобы вы почувствовали необычайную любовь и творческое начало...»* — прочитала она на первой странице.

Флора совершенно справедливо предположила, что это свидетельство очень и очень высоких цен.

Все в этом меню было «волшебным»: Флора увидела «фруктовое изобилие», «овощные симфонии», «глубину вкуса» устриц и сардин...

Финтан пребывал в откровенном ужасе. Флора с широкой улыбкой ринулась ему на помощь:

– Колтон, может, вы сами все закажете?

– А что вы вообще об этом думаете? – спросил он, оглядываясь по сторонам.

На стенах висели в ряд олени головы, а ковер был клетчатым.

– Уверена, все будет просто чудесно, – кивнула Флора. – Но меню уж очень затейливое. Это по вашему вкусу?

– Нет, – ответил Колтон. – Я предпочитаю простой бифштекс.

Он заказал что-то из пробного меню нового шеф-повара и пару бутылок вина, названия которого Флора и выговорить не могла. Но она была рада согласиться с чьим-то выбором. К тому же всегда оставалась возможность, что после нескольких бокалов у Джоэла развяжется язык. Может, ей удастся узнать его немного лучше? Может быть, его внешность –

это просто маска и он на самом деле один из тех людей, которые скрывают внутри нечто милое и доброе? Флора уже вообразила, как рассказывает об этом Каю... «Ох, если ты с ним познакомишься как следует, увидишь, что он прекрасный человек... В свободное время трудится в приюте для животных, но не хочет, чтобы кто-то узнал об этом...»

Первым, что пошло не так, оказался хлеб. Он заявлялся в меню как свежее испеченный, но таким явно не был. А масло подали в форме маленьких цветков, промерзших насквозь. Финтан пару раз моргнул.

– А это масло они давненько купили, – шепнул он Флоре.

– Перестань шептать! – одернула его Флора. – Это же ресторан. Конечно, им приходится закупать многое впрок.

– Ну, выглядит оно так, словно притворяется свежим. И ты прочитай эту фигню в меню: *«Все наши ингредиенты по возможности происходят с нашего острова»*. На Муре десять маслоделен, – ядовито произнес Финтан, – и я точно знаю, что ни на одной из них не лепят из масла такие вот глупые цветочки.

– В чем дело, ребята? – спросил Колтон, наклоняясь к ним через огромный стол.

Свет был настолько приглушенным, что Флора едва могла рассмотреть американца. Видимо, здесь полагалось есть в темноте.

– Ни в чем, – быстро ответила она.

– Ну... – начал было Финтан.

– Уймись! – шикнула на него Флора.

– Так как наши дела на сегодняшний день? – спросил Колтон.

Флора поглядела на Джоэла.

– Можешь просмотреть новые предложения, – сказал Джоэл, открывая свой кожаный портфель. – Я подготовил документы, чтобы ты мог подписать их до моего отъезда. Шотландские законы не слишком сложны. А предложение солидное – нужно просто перенести ветряки на соседний остров. Конечно, их обслуживание станет дороже, но должно спасти уникальное наследие острова для туристов и будущих поколений, и так далее.

– Отлично, хорошая работа, – пробормотал Колтон, просматривая документы. – Значит, мне нужно лишь провести это через совет острова? И каково там положение дел?

Флора глотнула еще вина. Оно было невероятно вкусным.

– Ну... – заговорила она, – тут есть несколько моментов...

– Например?

– Всех беспокоит розовый дом.

- Это что такое?
- Розовое здание. На главной улице. Вы оставили его пустовать.
- Что, это где-то здесь? – смутился Колтон.
- Да, здесь.
- Оно мое?

Флора уставилась на него, ошеломленная тем, что кто-то может купить дом и даже не догадываться, что сделал это.

- Видимо, да, – вставил Джоэл.
- Черт! – выругался Колтон. – Что еще?
- Штат, – сказала Флора. – На острове множество подростков, которые могли бы после школы вернуться домой, если бы для них нашлась работа где-то, кроме коровников.

Финтан язвительно хмыкнул, но Флора не обратила на него внимания.

– Но вообще, – продолжила она, – на самом деле людей беспокоит вот что. Они вас не знают. Не знают, кто вы такой. Они думают, что вы можете оказаться Дональдом Трампом или кем-то в этом роде и, если позволить вам слишком многое, дальше все может обернуться ужасно.

- Но я же стараюсь защитить природу!
- Так защищайте и тех, кто здесь живет, – просто сказала Флора.
- Хм... – проворчал Колтон. Подумав, он повернулся к Финтану. – Полагаю, ты здесь живешь постоянно? И чем ты занимаешься?

- Я фермер, – смиренно ответил Финтан, делая еще глоток вина.
- Вот как? Ты не похож на фермера.
- Потому что с меня на стол не сыплется сено?

Он произнес это ядовито и с вызовом, но Флора понимала, что он чувствует на самом деле.

- Нет... – удивился Колтон. – А ты всегда такой агрессивный?
- Вы, наверное, много раз смотрели «Храброе сердце»? – ответил вопросом Финтан. – Бойтесь жестоких аборигенов?
- Финтан! Перестань! – прошипела Флора. И повернулась к Колтону. – Извините, сэр. Здесь говорят, что семью не выбирают...

– Ну да, ты уж точно не выбирала, – проворчал Финтан.

Флора с запозданием сообразила, что он выпил уже слишком много.

Все замолчали.

– Довольно, – тихо произнесла Флора.

Финтан, как она увидела, сообразил наконец, что зашел слишком далеко.

– Извини, сестренка, – негромко произнес он. Потом посмотрел на остальных, потирая ладонью шею. – Прощу всех меня извинить.

Официант принес наконец нечто, что называлось «изумительным амюз буш»^[1], и, с чем-то похожим на сдавленный смех, снял крышку с большого подноса, на котором стояли четыре крошечных горшочка с устрицами, плававшими в каком-то липком желе.

– Это что такое? – с легким раздражением поинтересовался Колтон.

– Устрицы *surprise de la mer*, – горделиво пояснил официант.

Выглядело это и в самом деле настоящим сюрпризом.

Все осторожно потыкали вилками в горшочки.

Флора с детства привыкла есть устриц прямо сырыми, собрав их у берега. А иногда мать бросала устриц в огонь, и там они покрывались копотью, их раковины раскрывались, и Флора с братьями обжигали о них пальцы. Но им было плевать на это, потому что пахнувшие дымком солоноватые внутри моллюски были слишком вкусны, чтобы долго ждать.

Но сейчас перед ней стояло нечто... это был просто комок жуткого рыбного желе, окруженный другим рыбным желе. Финтан даже не сумел подцепить его вилкой.

– Что это такое? – повторил он вопрос Колтона. – Я не понял, что сказал тот парень.

– Ну... – начал было Колтон, но тут же покачал головой. – Если честно, я и сам не знаю.

После того как горшочки унесли, они все без энтузиазма уставились на спаржу и мусс из анчоусов. Разговор откровенно затихал. Финтан недоверчиво таращился на тарелку.

– Но зачем? – повторял он, медленно краснея. – Для чего?

– Ну, – обиженно заговорил Колтон, не слишком довольный тем, что ему не подали желанный бифштекс. – Я сказал своим людям, что хочу нанять лучшего шеф-повара, вот они и нашли...

– Вот ведь что происходит, когда хочешь, чтобы другие работали за тебя, – сказал Финтан. – Вы поручили все своим людям?

– Ну да... я был слишком занят, – смущенно усмехнулся Колтон.

– Вы просто отдаете приказы, – уточнил Финтан.

Пауза.

– Ну да, и...

– И что?

– А теперь – джем из креветок! – сообщил официант.

– Значит, вы приехали сюда, в нашу общину, и решили, что кто-то, кто здесь вообще не бывал, должен принимать решения за нас?

– Этот повар считается одним из лучших экспериментаторов в мире, – попытался оправдаться Колтон.

– Да. Экспериментирует чудовищным образом, – согласился Финтан. – А почему в меню написано «местные продукты»? Прошу прощения, официант. Почему здесь все называется местным?

Флора заметила, что Джоэл наблюдает за всем с кривой улыбкой. Он как будто впервые наслаждался собой или, по крайней мере, чувствовал себя участником событий. Ну почему, думала Флора, почему ей казались такими привлекательными его очки в роговой оправе? Может, просто потому, что их носил именно Джоэл? Ресницы у него были такими длинными, что задевали стекла. Отпивая еще вина, она мельком подумала, а что было бы, если бы она, пока Финтан и официант о чем-то спорили, протянула бы ногу...

Нет-нет! Она на работе.

И Флора глотнула еще вина.

Официант покраснел от смущения. Здесь ведь был сам хозяин, чего еще хуже?

– Ну... – промямлил он наконец, – мы используем местную соль.

– Какую именно?

– Каменную соль с Гебрид.

– Гебриды в двух сотнях морских миль отсюда!

Официант откашлялся:

– Уверен, это одно и то же, сэр...

Финтан изумился:

– То есть ты мне хочешь сказать, что вы посыпаете все этой солью?

– Э-э-э...

– И все волшебным образом превращается в «местные ресурсы»?

– Это ключевой ингредиент, сэр.

– Не думаю, что «местные ресурсы» – подходящий термин в этом случае, – сухо заметил Джоэл.

– Остыньте! – велел Колтон. – Значит, когда я говорю друзьям и клиентам, что здесь у нас только наилучшая шотландская продукция...

Финтан отодвинул от себя тарелку и еще основательно глотнул вина – он пил его, как пиво, потому что обычно только пиво и пил.

– Прошу прощения, а могу я взглянуть на вашу сырную тарелку?

– Э-э-э... – Официант уставился в потолок. – Я посмотрю...

– Ты не посмотришь! – рявкнул Колтон. – Ты ее просто принесешь!

Официант исчез, и на его месте возник метрдотель, порозовевший и вспотевший, что явно не имело отношения к температуре в зале.

– Какие-то проблемы, мистер Роджерс?

– Пока не знаем, – ответил Колтон. – И как раз поэтому нам нужна

ваша сырная тарелка.

Прикатили тележку, нагруженную набором холодных, недавно вынутых из упаковок покупных сыров, включая белый чеддер, вид у которого был явно промышленным.

Финтан понюхал все сыры по очереди.

– Знаешь эти сорта? – спросил Колтон.

Он весело наблюдал за тем, как Финтан заливает в себя безумно дорогое бордо.

– Ага, – кивнул Финтан. Он отрезал по кусочку каждого сорта и медленно разжевал. – И сколько стоит эта ваша сырная тарелка?

– Двадцать один фунт, – ответил официант.

– Да вы просто обираете людей! – заявил Финтан. – Это того не стоит!

– Ну, есть множество дорогих пастеризованных сыров...

– Ага. Дерьмо!

– В Штатах незаконно продавать непастеризованный сыр, – пояснил Колтон. – Идиотское европейское правило.

– И сколько людей травится сыром каждый год? – спросил Финтан. – Я вам скажу сколько: ни одного!

– А как насчет листериоза?

– У нас еще ни один человек не попал в больницу с листериозом, – ответил Финтан.

– Я ошибался насчет тебя, – усмехнулся Колтон. – Ты разбираешься в сыре.

Колтон, как заметила Флора, всем телом склонился в сторону Финтана и хитро присматривался к ее брату.

Она вдруг осознала, что совершенно не замечает сексуальности Колтона, она смотрела на него, как на тех мужчин, за которыми тянется целый хвост дорого обошедшихся бывших жен. Но Флора ведь понятия не имела, был ли Колтон женат, была ли у него подруга и так далее. Не зная, замечает ли Финтан интерес Колтона, она посмотрела на Джоэла.

К ее крайнему удивлению, Джоэл поймал ее взгляд и чуть заметно улыбнулся. Она тут же отвернулась и уставилась прямо перед собой.

– Так ты можешь предложить что-то лучше? – спрашивал тем временем Колтон.

– Я сам делаю лучше, – ответил Финтан. – У нас тут и масло лучше, и рыба, а уж устрицы и вовсе не сравнить... Ну, это просто примеры. А миссис Лаэрд, там, в деревне? Да ее хлеб в миллион раз вкуснее, чем тут у вас. И Флора умеет печь такое! А уж сыр у нас намного лучше.

Колтон секунду-другую пристально смотрел на него.

- Ты сам делаешь сыр лучше этого?
  - Господи, ну да!
  - Покажи его мне.
  - Пришлю вам немного, – пожал плечами Финтан.
  - Нет. Покажи сейчас. У тебя на ферме он есть?
- Колтон щелкнул пальцами, подзывая метрдотеля:
- Нужно послать кого-нибудь.

Финтан встал.

- Нет, ты останься. Кто-нибудь съездит.

Кто-то из кухонного штата быстро вышел в зал, и Финтан подробно объяснил, где и как найти разные сорта сыров. А еще велел взять масло из холодильника – только оно лежит в миске, а не завернуто в бумагу, пояснил Финтан, как будто не верил, что этот человек знает разницу между настоящим и покупным маслом.

Мужчина тут же умчался с такой скоростью, словно от этого зависела его работа, – впрочем, так оно и было.

Метрдотель объяснил, что шеф-повар не может выйти поговорить с ними, он слишком напуган.

Колтон вздохнул, заказал всем огромные порции виски, и все они вернулись в бар, чтобы дожидаться возвращения посыльного.

Джоэл почему-то держался рядом с Флорой, которая никак не могла унять бешеное сердцебиение. Она чуюла легкий запах чего-то дорогого, лаймового одеколona похоже. Утром Джоэл, безусловно, побрился, но на его щеках уже появилась заметная щетина. Чувства Флоры были так сосредоточены на Джоэле, на той ауре, что окружала его тело, что она забыла обо всем остальном: о ресторане, об острове, о работе, о том факте, что он ее начальник. Ну почему он ничего не замечает? Или же слишком привык к тому, что привлекает всех женщин? А возможно, ему просто наплевать...

- Необычная стратегия, – заметил Джоэл, когда они шли к бару.

- Знаю, – кивнула Флора. – Простите, вам хочется, чтобы я увела брата домой?

Джоэл повернулся к ней:

- Он что, гей?

- Нет, – ответила Флора. Потом немного помолчала. – Я здесь давно не бывала...

Джоэл моргнул:

- Вы не знаете, гей ли ваш собственный брат?

- Ну, это не такие дела, которые... У вас есть братья или сестры?

Джоэл выпил слишком много хорошего вина, но съел слишком мало плохой еды. Он вовсе не собирался говорить то, что вырвалось у него в следующую секунду и о чем он тут же пожалел.

– Не знаю.

Флора резко остановилась.

Джоэл застыл.

– Как это – вы не знаете? – удивилась она.

– Так и не знаю. А даже если бы и знал, это не имеет значения.

– Я не говорила, что это имеет значение, – возразила Флора. – Я хотела сказать... что не уверена насчет брата на все сто процентов.

Джоэл кивнул и, обогнав Флору, подошел к большому венецианскому окну, а она, растерянная и смущенная, уставилась в его спину и на пейзаж за ним.

Снаружи поднимался легкий туман, смягчая все и придавая таинственности. Вода все еще была абсолютно неподвижна, как в пруду, она совсем не походила на море, скорее на прозрачное облако дыма. Длинные невысокие очертания Мура тянулись вдоль воды, окрашенные в пастельные зеленые и коричневые тона, а справа виднелись огни на причале.

Джоэл посмотрел на свои часы.

– Это какое-то ненормальное место, – заявил он. – Десять вечера, а кажется, что одиннадцать утра. Я совершенно не могу спать. Когда здесь темнеет?

– Никогда, – пожала плечами Флора.

– Значит, здесь как в Финляндии?

– О нет. Мы гораздо дальше к северу.

Джоэл повернулся, чтобы посмотреть на Флору, омытую странным белым светом, лившимся из окна. И снова отметил, что у нее глаза цвета моря, хотя море, на которое он смотрел сейчас, из-за тумана было серым, а не зеленым, как обычно. словно цвет глаз Флоры менялся вместе с цветом воды. Это было очень необычно.

Флора тоже чувствовала себя не как всегда, но по другой причине. Она наблюдала за Колтоном, тот подошел к двери и закурил большую сигару и как раз в этот момент предлагал другую Финтану. Финтан пару секунд колебался – Флора рассудительно предположила, что он ни разу в жизни не курил сигар, но откуда ей было знать? – потом взял ее, и они оба уселись на одну из дорогих, ручной работы скамеек, застеленных дорогими кашемировыми пледами. Везде, слегка мигая, горели свечи в маленьких глиняных горшочках, хотя в их свете не было необходимости. Воздух

наполнял густой аромат чего-то изумительно пахнувшего, но на самом деле просто отгонявшего комаров и мошкару.

– Здесь как на Авалоне, – продолжал тем временем Джоэл, снова поворачиваясь к окну. – Как мираж... кажется, что в любую минуту все может исчезнуть.

– Думаю, вы путаете нас с сигналом мобильной связи, – сказала Флора.

И была вознаграждена намеком на чрезвычайно редкую улыбку.

Но взгляд Джоэла все так же не отрывался от туманного горизонта.

Глава 26

Берти гнал лодку так быстро, как только мог, официант жутко боялся вызвать недовольство мистера Роджерса. К изумлению Иннеса и Эка, молодой человек ворвался в маслодельню и принялся хватать все подряд. Иннес, оглядевшись, добавил к его добыче остатки фруктового пирога и овсяного печенья, испеченных Флорой, а заодно несколько баночек джема и варенья из кладовой.

Когда ожидавшие увидели парня, сломя голову бежавшего по освещенной дорожке, Джоэл и Флора вышли наружу и присоединились к Колтону и Финтану, сидевшим на террасе. Стало заметно холоднее, но на террасе стояли жаровни, так что было вполне уютно. Музыка выключили, теперь не было слышно ничего, кроме тихого воркования птиц, которые, похоже, знали, что настала ночь, хотя никто другой этого не знал, и еще с воды доносился негромкий лай.

– Здесь есть собаки? – глядя по сторонам, спросил Джоэл.

Остальные засмеялись.

– Тюлени тоже лают, – пояснила Флора.

– Вы хотите сказать, что я слышу лай своры тюленей? – не поверил Джоэл. – Нет, серьезно, это какое-то совершенно безумное местечко!

Тут они увидели, как по красному ковру за спиной официанта не спеша промаршировала шотландская куропатка.

И внезапно все расхохотались.

– Абсолютно ненормальное!

– Вот так тут у нас, – отозвался Колтон. Он поднял стакан, чтобы чокнуться с Джоэлом. – Все рано или поздно подпадают под здешние чары. Весь этот чертов остров соткан из облаков.

– Как сказать... – пробурчал Джоэл.

Официант, испуганный и слегка задыхающийся, протянул Колтону огромную корзину:

– Вот, привез, сэр!

В одно мгновение, словно из ниоткуда, появились тарелки, ножи и еще виски. Колтон взял два овсяных печенья, добавив к ним два ломтика темно-желтого масла – на одном посверкивали кристаллы соли, другой был проще и темнее, – и отрезал сразу три кусочка сыра: твердого, мягкого и среднего.

У Флоры перехватило дыхание: она увидела в корзине несколько баночек с чатни, приготовленным матерью, и с сухим вареньем. Она не

понимала, как они там оказались. Видимо, дома был Иннес, соображавший весьма быстро.

Финтан нервно искал, куда бы положить сигару. Но выглядел он при этом гордым.

– Кстати... если ты задумал отравить меня какими-то бактериями... – нахмурился Колтон, – здесь ведь, наверное, полно бактерий...

– Любой сыр – сплошные бактерии, – ответил Финтан. – А в вашем теле разных бактерий примерно сто тридцать миллиардов.

– Ну да, и поэтому я пью биологически активные добавки.

– Правда? Думаю, это потому, что на вкус они похожи на молочный коктейль с клубникой.

– Ну и это тоже.

Финтан встал и взял маленький нож. Наклонившись над могучим дубовым столом, он отрезал по толстому ломтю от каждого из кругов сыра. Вернувшись на место, он с вызовом посмотрел на всех по очереди.

Как ни странно, первым за дело принялся Джоэл – он проигнорировал печенье и, взяв большой кусок голубого сыра, быстро сунул его в рот. Все внимательно наблюдали за ним – при этом Флора воспользовалась возможностью присмотреться к его губам. А Джоэл зажмурился на мгновение, как будто слегка удивленный тем, что за чудо попало вдруг ему в рот.

– Неплохо, – прокомментировал он.

– А какие первые симптомы? – спросил Колтон. – Может, он начнет сейчас пукать или что-то еще?

Финтан демонстративно отрезал себе мягкого сыра и размазал его по ломтю хлеба. Флора усмехнулась и основательно капнула на ломоть ржаного хлеба чатни, прежде чем положить сверху сыр. Боже, она и забыла, как это вкусно! Флоре не хотелось показаться жадной, но они ведь не поужинали, так что она тут же отправила все это в рот. Запивая бутерброд двадцатипятилетним виски «Лафройг», она поняла: сочетание идеальное!

Джоэл не мог припомнить, когда он в последний раз видел женщину, которая ела с таким искренним удовольствием. Он поймал себя на мысли о том, обладает ли Флора таким же аппетитом на другое... Потом выбросил этот образ из головы и сосредоточился на клиенте.

– Ладно-ладно, что это такое? – спросил Колтон. – Тот, кто последним съест смертельный сыр, окажется трусом? Должен вас предупредить, мой диетолог предупреждал, что у меня может оказаться непереносимость лактозы.

– И какие симптомы? – с любопытством спросила Флора.

– Резкая смена настроения, усталость...

– Может, вы просто раздражительный урод? – спросил Финтан.

Все умолкли, и никто не решался посмотреть на Колтона Роджерса – прежде всего потому, что рядом находились люди, чья жизнь зависела оттого, что он им платил.

Потом Колтон наконец засмеялся и замахнулся на Финтана.

– Ну-ну! – фыркнул Финтан, отбивая его руку. – Попробуй наконец!

Наблюдать за Колтоном было весело. И если Флора, большая любительница сыра, восторгалась творением Финтана, то это ни в какое сравнение не шло с тем, как мог отреагировать человек, выросший на американских сырах и попробовавший нечто столь ошеломляющее вкусом и ароматом.

– Черт побери, райское наслаждение! – сообщил Колтон. – Боже мой... Джоэл, ты это попробовал?

– Да, сэр.

– Ты когда-нибудь ел что-то подобное?

– Я провел некоторое время во Франции.

– «Я провел некоторое время во Франции», – передразнил его Колтон. – Ты болван! Могу поспорить, ты ничего такого там не видывал!

– Да, – нехотя согласился Джоэл. – Не думаю.

Колтон отрезал себе еще один толстый кусок, потом еще один. Флора вдруг заметила, что в корзине лежит и фруктовый пирог, и тут же велела американцу взять кусочек, положить на него твердый сыр и запить все дымным, пахнущим торфом виски.

Некоторое время не слышалось ничего, кроме слегка похожего на звуки оргазма шума.

– Боже мой... – выдохнул наконец Колтон. – Вот именно... боже мой! Я не шучу.

– Масло попробуйте, – злорадно предложила Флора.

– Вы хотите меня убить?

– Нет, пока не попробуете масло. Положите соленое на ржаной хлеб. И ничего больше.

Колтон откусил кусочек и замахал руками:

– Боже... Точно – вы меня хотите уничтожить этим маслом!

– Вы еще голубой сыр не пробовали, – ухмыльнулся Финтан.

Колтон с сожалением посмотрел на голубой сыр:

– Ох, черт побери! Боюсь, с этим мне не справиться... Я же парень из Техаса, понимаете? Моцарелла, пицца и яблочная водка! Вот все, что я

знаю.

– Вы должны его попробовать, – настаивал Финтан. – Вы же хотите, чтобы вас тут приняли...

– Ты хочешь, чтобы я съел сыр, в котором видны синие вены? Синие варикозные вены?!

– Бла-бла-бла-а-а!

– Нет, друг мой, я не могу, – улыбнулся Колтон. – Это предел.

Вместо ответа Финтан вскочил и отрезал кусок голубого сыра. Обойдя стол, он направился к Колтону. Флора была ошеломлена. Колтон дернулся. Ясно было, что с ним давным-давно никто не обращался подобным образом. А может, и никогда. Как это, должно быть, странно, подумала Флора, обладать таким богатством, что все носятся вокруг тебя на цыпочках. Приятно ли это? Или странно? Знает ли кто-нибудь?

Но Колтон и Финтан уже выскочили на пляж. Колтон хохотал, закрывая лицо ладонями, а в глазах Финтана было выражение, какого Флора никогда не видела прежде. Надутый, настороженный вид исчез, Финтан боролся с Колтоном, делая вид, что хочет свалить его на землю и затолкать сыр ему в рот. И в конце концов действительно сделал подсечку, и Колтон рухнул на песок.

Флора невольно вскинула руки ко рту.

Как она могла быть настолько слепой? Как могла настолько сосредоточиться на собственной жизни, на своих драмах и чувствах? Финтан был тихим подростком, но ведь у них в доме никогда и не было особого шума. И никто не обсуждал его будущее. Он должен был работать на ферме, как все остальные, зарабатывать на жизнь в ритме смены времен года, пару раз в год мог съездить в Инвернесс, может, сделать ставку на какую-то лошадь. Смотреть по телевизору матчи шинти. Найти хорошую, крепкую местную девушку. Так жили все парни на Муре, и Флора не задумывалась над этим.

Она наблюдала за тем, как хихикающий Колтон сел на песке, уступая наконец напору Финтана, а потом изобразил на лице насмешливый ужас.

– А вы и не знали... – тихо произнес Джоэл, не сводя глаз со стакана виски.

Флора была настолько потрясена, что почти не слышала его, но, когда до нее дошли его слова, ее поразило нечто другое: она никогда до этого не слышала, чтобы Джоэл говорил так мягко. С кем бы то ни было.

– Половина моих друзей геи, – пробормотала она.

– И вам такое даже не приходило в голову?

– Ну, в моей семье... все довольно запутано, – ответила Флора.

Джоэл приподнял одну бровь.

Колтон и Финтан вернулись с пляжа, все еще хихикая.

– Знаете, – заявил Колтон, снова садясь за деревянный стол, – это, пожалуй, самый странный деловой ужин в моей жизни.

– Мы, между прочим, и не говорили о делах, – напомнила ему Флора, поглядывая на покрасневшегося Финтана.

– О чем это вы? – удивился Колтон. – Все очевидно. Удар в цель!

– Что? – не поняла Флора.

– Местное снабжение, – терпеливо пояснил Колтон, как будто Флора была полной идиоткой. – Вы тут этого хотите? Открою розовый дом. Найму местных, если хотите. Я в игре. Хороший план. Мне нравится. Можете начать до того, как совет соберется?

– Что? – выдохнула Флора.

Финтан вскинул руку, останавливая ее.

– Конечно, – сказал он.

– Думаю, мне лучше устроить прием в честь открытия, – решил Колтон, глядя по сторонам. – Ух... Ненавижу приемы. Но я готов пригласить всех. Отлично!

Финтан посмотрел на свои часы, и его лицо вытянулось.

– Мне пора уходить, – сказал он. – Коров доить нужно.

Колтон моргнул.

– Но еще рано, – жалобно возразил он, посмотрев на светлый горизонт. Потом тоже посмотрел на часы. – Ох да... хм... не хочется вас отпускать. Обычно в это время я уже умираю от скуки.

Финтан неловко улыбнулся:

– Может, отправимся назад, сестренка?

– Но... – начала было Флора и умолкла.

В голове у нее все перепуталось. Что тут происходит?

– Ладно, – сказал Колтон. – Приведу в порядок розовый дом. Организую вечеринку. Начну агитацию. И все пойдет хорошо.

– Но... – снова пробормотала Флора.

Тут кто-то нажал на ее левое плечо. Это был Джоэл, подталкивавший ее к Берти и его маленькой лодке.

– Вечер был прекрасным, – сообщил Колтон.

Он пожал руку Финтану, задержав ее, пожалуй, слишком долго в своей руке.

Глава 27

Все вокруг было белым. Белое небо, море очень бледного серого оттенка, отражавшее странный свет так, что она словно плыла по чистому листу бумаги, а легкие полосы волн-строчек тянулись за ней. Она была на каком-то корабле, старом, скрипучем, над которым высились голые мачты... Но где же его паруса? Кто-то пропал. Кто это был? Она вдруг заметила, что кричит: «Стойте! Остановите корабль! Остановите его!»

Но никто не слушал, они двигались дальше. Кто-то упал за борт, и она хотела дотянуться до него, но корабль шел и шел прочь, а она кричала, и никто ее не слышал, и никто не думал останавливаться...

Наверное, нет, наверняка дело было в виски. В три часа ночи Флора резко проснулась, во рту у нее пересохло от странного белого сна о корабле, льдах и холоде. Тонкое одеяло сползло с нее, а в доме стоял жуткий холод.

Всю обратную дорогу в лодке Флора пыталась говорить о деле, но, как ни странно, Джоэл и Финтан объединились и твердили ей, что обо всем поговорят завтра.

Первым, что заметила Флора, проснувшись, был ее мигающий телефон. Она потерла глаза, натянула одеяло на дрожащие от холода плечи и взяла его.

Сообщение оказалось рабочим: напоминания, планы, поток идей – от Джоэла. Но ведь была середина ночи...

Вы не спите? – набрала ответный текст Флора.

Джоэл откликнулся мгновенно:

Светло как днем! Разве кто-то сможет заснуть?

Сама Флора с детства привыкла отправляться в постель при ярком солнечном свете и, наоборот, в зимние месяцы шагать в школу в крошечной тьме.

А если задернуть занавески? – предположила она.

Они грязные.

Флора посочувствовала Джоэлу. «Харборс рест» и в самом деле был

неуютным местечком.

Почему вы не остановились в «Скале»?
Они, похоже, еще не закончили отделявать номера.
Но вряд ли там от этого хуже?
Отличная мысль. Учту. Три стены были бы лучше, чем вот это.

Флора улыбнулась телефону и ответила:

Если разбрызгать соленую воду, это успокоит.
Что, так говорят на острове? Могу предположить: если бы хозяйка разбрызгала немножко моющих средств, это успокоило бы лучше.
Да ладно! Смиритесь. Здесь не так уж плохо.
Я этого и не говорил.

Джоэл наслаждался их перепиской. Казалось странным болтать вот так, особенно посреди ночи. Не после кое-чего...

Джоэл нахмурился. Она ведь не подумает... Нет. Она не может. Она же мелкий служащий. Это вопрос профессиональных отношений. Просто с ней было легко общаться. Но, видит бог, он действительно не мог заснуть!

Джоэл вскочил и прошелся по комнате. Отклеившиеся обои давили на него, но зато снаружи все выглядело неземным и воистину прекрасным.

Здесь не опасно прогуляться?
Только поосторожнее с дикими хаггисами^[2]. Они иногда хитрят. Но вы легко от них убежите: у них одна нога короче другой из-за того, что они постоянно кружат у холмов.
Ха-ха-ха!

Флора с легким волнением посмотрела на текст и написала:

Куда вы хотите пойти?
Думаю начать с Бродвея, потом заглянуть в торговый квартал, затем, может быть, остановлюсь перекусить в Чайна-тауне...
Ха-ха-ха!

Джоэл не находил себе места. Он надел пальто, потом написал:

Вообще-то, не знаю. К заливу? Все ведь закрыто.
Половина четвертого утра.

Последовала долгая пауза. Наконец Флора ответила:

Хотите, чтобы я вышла?

Джоэл прищурился, глядя на телефон. Он не слишком любил компанию. Одиноким волком, так называл его доктор Филиппосис.

Джоэл снова посмотрел на светлую воду.

Если хотите...

Флора быстро умылась, поморщилась, посмотрев на свои волосы, зачесала их назад, чтобы падали на плечи, потом надела шапочку. Влезла в джинсы, полосатую футболку, рыбацкий свитер и большие ботинки. И строго сказала себе, что совершенно не похожа на соблазнительницу. Ну, разве что какой-нибудь рыбак на нее покосится... Но уж конечно, не ее щеголеватый лондонский босс, с которым у нее встреча посреди ночи. Нет.

Да она и вообще уже об этом не думала, спускаясь из спальни вниз. Что ей действительно хотелось обсудить, так это безумную мысль Колтона насчет того, что они с Финтаном надумали как-то перехватить поставки продуктов для него. Это следовало задавить в зародыше.

Флора выпила большой стакан холодной воды, чтобы выгнать виски из организма, потом приготовила полную фляжку крепкого кофе. Брамбл насторожился, когда Флора вошла в кухню, она кивнула ему, предлагая пойти вместе. И вышла из дому на обжигающе свежий утренний воздух, хотя, строго говоря, до утра было еще далеко.

Не слишком суетливый и в лучшие часы, сейчас Мур и вовсе походил на Луну, как будто все живое исчезло и здесь теперь находится конец всего сущего. Над землей висел туман, придавая сказочный вид всему, что поднималось над ним: холмы купались в облаках у подножий, телеграфные столбы растворились, а свежий воздух сменялся сыростью, когда вы входили в большие клубы тумана.

Флора увидела Джоэла раньше, чем тот заметил ее, – он стоял у причальной стенки, глядя на море. В своем прекрасно сшитом пальто и модных ботинках он смотрелся здесь совершенно неуместно, словно астронавт, вынесенный на неведомый берег, непонятный ему, и увидевший, что все то, в чем он всегда был уверен в жизни, на самом деле ему

абсолютно чуждо.

Брамбл вопросительно заскулил, и Флора нагнулась к нему.

– С ним все в порядке, – прошептала она, почесывая пса за мягкими ушами. – Все хорошо.

Пусть и в самом деле так будет, подумала она, скрещивая пальцы.

Брамбл, поверив ей, побежал по булыжникам причала.

Как раз в этот момент Джоэл оглянулся – и его приветствовал огромный, грязноватый, полный энергии пес, водрузивший лапы на его дорогую одежду. Джоэл чуть не опрокинулся на спину, пытаясь отпихнуть от себя пса, потом повернул голову и увидел в нескольких футах от себя смеющуюся Флору – туман клубился вокруг нее, как живой.

– А... да, прекрасно, очень смешно. Спасибо, что привели эту ломовую лошадь, – сказал Джоэл, когда Флора подошла ближе.

– Брамбл! – прикрикнула она. – Иди сюда, плохая собака!

Брамбл, как обычно, не обратил на нее ни малейшего внимания и поспешил к воде, чтобы искупаться. Джоэл посмотрел на свои перемазанные брюки:

– Интересно, Колтон покроет расходы на химчистку?

– Попросим Финтана спросить его об этом.

Джоэл посмотрел на нее и улыбнулся. Флора совершенно не была похожа на ту девушку, которую он едва замечал в офисе. В большом старом свитере, без косметики, с разрозовевшимися щеками и волосами, спадавшими из-под шапки, она стала другой... и эти странные, очень светлые глаза...

Он посмотрел на то, что Флора держала в руках:

– Это что... фляжка?

– Возможно.

– Мы отправляемся на рыбалку?

– Вы хотите кофе или нет?

– Я хочу кофе, как ничего другого в мире! – улыбнулся Джоэл.

– Вы могли вызвать обслуживание в номерах, чтобы вам его приготовили.

– У них есть обслуживание в номерах?

– Обычно нет, – ответила Флора, подумав при этом, что Инге-Бритт могла бы в данном случае и постараться. – Но если бы вы вежливо попросили...

– Я всегда говорю вежливо!

Флора глянула на него, и Джоэл тут же стушевался.

– Ну, в Нью-Йорке, – неохотно признал он.

Флора налила ему полную кружку кофе, сладкого и горячего. Джоэл с одобрением принял ее и даже поблагодарил. Они сели на стене причала и стали смотреть на восходящее солнце.

– Знаете, я, в общем, почти понимаю... – уставившись на горизонт, произнес Джоэл. – Могу понять, что Колтон увидел здесь. Это как... как нигде в мире.

Туман уже поднялся, краски рассвета играли на облаках, расцвечивая воду полосами розового, золотого и желтого, и все это – под зловеще-белым небом.

– Да, здесь у нас так, – согласилась Флора.

– И вы тут кажетесь совершенно своей.

– Ну, это не совсем так, – пожала плечами Флора. – Послушайте. Тот проект...

– Я знаю, что он неправилен.

– Есть только один способ осуществить его.

– Я думал... Вы прочитали мои заметки?

– Нет, – призналась Флора. – Я спала. Вы что, никогда не спите? Вы Бэтмен? – Эта мысль поразила ее. – О, тогда это многое объясняет.

– В самом деле? – усмехнулся Джоэл.

– Я не читала ваши заметки.

– Ладно, – заговорил он. – В основном это вопрос пиара. Если вы сможете организовать что-то вроде... Ну, скажем, быстренько устроить в том розовом доме какой-то магазин... Привлечете местных на свою сторону. Плюс приемы, вечеринки. Плюс продажа вашего сыра или чего там еще придумает Финтан. Все это могло бы развернуть их в другую сторону. Убедить людей в том, что Колтон искренне желает острову добра. И все пойдет как надо. А потом мы получим миллионы от его будущего бизнеса. Я с вами откровенен.

– Понимаю, – кивнула Флора. – Но у меня есть работа, – вздохнула она. – Настоящая работа, а не руководство каким-то магазином.

– Это и есть настоящая работа, – возразил Джоэл. – Кроме того, у меня толпа служащих. Большинство из них прекрасно справятся с вашими бумагами. – Он снова уставился на море и довольно долго молчал. – Но я не знаю никого другого, кто сумел бы помочь с нашим самым крупным клиентом.

– Вы серьезно?

– Это же всего на несколько недель, пока ваш совет не придет к решению. А потом вы сможете уехать, вот что я имел в виду, говоря «быстренько». Но для фирмы это будет многое значить.

Явился Брамбл, мокрый и соленый.

– Ладно, пойдёмте, – предложила Флора, – прогуляемся по Бесконечному.

– По... где?

– Бесконечный. Это пляж. – Она спрыгнула со стены. – На самом деле он не бесконечный.

Джоэл пошел следом за ней к концу причальной стены, туда, где уже заканчивались дома. На вершине мыса Брамбл принялся носиться кругами, выискивая кроличьи норы. Здесь Джоэл остановился.

Впереди на многие мили протянулся пляж. Песок на нем был чистейшего белого цвета, и бледное море мягко набегало на него, облизывая мелкими волнами. Морской туман рассеялся еще не совсем, и потому невозможно было увидеть, где кончается этот пляж, он действительно таял в бесконечности. И в мире не осталось ничего, кроме этого изумительного пляжа, абсолютно пустынного, как будто сюда не ступала нога человека.

Брамбл тут же поспешил оставить следы своих лап на девственном песке.

Возможно, полная бессонница и отсутствие связей с Лондоном подействовали на Джоэла, но какова бы ни была причина, он буквально задохнулся. Как будто впервые в жизни увидел мир вокруг себя. Воздух своей свежестью обжигал ему легкие, соленый ветер доносил откуда-то запах кофе, трепал собачью шерсть... Джоэл чувствовал... он сам не знал, что он чувствовал. Это было нечто вроде странной, незнакомой свободы. Нечто совершенно новое.

– Вау... – сделав шаг вперед, пробормотал он. – Боже... Это как будто открытие!

– Так и есть, – просто ответила Флора.

– Да это же просто... – Он не находил слов.

Брамбл прыгал вокруг, взлетая высоко в воздух и тщетно пытаясь найти какую-нибудь палку. Флора поспешила ему на помощь, потом оглянулась на Джоэла, все так же неподвижно стоявшего на месте.

Ее вдруг охватили новые чувства, она ведь так жаждала этого момента – чтобы они вдвоем остались наедине и чтобы он наконец-то говорил с ней, смотрел на нее... И вот наконец это случилось, а она...

Ну да, здесь, на краю Бесконечного пляжа, Джоэл вдруг показался ей маленьким, почти робким. Флоре стало любопытно: почему он всегда держался так замкнуто, так напряженно? Возможно, он тоже кого-то потерял?

Но эти мысли снова вернули Флору к Муру, опять к Муру, к месту, где ей не хотелось быть, к руке, которой она некогда доверялась, вкладывая в нее свою руку, к тому первому разу, когда она шла по Бесконечному пляжу и слушала разные истории: о викингах, кораблекрушениях, феях... все старые-престарые сказки островов.

Флора поморщилась. Она так устала от всех этих мыслей и воспоминаний, снова и снова осаждавших ее. Так измучилась...

Она наконец нашла палку идеального размера для того, чтобы бросать ее собаке. Скинув ботинки и закатав повыше джинсы, она швырнула палку как можно дальше, а потом, в ясном чистом свете бесконечного утра, помчалась со всех ног вдоль воды вперегонки с псом, разбивая легкие волны. Это было наилучшим из известных ей способов избавиться от тяжелых мыслей, прогнать ночные кошмары, вырваться из когтей острова и всех тех глупостей, что случились с ней.

Нужно просто бежать и не оглядываться назад.

Пляж все тянулся и тянулся перед ней, и вот уже Флора оказалась далеко, она не слышала, что там кричал позади Джоэл, и наконец они с Брамблом просто рухнули на песок. Пес беспокойно облизал ей лицо, а Флора зарылась носом в его шерсть и постепенно более или менее пришла в себя. Теперь она могла отправиться обратно, медленно, тяжело дыша, но почему-то ощущая себя более целостной, более живой, чем это было в последнее время.

– Ох, простите, – подойдя к Джоэлу, произнесла она. – Я просто поддалась порыву...

Как ни странно, Джоэл почти готов был последовать ее примеру. Сбросить ботинки, помчаться так, словно за ним гнались волки... Он уже был на грани того, чтобы схватить Флору... сжать ее, бросить на песок...

Но Джоэл тут же подавил эти мысли. Флора была младшим клерком, а он в своей личной жизни никогда даже близко не подходил к работе.

Мгновение-другое они смотрели друг на друга. Потом Флора быстро вздохнула и выпрямилась, и они снова вернулись к разговору, теперь уже более спокойно.

– Летом здесь по-другому. Народу полным-полно. Мы в детстве разжигали тут костры и устраивали разные проказы.

– Не сомневаюсь.

– А вы в каком месте росли?

Последовала пауза.

Джоэл окинул взглядом чистую воду и вздохнул. Он даже на мгновение задумался. Не рассказать ли ей...

– Там было...

Опасные мысли вернулись в его голову. Он гадал, какова на ощупь эта прохладная гладкая кожа... Она была белой, как фарфор, тут и там на ней светились бледные веснушки... Джоэл смотрел на глаза цвета океана...

А потом оглянулся на вземной пейзаж. И подумал: «Почему нет? Доктор Филиппосис мог это одобрить».

Да, Джоэл устал. Устал от баров и ночной работы, глупой политики фирмы, алчных девиц, которым хотелось ходить в наилучшие рестораны, но которые отказывались что-либо съесть, когда их туда приводили. Устал от дорогого кабинета, от новых клиентов, от дорогущих мотоциклов, глупейших отпусков, ночных клубов, холодных квартир, самых красивых подружек... Все это продолжалось и продолжалось, и Джоэл не знал, как с этим покончить. Но, очутившись здесь, не знал даже, зачем это.

Но перед ним были веселый пес и открытая девушка, и никого вокруг, насколько мог видеть глаз. И он даже не устал еще. Три часа ночи было для него чистой ерундой. Он все равно никогда не спал. Никогда.

И Джоэл чуть не сказал ей...

Но тут этот чертов пес опять напрыгнул на него.

– Брамбл! – закричала Флора. – О, простите... Мне так неудобно... Наверное, можно как-то отчистить эту грязь?

Брамбл просто сходил с ума. Флоре с трудом удалось совладать с ним. Она искоса посматривала на Джоэла. И чувствовала... Что именно? Нечто. Он как будто был на грани того, чтобы о чем-то заговорить. Но Флора не могла угадать о чем. И теперь, похоже, мгновение миновало.

Они пошли дальше, обсуждая дело, и к тому времени, когда добрались до конца пляжа и повернули обратно, белое небо начало понемножку наливаясь голубизной, обещая великолепный день. А Джоэл ощутил нелепое разочарование из-за того, что пляж все-таки кончился и впереди показался маяк.

Когда они дошли до того места, где Флора сняла ботинки, она неохотно согласилась остаться на острове и командовать парадом, чтобы Джоэл смог вернуться в Лондон, и пообещала не отставать от Колтона до самого собрания островного совета.

– Хотите позавтракать? – спросила Флора.

Джоэл посмотрел на свои часы:

– Пять утра. Мы ели всего четыре часа назад. И в строгом смысле это еще не утро, а ночь.

– Ладно, – кивнула Флора. – Я просто подумала...

– Разве что это будет сыр?

– Нет...

Джоэл вдруг с удивлением заметил, что на самом деле успел проголодаться. Он предположил, что все дело в здешнем воздухе. Обычно он тщательно контролировал свою диету, как контролировал все прочие аспекты своей жизни.

– А здесь что-нибудь уже открыто, где можно перекусить?

– Мои братья скоро встанут. Вы можете заглянуть к нам на ферму.

Глава 28

Ктому времени, когда они повернули на подъездную дорогу фермы, парни действительно уже поднялись, вокруг кипела бурная деятельность. Кухонное тепло было восхитительным после резкой утренней прохлады, раскаленная печь делала комнату уютной.

– Привет, – кивнул Иннес, промаршировавший через кухню в драной пижаме и дырявых носках.

Он налил воды в чайник, поставил его на плиту и только после этого, обернувшись, увидел Джоэла.

– Черт побери, вы кто такой?! – удивился Иннес.

Пиджак Джоэла слегка отсырел, как и дорогие ботинки и нижняя часть брюк. Очки начали запотевать от тепла. И Флора впервые подумала, что Джоэл выглядит ранимым.

– Я начальник Флоры, Джоэл Биндер, – тихо ответил он, протягивая руку.

– Пять часов утра, черт побери! – возмутился Иннес. – Вы, юристы, круглые сутки работаете, что ли?

– Но не так усердно, как фермеры, – ответил Джоэл.

– Папуля! – послышался тоненький, но весьма решительный голосок. – Кто тут сумит?

Все застыли, когда по кухне протопала пара маленьких ног. Белые волосы девочки были спутаны, одной рукой она терла глаза, а в другой крепко держала своего обожаемого енота. Босая Агот остановилась и, прищурившись, всмотрелась во всех по очереди.

– Потому все сумят? – сердито спросила она.

Джоэл моргнул.

– Почему бы мне не приготовить для всех чай? – быстро произнесла Флора. – С добрым утром, Агот, милая.

Агот просияла улыбкой и подбежала к Флоре:

– Это кто, тетя Флова?

– Это Джоэл, – неловко объяснила Флора.

Джоэл попытался изобразить улыбку.

– Привет, – пробурчал он.

– Пливет! – откликнулась девочка. – Я Агот. – И снова повернулась к Флоре. – Где завтлак?

В кухне появился Эк.

– Папа! – воскликнула Флора. – Ты не должен вставать для того, чтобы доить коров!

– А как, по-твоему, я могу спать, если тут настоящий базар?

Присутствие Джоэла Эк воспринял как нечто само собой разумеющееся. И вот уже был готов чай.

– Дедуля! – закричала Агот.

– Что, детка?

– Где завтлак? И самдвити?

Флора улыбнулась. Сэндвичи – любимая еда Агот.

– Ну, не знаю, – нахмурился Эк. – Не хочешь лучше хорошую тарелочку овсянки?

– Самдвити!

– Ладно-ладно, – откликнулась Флора. – Раз уж я всех разбудила, Иннес, сооруди-ка кофе... не все ведь пьют этот никудышный чай, а я поджарю бекон для сэндвичей.

– Да! – согласилась Агот. – И мусика!

Иннес включил радио на волне шотландского Би-би-си, и Агот тут же закурилась, раздувая ночную рубашку.

– Ты портишь это дитя, – заявил Эк, когда Флора доставала старый, почерневший противень.

– Я не против, – возразил Иннес. – После того, что ей пришлось выдержать, пока мы скандалили с Эйлид, я буду каждый день ее портить.

Флора нашла в леднике бекон, завернутый в простую бумагу. А Иннес тем временем заваривал кофе: это был отличный натуральный кофе, от которого фермерские парни воротили нос, они предпочитали растворимый напиток.

Агот все еще танцевала, большие кухонные окна запотели, в комнате было шумно и радостно.

– О, простите, – спохватилась вдруг Флора, поворачиваясь к Джоэлу. – А вы едите бекон?

Эк в первый раз обратил внимание на босса дочери:

– Вы разве не из наших рабочих?

– Папа, протри очки, бога ради! Пока не начал доить Брамбла!

– Аввв! – согласился с ней Брамбл, поднимая голову при звуке своего имени.

– Я... работаю с Флорой, – выдавил из себя Джоэл.

Флора присмотрелась к нему.

Он что, ухмылялся?

– И – да, бекон вполне подойдет.

– Почему бы ему не подойти? – не понял Эк.

Иннес велел ему умолкнуть.

Вошел Финтан, насвистывая себе под нос и высоко вскинув голову, что выглядело весьма необычно. Иннес прищурился:

– С чего это ты так развеселился?

– Ни с чего, – улыбнулся Финтан, наполняя свою чашку. – Ух ты, пахнет потрясающе! Сделай и мне, сестренка.

Он подхватил Агот и закружил ее, а девочка завизжала, брыкаясь.

– С добрым утром, моя чудная девица! – Потом, повернувшись, он увидел Джоэла. – Ох, черт побери, вы что, ночевали здесь?!

Все в кухне мгновенно затихли.

– Что? – произнес наконец Эк.

– У тебя госсь спал? – поинтересовалась Агот.

– Конечно нет! – Флора залилась яркой краской.

– Ты знаешь этого парня? – спросил Иннес у Финтана. – Он вроде как работает с Флорой.

– Так и есть, так что заткнись! – огрызнулась Флора.

– А ты вся красная, сестренка, – заметил Финтан.

– Заткнитесь все! Катитесь отсюда и доите своих чертовых коров! Не получите ни единого сэндвича!

Но наконец все уселись вокруг огромного стола. Джоэл в основном помалкивал. Флора думала, что его привела в ужас ее семья.

На самом деле, хотя в детстве Джоэл побывал во множестве семей, ни одну из них он не узнал по-настоящему. Его всегда передавали дальше – умного маленького замкнутого мальчика, он не был достаточно миловиден, улыбчив или дружелюбен, чтобы его усыновить, до него было трудно достучаться, он говорил странные вещи, на каждых экзаменах обходил старших детей и читал больше всех.

К тому времени, когда доктор Филиппосис, заметив острый ум и большие способности мальчика, нашел ему место в хорошей школе с доброжелательными учителями, готовыми удовлетворить страсть Джоэла к учебе, тот был уже подростком, и никому не хотелось брать в семью почти взрослого мальчика. Но он выиграл конкурс и попал в школу-пансион, так что социальные службы с облегчением умыли руки.

Теперь же Джоэл очутился в ситуации, которая заставляла его нервничать и лишала присутствия духа. Родственники Флоры слишком много говорили, они болтали обо всем на свете, хватая сэндвичи и проглатывая бесчисленные чашки чая. Джоэл всегда был очень строг в части питания, он никогда не ел сэндвичей с беконом, хотя это и не имело

религиозных причин – он побывал в семьях самых разных убеждений: евангелистов, баптистов, атеистов, и ничегошеньки не воспринял от них. Нет, просто сэндвичи содержали в себе углеводы и жир, два ингредиента, которые он навсегда изгнал из своего рациона, чтобы сохранять форму и здоровье и обгонять ту свору, которая, как он всегда ощущал, готова наступить ему на пятки. Он и сказать не мог, из кого состояла эта свора. Просто знал, что она где-то рядом.

Джоэл осторожно откусил от сэндвича. Это был еще один пункт, всегда тревоживший его: ни на секунду не выпускай из рук свою еду. Кто-нибудь может ее схватить. Ешь, пока можешь.

Джоэл чуть прищурился. Надо же... Он ничего не знал об общественном питании или управлении бизнесом. Но он отлично разбирался в еде высшего качества: клиенты угощали его дорогими обедами, он и сам тратил бешеные деньги в модных ресторанах. И мог сказать одно: эта еда превосходила все, что он знал.

Обгоняла на много миль.

Хлеб, похоже, был вчерашним, поджаренным, но его потрясающее качество легко ощущалось. И хрустящий соленый бекон, и крепкий чай в щербатых эмалированных кружках: такое можно продавать где угодно. Флора явно знала это дело.

Джоэл посмотрел на нее – Флора весело подавала вторую порцию здоровенному тихому парню, видимо второму ее брату, – сколько же их всего? Здесь, подумал Джоэл, Флора просто блистала.

И пока Джоэл наблюдал за смешливым, шумным, поддразнивающим друг друга кланом и сосредоточивался на своем сэндвиче, пока разговор вокруг шел о кормах для скота и полях, он, к своему удивлению, обнаружил, что к нему на колени кто-то забирается: это Агот набрела на него.

– Агот, слезь немедленно! – велела Флора, заметив девочку.

Та надулась.

– Он мне нлавицца! – с вызовом заявила Агот, рассыпая крошки от своего сэндвича на брюки Джоэла.

– Извините, – сказал Иннес. – Агот, слезай!

Джоэл застыл. Он не привык к детям и не имел ни малейшего представления, что делать.

– Не слезу! – сообщила Агот, предлагая Джоэлу кусок своего тоста.

– Все в порядке, – пробормотал Джоэл, забрал тост и положил его на стол.

Все явно расслабились.

«Будь как все», – приказал себе Джоэл. Все это совершенно нормально. Семья – это нормально. Это ты сам странный.

И хотя он испытывал в этот момент непривычные ощущения, они не были, как понял Джоэл, такими уж неприятными. Ребенок болтал маленькими короткими ножками, устраиваясь поудобнее, и пахло от девочки приятно, поджаренным хлебом, каким-то знакомым шампунем и сном.

– Ах, самдвить! – радостно воскликнула Агот, откусывая побольше и роняя каплю жира на окончательно погибшие брюки Джоэла.

Флора поморщилась, но, поймав взгляд Джоэла, с удивлением поняла, что он улыбается.

– Это и в самом деле удивительно вкусный сэндвич, – сказал он и посмотрел на Финтана. – Вы должны продолжать свое дело. Я действительно так думаю.

– Спасибо, – смутился Финтан.

Джоэл посмотрел на свои часы.

– Я должен успеть на самолет, – сообщил он.

– Да, знаю, – кивнула Флора. – Мне тоже пора. Пойдем, Агот, вернись в постель.

– Я не устала!

Джоэл попытался встать, но Агот тут же повисла у него на шее:

– Не уходи!

– Извините, – пробормотала Флора. – Агот, перестань сейчас же!

– Не хотю спать!

Джоэл осторожно снял ручонки Агот со своей шеи и поставил девочку на пол. Флора наблюдала за ним, испытывая нелепое желание последовать примеру Агот и обнять Джоэла, чтобы поближе увидеть этот его новый мягкий взгляд...

Нет. Она совершенно не желает видеть эту нежность. Ничуть. Флора глубоко вздохнула. Она должна держать себя в руках. Должна.

– Не пойду в постель!

Конечно, подумала Флора. И они тоже не пойдут.

Глава 29

После этого события понеслись с невероятной скоростью. Флора лишь мельком подумала, не захочет ли Джоэл приехать еще раз, чтобы ознакомиться с документами, но, конечно, это было ниже его достоинства.

В течение нескольких недель все стремительно организовывалось. Каждый день доставляли новое оборудование, а вместе с ним прибывали люди из комиссии по контролю за качеством пищи и инспекторы по охране труда, они требовали изменений, потом снова возвращались, чтобы проверить, все ли сделано. Финтан трудился день и ночь, чтобы в молочной все сияло и все соответствовало правилам.

Весь старый штат Колтона был прислан Финтану на помощь, и одновременно Колтон начал нанимать людей в деревне, предлагая им достойную плату и гибкий график работы в «Скале». Лорна устроила конкурс для школьников – они должны были нарисовать логотип, победу одержал рисунок, изображавший чрезвычайно счастливую корову на лугу, а за ее спиной – светлое море.

Агот ужасно рассердилась, когда победителя сфотографировали для «Айленд таймс», она не желала даже подходить к школьникам, предпочитая вместо этого падать на булыжники двора и колотить по ним маленькими ботиночками.

Флора связалась с некоторыми девушками, которых знала еще в школе, чтобы выяснить, не хочет ли кто-то из них подработать, или, может быть, они порекомендуют кого-то. Таким образом она раздобыла двух крепких девиц, Айлу и Иону, они приехали на остров на лето и готовы были потрудиться.

Еще Флора завербовала миссис Лаэрд, та помогала доктору и викарию, но заодно была, как прекрасно знал Финтан, лучшим пекарем на острове.

– Тут у нас немало особ, которые охотятся на папу, – сообщил Финтан ужаснувшейся Флоре. – Но она печет хлеб явно лучше других.

– Вы не должны позволять им такое!

– А почему? Они приносят замороженное рагу. Хотя мы в основном предпочитаем колбасу и сардельки.

– Ладно... Интересно, как нам найти еще девятнадцать тарелок для помощников?

– Хм... – озадачился Финтан.

– Надеюсь, вы не морочите напрасно голову миссис Лаэрд?

Но оказалось, что она действительно пекла прекрасный хлеб, пресные лепешки и пироги с мясом.

Флора собрала своих помощниц в доме, и они вместе стали изучать весьма потрепанную книгу рецептов.

– Все должно быть местным, – объясняла Флора. – Лепешки, печенье, оладьи. Каждый день будем готовить два разных супа. И жареные сэндвичи. Ничего слишком сложного. Но вы должны строго следовать этим рецептам!

Миссис Лаэрд кивнула.

– Это рецепты Анни, – серьезно сказала она. – А она была лучшей из поварих, каких я только знала.

– Из ваших уст это наивысшая похвала, – улыбнулась Флора.

Они разделили между собой работу. Флора взяла на себя тесто и, когда месила его, находила занятие весьма успокаивающим, хотя, конечно, это было не то что замешивать тесто на одну буханку. Они с миссис Лаэрд постепенно, шаг за шагом учили новобранцев, начав с простого печенья. Иона и Айла, обе светловолосые, розовощекие, пышущие здоровьем девушки, радостно улыбались. Им здесь платили намного лучше, чем на любой другой сезонной работе на острове.

Другие занимались подготовкой магазина, парни буквально вылизывали все внутри, аккуратно красили. Иннес постоянно флиртовал с девушками, приехавшими домой на каникулы. А Финтан даже не смотрел на них. «Какой же я была дурой», – думала Флора, время от времени напоминая себе, что должна поговорить об этом с братом. Тогда, когда братья перестанут дразнить ее, насмехаясь над тем, что лондонская воображала ползает на четвереньках, вычищая грязь за радиаторами.

«Поп-ап» – написали они на маленькой вывеске снаружи.

– Просто чтобы люди знали, – пояснила Флора.

Как только совет острова вынесет свое решение, она вернется в Лондон. Если кто-то захочет продолжать это дело, прекрасно, но самой Флоры здесь уже не будет.

– «Поп-ап»? – недоуменно спросила миссис Лаэрд. – Что это вообще означает?

– Это значит, что заведение временное. Оно будет открыто лишь этим летом.

– Ну и написали бы просто: «Летний магазин».

– Ладно, – пожала плечами Флора.

– Ты должна назвать это «Кафе Анни», – предложила миссис Лаэрд.

Флора посмотрела на нее, но промолчала.

– Не думаю, – сказала она наконец.

Миссис Лаэрд сочувственно кивнула.

– «Летнее кафе на берегу», – выдала вариант Айла.

– Но это же на самом деле не кафе, – возразила Флора. – Просто всякие мелочи прямо из кухни.

– Ну, тогда и назвать это кухней, – сказала миссис Лаэрд. – Тогда люди поймут, что тут не закажешь всякие глупости. Только то, что вы можете приготовить и дома.

– Это подойдет, – согласилась Флора.

На красивой белой деревянной доске написали: «Летняя кухня на берегу», и доска как нельзя лучше выглядела на розовой стене. Иннес с Хэмишем забрались на лесенку и как следует ее приколотили.

Они уже прошли все проверки, и лавка была битком набита лепешками и печеньем, хлебом миссис Лаэрд и сыром Финтана, теплыми пончиками и пирогами с блестящими фруктами. Глядя на все это, Флора не могла подавить в себе невероятное чувство гордости за то, что они сумели все сделать всего за несколько недель.

Конечно, она постаралась тут же отбросить такие мысли. Но это ведь было совсем не то что разбирать документы, помогать адвокатам или заносить данные в компьютер... Флора впервые в жизни чувствовала себя так, словно она действительно, по-настоящему что-то создала. Сотворила нечто полезное и прекрасное.

Это было совершенно незнакомое ей чувство.

– Пожелай мне удачи, папа, – попросила Флора в первое утро, отправляясь открывать «Кухню».

Небо уже растеряло розовые рассветные краски, начался ясный, удивительный день, вокруг все было видно на много миль. Начался июнь, когда дни вообще не кончаются, а на остров обрушиваются туристы, восторгающиеся красотой пейзажей и бесконечным покоем острова.

– По мне, так это чистая ерунда, – ворчливо откликнулся Эк. – И я опять остался без парней.

Иннес прикусил губу.

– Что, все так плохо? – спросила Флора. – Но наверняка продажа сыра как-то поможет?

– Тебе придется продать чертову прорву сыра. У нас счет за перевозку молодняка.

Годовалых бычков возили с фермы в город Уик, чтобы там продать на рынке.

– Нам повезет, если мы покроем расходы.

Флора потерла ладонями лицо. Она не знала, что тут ответить.

– А теперь ты еще и забираешь Финтана, навсегда.

Они посмотрели на Финтана. На нем был новехонький фартук в сине-белую полоску поверх белой футболки и джинсов в обтяжку.

– Думаю, Финтан давно уже выбрал другую дорогу, – заметила Флора.

– Может, ты и права, – кивнул Иннес. – Ладно, удачи! Прибереги для нас пирог.

Глава 30

На самом деле приберечь пирог оказалось невозможно. С той самой секунды, как «Кухня на берегу» открылась, она стала невероятно популярной. Сначала люди ринулись в нее из необузданного любопытства, желая узнать, что там затеяла Флора. Но стоило им попробовать продукцию – хлеб, печенье и, конечно, сыр, – стало очевидно, что туда стоит возвратиться снова. Флора просто не могла смотреть в глаза Инге-Бритт, хотя исландка демонстративно делала вид, что ее это не беспокоит. Да они и в самом деле едва ли могли соперничать с баром, где всем не слишком охотно подавали водянистый кофе.

Самым первым посетителем, явившимся в восемь утра в тот ясный день, оказался Чарли.

– Тиарлах! – с удовольствием произнесла Флора.

Он выглядел таким бодрым и красивым, ему даже пришлось наклониться, чтобы войти в дверь. Флора заметила за его спиной кучку беспризорников в разношерстных красных и желтых одежках для сырой погоды, уже сильно поношенных.

– Вижу, ты снова собрал кучу малышей.

– И слава богу, – ответил Чарли. – На прошлой неделе у меня были юристы... только без обид!

– Да ты посмотри на меня! – сказала Флора, на которой был полосатый фартук.

– Нет, ты скажи, эти юристы что, все такие? Важные и скучные? – качая головой, спросил Чарли. – Они одержимы своим авторитетом?

Флора подумала о Джоэле.

– В основном да, – уныло согласилась она.

– Ладно, не важно, – потирая руки, решил Чарли. – Главное, что они оплачивают счета. Отлично! Мне нужен десяток сосисок в тесте, две буханки хлеба и целый фруктовый пирог.

Флора бросила на него внимательный взгляд:

– Ты серьезно?

– Я сегодня заставлю их здорово проголодаться.

– Да ты половину товара заберешь!

– А ты еще испеки. Я после обеда вернусь за лепешками.

– Ну, лепешку ты и дома можешь получить, – усмехнулась Флора.

– Спасибо, мэм.

Флора упаковала заказ, добавив к нему лишнюю пару сосисок, и тепло помахала рукой стоявшим за окном ребятам, некоторые осторожно махнули ей в ответ.

Флора улыбнулась себе под нос, зная, какой прекрасный день их ожидает, в особенности если погода не изменится.

Когда Чарли повернулся, собираясь уйти, Флору внезапно охватило некое особое чувство... Это были волнение, и радость, и ожидание чудесного дня, и странное изумление: ведь ее окружало то, что было создано ею самой. Но все это, напомнила себе Флора, не было ее настоящей работой, ее настоящей жизнью. А это значило, что в Лондоне ей придется жить совсем по-другому...

– Тиарлах! – окликнула она великана, когда тот уже наклонился в дверях. – Может, мы... ты не хотел бы как-нибудь выпить со мной?

Он оглянулся на нее с притворным ужасом, а ребяташки уже столпились возле него, смеясь и что-то крича. Чарли вскинул руки:

– Да перестаньте же!

– Ой, сэр, она в вас влюбилась! А она ваша подружка, сэр? А что скажет Джен, сэр?

– Эй, по одному, слышите? Так, вперед, вперед, в ту сторону!

Чарли погнал их к узкой дороге вдоль залива, но, прежде чем исчезнуть за поворотом, обернулся, с комичным видом кивнул Флоре и подмигнул.

Она все еще улыбалась, когда пошла в заднее помещение проверить Иону и Айлу, забрать то, что уже достали из печи. И тут как раз по дороге на работу в «Кухню» заглянула Лорна.

– О мой бог, только посмотрите на нее! Она управляет магазином!

– Перестань! – порозовела Флора.

– Да уж, звучит безумно, – сказала Лорна. – Но ты отлично выглядишь. Вроде как счастливее.

– Это потому, что люди на улице перестали фыркать за моей спиной, – пояснила Флора.

– Да они и не фыркали! Люди все забывают. А ты теперь здесь.

– Временно! – решительно заявила Флора. – Ну, не важно, а ты что хотела?

– Что у тебя есть со специями?

– Это для тебя?

Теперь порозовела Лорна.

– Мы с Сайфом время от времени устраиваем ланч, если у него все спокойно в хирургии.

– Вот как?

Флора принялась упаковывать пирог с телячьими потрохами.

– Просто по-дружески, – уточнила Лорна.

– Само собой, – кивнула Флора.

Лорна вздохнула:

– А что случилось с твоим обалденным юристом?

– Он вернулся в Лондон. И с тех пор я ни слова от него не получала и ничего о нем не слышала. – Она протянула пакет подруге.

– Боже, мы просто жуткие неудачницы! – заявила Лорна.

– Точно, настоящий отстой, – потирая глаза, согласилась Флора. – Я серьезно. У Айлы и Ионы есть дружки.

– На Муре мужчин в три раза больше, чем женщин! – возмущенно произнесла Лорна. – И почему нам так не везет? В особенности тебе, ты же русалка.

– Ой, помолчи, дитя горных долин!

– Но нам уж слишком не везет.

– По крайней мере, мы терпим неудачи вместе, – вздохнула Флора. –

Ой, я же хотела тебя спросить. Чарли...

– Мистер «Приключения на воздухе»?

– Да, что он собой представляет?

– Я его не знаю, – ответила Лорна. – Честно. Он ведь не местный.

– Да он родился за три острова отсюда!

– Вот именно. Абсолютный чужак.

– Ну, от тебя никакого прока!

– А что, он тебе нравится?

Флора повела плечом:

– Мне кажется... он привлекателен. А это значит, что я обречена на неудачу. Со мной всегда так.

Лорна расхохоталась и собралась уходить.

– Что ж, желаю очень удачного неудачного дня!

– И тебе того же, – откликнулась Флора. – Слушай, можем мы в ближайшее время встретиться и выпить много-много вина? А потом нас будет тошнить, но мы на это наплюем и выпьем еще!

– Да, с удовольствием! – пылко воскликнула Лорна.

По пути она энергично позвонила в колокольчик у входа, напугав Колтона, который как раз входил в лавку.

– Ну-ну! – с явным удовольствием сказал он. – Вы этого добились! Неплохо для акулы-юриста.

– Спасибо, – кивнула Флора.

– Вы им сказали о вечеринке?
– Вы намерены кормить людей, пока они не сдадутся?
– Издеваетесь? Вы посмотрите, какой денек выдался! Прекрасный! И – да, я намерен остановить огромных железных монстров, которые нападают на мой пейзаж. Да, собираюсь. А пока дайте-ка мне немножко сыра. – Он небрежно почесал свою бороду. – Да... э-э-э... твой брат...

Флора выжидающе посмотрела на него. Сегодня явно что-то назревало, это было неспроста.

– Что?

– Он... – Колтон снял очки, потом снова их надел.

– Да?

– Ну, в общем, я думал...

Даже миллиардеры, подумала Флора. Даже миллиардеры превращаются в подростков, когда им кто-то нравится. Прямо как в школе.

Колтон чуть-чуть порозовел, когда ворвалась Иона с подносом булочек с глазурью по рецепту Анни. Это потрясает, подумала Флора, – да, потрясает, когда видишь, как все то, что делала для них мать, снова оживает. И радуется. Ведь когда Анни умерла, казалось, что она оставила после себя огромную пустую дыру. Но теперь она вернулась. Флоре казалось сначала, что это будет грустно, но теперь она, как ни странно, никакой грусти не испытывала. Что угодно, только не грусть.

Флора снова сосредоточила внимание на Колтоне.

– Да? – с улыбкой повторила она.

Колтон огляделся вокруг, словно только теперь осознавая, где именно находится. И что бы он ни собирался сказать, момент миновал.

– Ну да... Не важно... Ты ему скажешь насчет поставок, ладно? В «Скалу». Он ведь может? Вы оба. Ну, то есть все вы... – Он широким жестом обвел магазинчик.

– О! – воскликнула Флора, которая такого не ожидала. – А как насчет вашего дорогого шеф-повара?

– Он... он остается. Но будет работать под началом Финтана. На Финтана!

– Вау! – улыбнулась Флора. – Уверена, Финтан очень удивится. Только если папа сможет его отпустить.

Колтон как будто хотел что-то сказать на этот счет, но тут вошла Мэгги Бьюкенен, безупречно одетая, с обычной своей рассеянной улыбкой.

– Привет, миссис...

– Бьюкенен, – прошипела Флора.

– Миссис Бьюкенен! Рад вас видеть! Нравится вам то, что мы тут

сделали?

Мэгги посмотрела по сторонам. И громко фыркнула:

– Не слишком поспешили. Просто стыд, что это место оставалось пустым. Надеюсь, вы и снаружи намерены все как следует покрасить?

– О да, мэм, – ответил Колтон. – Я Колтон Роджерс.

Миссис Бьюкенен ответила ему пустым взглядом, что было довольно дерзко, подумала Флора, учитывая, что миссис Бьюкенен прекрасно знала, кто он такой.

– Да, – кивнула она. – Приятно познакомиться.

– Я устраиваю прием в моем новом владении, «Скале», – ничуть не стусевавшись, продолжил Колтон. – И мне бы очень хотелось, чтобы вы пришли.

– В самом деле? – Мэгги повернулась к Флоре. – Четыре лепешки, пожалуйста, Флора. Без изюма.

Флора завернула лепешки и занялась кассой, а Мэгги, пожелав ей хорошего дня, развернулась и ушла, не добавив больше ни слова.

– Она меня ненавидит, – решил Колтон.

– Вам бы лучше устроить по-настоящему грандиозный прием, – посоветовала Флора.

К концу рабочего дня явились маляры.

Так оно и пошло. С самого открытия «Летнюю кухню на берегу» наполнял народ, с восьми утра и до того, как к четырем часам исчезал последний кусок пирога. Дни теперь для Флоры слились воедино.

Самым странным оказалось то, что если бы Флору спросили, что беспокоит ее сильнее всего – дела в магазине, на ферме или в Лондоне, – она бы лишь растерянно посмотрела на вас. Потому что все ее мысли были заняты тем, когда именно утром ей доставят рыбу, успеет ли она испечь пироги с рыбой и картошкой, не кончатся ли у них сливки и не окажется ли слишком кислым ежевичный джем...

Да к тому же ей нужно было еще организовать большой прием.

Они встретились в «Скале» прохладным, ясным июльским днем, когда на горизонте залегли обрывки облаков, словно ожидая, когда они понадобятся. Финтан удрал с фермы на весь день и, как всегда, откровенно радовался тому, что вырвался из ярма. Он даже двигался свободнее.

– Значит, сыр на дегустацию подадим на больших тарелках, – говорил он. – А ты должна снова испечь те овсяные лепешки, но, знаешь, может быть, ты добавишь к ним еще что-то? Скажем, немножко чили. И чуть-чуть сыра, чтобы они стали и вовсе неслыханными. Мы возьмем масло с фермы

и можем даже поставить на большие куски нашу печать. А потом, если управимся, можно прибавить что-то вроде фруктовых пирогов.

– Отличный план! – поддержала его Флора. – Наверняка все будет превосходно.

Они вместе отправились по дорожке к маленькому огороду.

– Ты только посмотри! У них тут и малина, и мята, и вообще куча всего! Бог мой, что тут можно сотворить! Глянь на все это!

Финтан выглядел таким счастливым, стоя среди аккуратных рядов душистых трав и овощей, словно наконец-то попал в родную стихию. Флора улыбнулась брату.

– А тебе, похоже, понравится работать с Колтоном, – сказала она, совершенно не думая о своих словах.

Финтан внезапно застыл:

– Ты это о чем?

Флора, вообще-то, надеялась, что это не будет так уж трудно. Да, конечно, Мур маленький островок, но на дворе ведь двадцать первый век... Геям разрешили жениться между собой, церковь, похоже, более или менее уступила... вот только их остров оставался традиционным. Но жестокостью он никогда не отличался.

Финтан избегал взгляда сестры.

– Ни о чем... Ну, похоже, вы с ним поладили.

– И что?

– Ничего.

Наступило неловкое молчание.

– Я со множеством людей в прекрасных отношениях, – сказал наконец Финтан.

– Само собой, – кивнула Флора. – Я это знаю.

– И я не из тех, кто спит со своим боссом.

– Я с ним не сплю!

– Но ты об этом думаешь.

– Это деловые отношения, так что заткнись, поганец! Я тебя и слушать не хочу!

– Думаешь, думаешь! Так что не читай мне нотаций.

– Перестань! Не хочу слышать!

– Да он тебя очаровал! И чему тут удивляться? Он потрясающий.

Тут они оба умолкли. Финтан выглядел так, словно его поймали на чем-то неподобающем.

– Ну да, – тихо согласилась Флора.

– О ком это вы? – раздался бодрый американский голос.

На Колтоне были джинсы, тяжелые ботинки и просторная трикотажная рубашка с капюшоном, что делало его похожим на слишком вытянувшегося подростка, – видимо, он как раз такого впечатления и хотел добиться.

Финтан отвернулся, но Колтон взял его за руку.

– Привет! – сказал он. – Рад вас видеть, ребята. Уверен, у нас будет ошеломительная вечеринка, все сразу в меня влюбятся и проголосуют за мое предложение.

– Мы им устроим, точно, – проворчал Финтан.

– Ну так вперед, нам самим лучше перекусить пораньше, учитывая, что мне сегодня нужно присмотреть за ста миллионами всяких мелочей.

Они расположились на солнце и съели холодноводных устриц с ржаным хлебом. Забавным было то, что в детстве Финтан и Флора совсем не любили этот темный, тяжелый хлеб, они начинали ныть и сердиться на мать, предпочитая ему белые липкие булки, которые продавались у Вулли и не черствели неделями. Теперь же, став взрослой, Флора оценила глубокий вкус ржаного хлеба, его аромат, пробуждающий воспоминания. И Агот называла его «вкусняска».

Конечно, Флора добавила к еде и немного масла «от Финтана», а к устрицам – чуть-чуть уксуса и свежего лимонного сока. Они сидели на резной скамье перед «Скалой», глядя на огромную северную пустоту или всматриваясь в маленький залив, занятый своими делами, – лодки не спеша входили в него и уходили в море.

– Боже, как мне здесь нравится! – внезапно сказал Колтон.

Он сидел очень близко к Финтану.

– Никаких телефонных звонков, никаких глупых совещаний и юристов... присутствующие, само собой, исключаются.

– Само собой, – согласилась Флора.

Колтон посмотрел на нее.

– Почему ты вообще уехала? – спросил он.

– А вы почему? – ответила вопросом Флора.

– Да я просто не знал об этом месте до сорока лет, а к этому времени уже имел международную компанию с офисами и служащими на четырех континентах. И вообще, я первый спросил.

Флора пожалала плечами и швырнула раковину устрицы в море. Та сочно плюхнулась в воду.

– Я хотела работать, – сказала Флора. – Хотела найти работу, не связанную с туристами.

– Таких занятий множество, – заметил Финтан.

– Да, если ты хочешь работать в «Харборс рест».

– Твоя подруга Лорна – учительница и всем довольна.
– Моя подруга-учительница Лорна не спит ночами, потому что на острове рождается недостаточно детей и школу могут просто закрыть.
– Это потому, что люди вроде тебя уезжают и вообще не имеют детей.
– Хочешь поговорить об отсутствии детишек?
– Эй, стоп, хватит ссориться, – остановил их Колтон. – Но разве теперь ты не хочешь вернуться? Теперь, когда ты уже здесь?
– Мне нравится работать на вас, – улыбнулась Флора. – Но мой дом в другом месте.

Она оглянулась. Целая толпа парней – студентов, снова приехавших с материка, – работала в отеле, готовя его к вечернему празднеству. Можно было надеяться, что получится настоящая сенсация.

– Ну-у... – протянула Флора. – Мне нужно убедиться, что все явятся вечером, и проверить своих девушек. – Она встала. – А бар готов?

– Конечно, – кивнул Колтон. – Все как надо, даже для шотландцев. У нас есть оркестр, волынки, танцоры...

– Постарались, – заметила Флора.

– Закрыли все щели, – усмехнулся Колтон. – Как и говорил твой босс.

– А он тоже приедет? – слишком быстро спросила Флора.

– О... не думаю. Голосование еще не скоро, не раньше чем через месяц.

– Да-да, я понимаю... – Она постаралась не выдать своего разочарования.

Флора отправляла Джоэлу отчеты, но никаких вестей из его офиса не было. Кай говорил, что если она ничего не получает, это значит, что все идет хорошо, но это не слишком утешало Флору.

– Финтан, ты можешь остаться здесь и присмотреть за всем? – спросила она.

Колтон посмотрел на Финтана с едва заметной улыбкой.

– Конечно, – согласился Финтан.

Флора посматривала в зеркало заднего вида на удалявшуюся «Скалу» и улыбнулась, увидев, как Финтан и Колтон склонили головы друг к другу. Отлично, отлично. И подумала, не заподозрил ли чего-то Иннес. Он должен был... Стоит ли ей об этом упоминать? Или нет, ни при каких обстоятельствах? Вопрос был сложным.

Выходя из лодки, она чуть не налетела на маленькую фигурку, стоявшую очень прямо, не опираясь на собственную трость.

– Миссис Кеннеди! – задохнулась Флора. – Простите, я вас не

заметила...

– Да ты никогда не обращала на меня особого внимания, – сурово откликнулась миссис Кеннеди.

Флора попыталась улыбнуться, но миссис Кеннеди это проигнорировала.

– Ладно, пойду, – сказала Флора.

– Итак, ты уедешь, – продолжила миссис Кеннеди, – оставишь нас без прикрытия.

– Миссис Кеннеди! Я ведь говорила вам, что должна двигаться дальше.

– И прямо перед началом сезона игр горцев!

– Но мне нужно учиться дальше и найти квартиру.

Как это глупо, думала Флора, что все на острове словно сговорились, чтобы заставить ее почувствовать себя четырнадцатилетним подростком.

– Ну и сейчас-то я здесь, – сказала она, вспомнив, что миссис Кеннеди – член совета острова. – И если я могу что-то сделать для вас...

Миссис Кеннеди бросила на нее острый, пронизательный взгляд:

– Пожалуй, действительно можешь.

Глава 31

Марго прищурилась:

– Но есть же еще дело Юсоффа, оно требует вашего внимания. Вы ведь не собираетесь в самом деле туда вернуться? Мне казалось, там все уже под контролем.

– Колтон Роджерс может стать заметной частью нашего дела. И я хочу убедиться, что он всем доволен.

– В том забытом богом местечке? Удивительно! А вам необходимо подготовить процесс в Нью-Йорке.

Джоэл заглянул в свой календарь:

– Я могу сделать это по дороге, в самолете. Я просто чувствую, что должен там быть. Он сегодня звонил.

Действительно, Роджерс настаивал, чтобы Джоэл приехал. Но было еще что-то такое, чему Джоэл не мог дать определение. Что-то на том острове... Джоэл не знал, что это, но с тех пор, как он оттуда вернулся, спешка и напряжение работы уже не так его волновали. На Лондон обрушилась новая волна жары, все вокруг казалось мокрым, отсыревшим, заторможенным, все вызывало сонливость. Но когда Джоэл думал о том большом белом пляже, тянувшемся без конца, о свежести воздуха, полном отсутствии людей и огромной пустоте... это казалось почти сном. Но сном бодрящим.

– Роджерс был очень настойчив.

– Я закажу билет, – снова прищурилась Марго.

– И еще мне нужен магазин летних товаров.

– Что вы имеете в виду?

– Наверное, то место, где продают все для прогулок под открытым небом.

Единственным личным делом, которым Марго занималась для своего босса, был весьма невежливый ответ на звонки от разных девиц. А это было нечто новое.

– Какого рода прогулки?

– Не знаю! Ладно, все в порядке. Идите. И закройте дверь.

Марго навсегда хорошо усвоила, когда следует быстро исчезнуть, именно поэтому она так долго служила у Джоэла, менявшего служащих со скоростью света. Как правило, это происходило потому, что он был не в состоянии удержаться от того, чтобы не переспать с самыми

хорошенькими, которые потом ужасно переживали. И терпеть не мог слишком старых. Но Марго всегда была бодрой и невозмутимой, что делало ее более или менее идеальной для такой работы. Каждый раз, когда Джоэл вел себя с ней слишком грубо, она просила повысить ей жалованье, что он и делал без возражений.

Марго взялась за телефон, чтобы позвонить в аэропорт.

– Что ж, значит, решено, – заявила миссис Кеннеди.

– Ох, миссис Кеннеди... честно! Что угодно, только не это! Я не танцевала уже много лет.

– Так решено?

Чарли увидел ее с другой стороны улицы и поспешил подойти, чтобы поздороваться.

– Ты еще можешь влезть в свой костюм? – поинтересовалась миссис Кеннеди.

Флора возвела глаза к небу.

– Да! – ядовитым тоном ответила она.

– Ну вот, значит, решено, – повторила миссис Кеннеди.

– Нет, не думаю, – возразила Флора.

– Что решено? – спросил Чарли. – Флора, мне нужны все твои излишки.

– Сегодня ничего нет. Все отправлено на банкет.

– Ох да...

– Флора будет там танцевать, – сообщила миссис Кеннеди.

– В самом деле? – удивился Чарли.

– Нет-нет! – ответила Флора. – Я давно не тренировалась.

– Представим всем танец мечей и «Шона Трибса»^[3].

– С оркестром? – спросил Чарли.

– Ну да.

– Будет отлично!

– Тиарлах, от тебя никакой пользы!

Чарли усмехнулся себе под нос.

– Что? – спросила Флора.

– Да ты, наверное, не помнишь... Я так и думал, что видел раньше, как ты танцуешь.

Флора, прищурившись, уставилась на него:

– Это вряд ли.

– Мы тогда приезжали из Бьюта. Был гэльский фестиваль островов.

Флора задумалась. Этот фестиваль был праздником традиционной

музыки горцев и островитян. А еще прекрасной возможностью для подростков сбежать от родителей и похулиганить.

– Я так и знал, что уже где-то тебя видел. – В синих глазах Чарли вспыхнуло веселье.

– А ты что делал? – спросила Флора.

– Ну, я просто был одним из волынщиков.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Да, понимаю.

– Я не желаю видеть те фотографии, – внезапно заявила Флора. – Меня тогда жутко нарумянили.

– А я тогда был куда более волосатым, – заметил Чарли. Потом немного помолчал. – Ты очень хорошо танцевала, – проговорил он наконец.

– Не так уж и хорошо! – возразила миссис Кеннеди.

– Да я тебя вспомнил, – продолжал Чарли. – У тебя волосы были распущены.

– Я их постоянно распускаю.

– И они были самыми светлыми из всех, какие я видел.

– Тебе просто кажется, что ты вспомнил.

– Увидимся в шесть, – сообщила миссис Кеннеди.

– Что? – Флора тревожно посмотрела на часы. – Но я должна все объяснить девушкам.

– Они тоже танцуют, – самодовольно заявила миссис Кеннеди. – Тебе надо только убедиться, что они делают все как надо...

– О, черт побери!..

– ...если хочешь, чтобы я пришла на вечеринку к мистеру Роджерсу и чтобы у меня сложилось хорошее мнение о нем, – завершила миссис Кеннеди.

– Я тоже там буду! – засмеялся Чарли.

– Настоящий шантаж! – возмутилась Флора, провожая взглядом уходившую миссис Кеннеди.

Чарли огляделся вокруг. К ним решительным шагом направлялась Джен.

– Ладно, меня ждут дела, – сказал он, махнул рукой и пошел прочь.

Джен тут же принялась объяснять ему что-то.

– Что ж, увидимся позже, – пробормотала ему вслед Флора.

Глава 32

Остаток дня стал самым настоящим безумием. Все пекли и пекли, пока окна «Летней кухни на берегу» не запотели полностью и окончательно. Вся деревня шныряла мимо, потому что люди знали: все это как-то связано с Флорой. Они хотели знать, что следует надеть, и кто еще туда идет, и не будут ли они там выглядеть странно. Едва ли нашелся бы дом, куда не пришло приглашение.

Финтан нервничал и постоянно звонил куда-то, связываясь с профессиональными поставщиками продуктов и напитков. Но насколько могла видеть Флора, он справлялся со всем блестяще.

«Летняя кухня на берегу» тем временем продолжала работу, выдавая пирог за пирогом и груды овсяных лепешек. Иннес перевозил в «Скалу» полные фургоны продуктов. Все раскраснелись и основательно вспотели, но, похоже, должны были успеть вовремя. Корзинки малины, пакеты последней летней замороженной ежевики и плюс к тому прекрасная морошка, что росла на мысу острова, – сильный, невероятно свежий аромат этих ягод пропитал всю кухню. Агот, которую Иннес оставил здесь после того, как она ушиблась в фургоне, теперь представляла собой немалую угрозу, потому что носилась по кухне и категорически отказывалась поспать после обеда, что, конечно, сулило вечерние неприятности.

Ее не смог успокоить даже большой кусок поджаренного сыра, девочка осмотрела его и заявила, что, вообще-то, ей хочется пирога.

Флора украшала каждый пирог с особой тщательностью, выкладывая на него фигурки из разрезанных ягод и листьев и даже маленький флаг Мура. По радио зазвучала песня Карин Полварт «Harder to Walk These Days Than Run», хорошо знакомая всем. Флора и Агот вместе громко подпевали и даже пританцовывали, и обе хихикали, просеивая муку. И вот тут, абсолютно неожиданно, появился Джоэл с дорожной сумкой.

Флора уронила сито.

– Ой! – выдохнула она, когда в дверном проеме возник Джоэл.

В его присутствии все радостное волнение последних недель почему-то показалось совершенно неуместным. Флора не была уверена, что Джоэл хотел от нее именно этого, что бы там ни говорил Колтон.

Но боже... сейчас, освещенный со спины, он выглядел таким красивым! А Флоре ведь казалось, что она уже начинает забывать его. Похоже, она ошибалась. Хотя, безусловно, Джоэл, в прекрасном

лондонском костюме и с телефоном в руке, совсем не вписывался в обстановку.

Флора вдруг поняла, что нос у нее испачкан мукой, и поспешила смахнуть ее. Джоэл все еще не произнес ни слова. Рассердился ли он? Не следовало ли Флоре больше заниматься документами и отчетами? Но ведь ее задачей было переманить весь остров на их сторону, разве не так? Именно это она и пыталась сделать.

Джоэл был ошеломлен до глубины души, увидев родню Флоры. Теперь его потрясло то, что он видел сейчас перед собой. Это было самым странным, что только можно было вообразить. Он никогда не знал ничего подобного, никогда не думал о настоящей семье... Но если бы он ее имел... Нет, это было уж слишком странно.

Смеющаяся девушка со светлыми волосами, крохотная девчушка, похожая на миниатюрную колдунью, сразу помчавшаяся к нему. На спину малышки падали такие же странные белые волосы, и она, улыбаясь во весь рот, кричала: «Дзоел!»

Музыка, движение, смеющиеся женщины, сладкий аромат в воздухе и теплый свет...

Джоэл словно шагнул в нечто такое, по чему тосковал, хотя не только никогда не видывал, но даже мимо не проходил. Ощущение оказалось совершенно незнакомым. С самых юных лет Джоэл понял, что если он чего-то хочет, то должен просто взять это, потому что мало кого интересовало, что и как он делает. Но это... это ему не принадлежало. Джоэл даже представить не мог, что такое вдруг стало возможным. Купить то, чем они здесь обладали, было ему не по карману...

Он наконец опомнился.

– Прошу прощения, – произнесла Флора, направляясь к Джоэлу, озабоченная его суровым видом.

Агот тем временем вцепилась в его ногу и явно не собиралась ее отпускать. Везде были мука и соль...

– Не уверена, что ваш костюм подходит для Мура.

Джоэл не стал упоминать о сумке, битком набитой новехонькой спортивной и загородной одеждой, закупленной для него Марго. Он просто смотрел на всех и чувствовал, что было бы чрезвычайно глупо переодеться во что-то такое, чтобы прикинуться тем, кем он не был.

– Да... – пробормотал он. – Но, боюсь, я просто не умею одеваться по-другому.

Флора подумала, что костюмы были его доспехами. Но почему? Она и

сама не знала.

Джоэл вошел в комнату. Здесь все устроили так, чтобы создать домашнюю атмосферу, с маленькими столиками под аккуратными скатертями. Но этим вечером все поверхности были заняты выпечкой.

– Пахнет вкусно.

– Я что-то еще должна делать? – спросила Флора с легкой дрожью в голосе.

– Нет, – улыбнулся Джоэл. – Не думаю, чтобы кто-то мог с большей пользой провести оплаченные часы. Можно мне попробовать?

– Возьми пилог! – громогласно заявила Агот, протягивая ему измятый кусок теста, который сжимала в маленькой ладошке и который уже оставил след на его брюках.

– О! – откликнулся Джоэл. – А знаешь, я передумал.

Агот и Флора посмотрели на него. У обеих было до смешного одинаковое выражение лица.

– Впрочем... Спасибо.

Подошел сонный Брамбл – чтобы обнюхать Джоэла, а заодно оставить на его брюках немножко шерсти.

– Но вы же переоденетесь к вечеру? – бодрым тоном спросила Флора, страдая оттого, что слишком покраснелась и вспотела, а еще не помыла волосы.

– Надену костюм, – кивнул Джоэл.

Флора уставилась на него, вскинув брови:

– Не килт?

– О нет! – воскликнул Джоэл. – Определенно нет.

– Но это нечто вроде традиции.

– Да, конечно, как и баловство героини. Но я и этого не делаю.

– Джоэл! – сердито воскликнула Флора.

– Сто такое гевоин? – спросила Агот.

– Виноват, – смутился Джоэл. – Если честно, я... мне как-то не по себе.

– Такое впервые, – заметила Флора.

– Думаю, это не для меня, – покачал головой Джоэл. – А Колтон наряжается?

– Это не наряд, – возразила Флора. – Это просто одежда, которую вы носите. И – да, конечно, он переоденется. Прямо скажем, Колтон... заходит уж слишком далеко.

– Что вы имеете в виду?

– Не важно.

– Нет, серьезно. Я хочу доставить удовольствие клиенту.

- Тогда вам лучше найти для себя килт.
- И как мне это сделать? – вздохнул Джоэл.
- У кого-нибудь из братьев найдется, может быть.
- В самом деле? Лишний?
- Да, Финтан всю ночь будет на кухне. Не думаю, что он наденет свой.
- Значит, он останется в брюках, как нормальный человек?
- О нет, он тоже наденет килт. Но повседневный, не выходной.
- О боже... – вздохнул Джоэл. – Не думаю, Флора, что я...
- Ладно.
- А вообще... Что вы задумали на этот вечер?

Флора посмотрела на пироги:

- Ну вот... вот это.
- Да, но кроме этого. Что должен делать я?
- Просто будьте очаровательны, а если речь пойдет о ветряках, упомяните о том, что их лучше бы поставить подальше. Постарайтесь обаять миссис Бьюкенен, если сумеете, – она жесткая, как старый ботинок. Можете поговорить с моим отцом. Ну и... с преподобным Андерссеном – он из старой семьи викингов. Только не позволяйте этому толстяку втягивать вас в пустую болтовню.

– А то, что я имею отношение к вторгающимся на остров силам, хорошо или нет?

– В Америке такое сошло бы, – заметила Флора, доставая из печи противень с булочками и отправляя на его место новый.

Джоэл улыбнулся:

– Значит, здесь, в Скандинавии^[4], наш клиент не станет возражать, если я надену килт?

Флора покосилась на него:

– Ну, попробуйте, и посмотрим, как оно выйдет.

– Бог мой... – Джоэл уже начал сожалеть о том, что решил вдруг приехать сюда.

– Могло быть и хуже, – сказала Флора. – Подождите, пока не увидите, что придется надеть мне.

– Ладно, я подумаю. – Он как будто хотел задержаться еще немного, но все же повернулся к двери. – Да, лучше обсудить это с Колтоном.

– Только не говорите, что я упоминала о его одежде, – предупредила Флора.

Колтон показывал ей, что намерен надеть, и Флора постаралась выразить одобрение.

Но Джоэл лишь коротко кивнул и ушел.

– Он глухой, – пронзительно заметила Агот.

Флора удивленно посмотрела на девочку:

– Что значит «грухой»?

– Не знаю! – ответила Агот, уже потеряв интерес к Джоэлу. – Иссе пилога!

Глава 33

Ну, в общем, сидит неплохо, – с сомнением произнесла миссис Кеннеди.

Флора не была в этом уверена. Но все остальное уже было готово. Привезли огромные бидоны со взбитыми сливками вечернего удоя. Потом эти желтые пенистые сливки перелили в широкие керамические миски, чтобы подать вместе с пирогами, которые должны были нарезать и поставить на стол позже, – этим занимались местные хихикающие девушки, нанятые отелем. Флора не видела Финтана и предположила, что он где-то за кухней, с поставщиками. Денег на все явно не жалели. Увидев рыбака Келвина и его парней, привезших огромное количество местных лангустинов, Флора удивленно вскинула брови.

– Да-да, понимаю, – сказал Келвин. – Жаль, что он не сказал нам раньше. У него вообще сколько денег?

– Думаю, у него все деньги мира, – ответила Флора.

Она вернулась домой, чтобы быстро принять душ, потом снова отправилась в «Скалу», где множество народа продолжало заниматься подготовкой. Она прошла в комнату, предназначенную для выступающих, и осмотрела свой старый танцевальный наряд. Флора заранее вычистила килт, постирала блузку, корсет и чулки. Туфли ей пришлось позаимствовать, ее собственные были такими поношенными, что грозили развалиться. Танцевальные туфли служат недолго.

Флоре всегда нравился этот светло-зеленый тартан. Большинство девушек предпочитали яркие цвета, в которых их сразу замечали: насыщенные синие, красные и пурпурные, привлекавшие взгляды, когда девушки кружились вместе. Но этот бледно-зеленый цвет с лифом оттенка лесной листвы подчеркивал светлые глаза Флоры, не давая им совсем исчезнуть.

– Ты тренировалась? – спросила миссис Кеннеди.

По правде говоря, Флора несколько раз репетировала – тайком, на тот случай, если братья начнут ее дразнить. Она не могла подпрыгивать так высоко, как прежде, но, как только зазвучала музыка, память мышц вернулась, и Флора сразу вспомнила все па.

Явились Иона и Айла, засмеялись, увидев Флору, – они ведь считали ее весьма светской, раз уж та жила в Лондоне, – но теперь Флора была в настоящем шотландском наряде!

– А Лондон вообще какой? – робко спросила Айла, когда они все зашнуровывали туфли. – Там ведь шумно, и там полно грабителей, и все такое?

– Да, – подтвердила Флора. – Но все равно он... прекрасен!

На самом деле она вдруг обнаружила, что из такой дали ей трудно припомнить, каков на самом деле Лондон, – точно так же трудно бывает вспомнить ощущение сильного холода, когда жарко, и наоборот. Ее ум словно стирал все то, что не относилось к простым переживаниям жизни на острове.

– Там очень много баров и разных мест, куда можно пойти, много чем можно заняться, а дома тянутся и тянутся без конца. Люди съезжаются туда со всего мира, и не только на лето, как сюда, а насовсем. Из Албании и Западной Африки, из Португалии и из таких мест, о которых вы даже не слышали.

– А ты видела каких-нибудь знаменитостей?

Флора усмехнулась:

– Я видела на улице Грэма Нортона. Это считается?

Девушки подумали и решили, что считается.

– А вы снова уедете, когда лето кончится? – спросила Флора.

Обе они пожали плечами. А что еще им оставалось? Большинству придется отправиться в Инвернесс, Обан, Абердин, Глазго или еще дальше. Хотя на остров и приезжало достаточно людей, все они были чужаками: английские чудаки, считавшие, что здесь смогут обрести новую, чистую жизнь, – это заставляло местных делать большие глаза, – или канадцы в поисках своих корней, или просто пенсионеры. Все эти люди не могли влить в местную общину свежую кровь. Как и эти девушки с их цветущей кожей и горящими глазами, они рвались в неведомые дали...

Однако сейчас все они находились в одной из задних комнат «Скалы» – где, как полагала Флора, со временем начнут проводить разные торжества или свадьбы. Комната была прекрасна. На стенах, оклеенных светлыми клетчатыми обоями, висели картины, написанные маслом, в большом камине горел огонь, везде стояли удобные диваны и кушетки. Это создавало впечатление роскоши и покоя, но за огромными пейзажными окнами открывалась невероятная пустота, только вдали, за скалами, носились чайки, то нырявшие к воде, то парившие в лучах бесконечного света.

Но девушки предпочли столпиться у дверей, наблюдая за прибывавшими гостями. Время подходило к семи часам.

Мур, затихший к тому моменту, когда все собрались на торжество,

представлял собой удивительное зрелище. Женщины, привыкшие круглый год ходить в резиновых сапогах или – во время безжалостной зимы – в подбитых мехом ботинках, достали светлые платья и невероятных расцветок туфли на высоком каблуке. К счастью, дождь взял передышку. Солнца не было видно, но небо окрасилось в голубые, белые и серые тона, наступил один из тех вечеров, когда небосвод сливается с морем, а море сливается с сушей и увидеть границы между ними невозможно.

У входа снова зажгли жаровни, а Берти получил подкрепление: наняли лодку куда как больших размеров, чтобы возить людей к «Скале» и обратно. На берег высаживались раскрасневшиеся компании, кое-кто явно уже освежился в предвкушении торжества. Гостей приветствовали волынки, игравшие традиционные мелодии. Девушки-танцовщицы таранились на местных парней, выходивших из лодки.

– Ой, посмотрите, это же Рорих Маклеод! – воскликнула Иона.

Все девушки печально засмеялись, когда красивый светловолосый парень поднялся по ступеням причала, болтая с приятелями и будто не замечая матери, хотя она добралась сюда в той же самой лодке и теперь поправляла волосы.

И снова Флора погрузилась, заметив, что остальные девушки щеголяют роскошными узлами волос – явно накладных.

Ей нравилось слышать смех, но он также заставлял ее морщиться. Стоит только вспомнить девичьи разочарования... и самой тоже мучиться чем-то подобным.

Ладно. Не по возрасту ей это.

Флора огляделась в поисках Джоэла, но он еще не приехал. После танцев Флоре предстояло переодеться. Она привезла с собой лучшее из своих платьев, чтобы надеть его потом, избавившись от глупого килта. Флора попыталась представить Джоэла в килте. Если он его наденет, конечно. Да... это будет то еще зрелище!

В комнату ворвалась Лорна. В темно-зеленом платье, подчеркивавшем ее чудесные золотые волосы, она выглядела потрясающе.

– Черт побери! – сказала Флора. – Как все это раздражает! Ты что, не могла тоже одеться, как подросток?

– На тебе чулки?!

– Прекрати!

Лорна схватила бокал шампанского и многозначительно вскинула брови.

– Нет, не могу, – отказалась Флора. – Я тогда свалюсь со сцены и заявлю всем, чтобы они не голосовали за Колтона.

– Но тебе ведь хорошо, по-настоящему хорошо платят? – спросила Лорна.

– Я начинаю думать, что этого недостаточно.

– У тебя волосы рассыпаются.

– Знаю-знаю, отстань!

Внезапно появился Колтон, радостно приветствовавший каждого нового гостя и представлявшийся им.

Потом он ощутил взгляд Флоры, широко улыбнулся и подошел к ней.

– Вы только посмотрите! – восхищенно произнес он. – Вот это то, что я называю выходом за пределы юридических отношений!

– Ой, не начинайте! – отозвалась Флора.

Все это действительно совершенно не походило на искусственную лондонскую особу, которую Флоре нравилось изображать. Но она знала, что сейчас она ближе к своей истинной сути.

– Нет, я серьезно! Ты потрясающе выглядишь!

– Это точно, – согласилась Лорна. Она чмокнула Флору в щеку и исчезла в толпе.

Флора вытянула ногу:

– Надеюсь, я не слишком заржавела.

– Тебе надо выпить глоточек перед началом. А уж потом можно будет добавить как следует.

– Миссис Кеннеди меня убьет, – улыбнулась Флора. – Просто убьет на месте.

– Ну, это ведь мой дом! – засмеялся Колтон. – Я бы проклял себя, если бы не проявил традиционного гостеприимства.

Флора чуть отступила назад, чтобы как следует рассмотреть наряд Колтона. И чуть не взорвалась смехом, но сумела все же вовремя сдержаться.

– Что?

– Ничего, – ответила она.

Колтон сощурился, и Флора постаралась напомнить себе, что он остается еще очень богатым клиентом.

– Тебе не нравится?

Колтон был при всех регалиях вождя клана, а именно: на нем был парадный килт горцев в яркую красно-зеленую клетку с длинной двубортной курткой, огромный волосатый спорран, здоровенный кинжал, засунутый в кремовый чулок, клетчатый жилет с вышивкой, галстук-бабочка, клетчатый шарф через плечо, а на коротко остриженной голове торчал берет с тремя перьями шотландской куропатки.

– Это клан Роджерсов?

– Моя мать была шотландкой, как и ты, – пояснил Колтон. – Ее фамилия – Фринк.

Флора несколько раз моргнула, чтобы взять себя в руки.

– Что ж, – проговорила она, – вы отлично выглядите.

– Спасибо, – просиял Колтон.

Волынки заиграли медленнее, когда к ним присоединились скрипки, музыка мягко вплелась в сумерки. Появилась миссис Кеннеди и громко кашлянула.

– Это сигнал для вас? – спросил Колтон.

– Похоже на то, – согласилась Флора.

– А где твой брат?

– За домом, помогает все наладить. Он очень волнуется.

Колтон снова улыбнулся:

– Думаю, он прекрасно со всем справится, тебе не кажется?

Флора кивнула:

– Вряд ли Финтан годится для фермерского дела.

– Согласен, – ответил Колтон.

За главным домом, на лужайке, спускавшейся к морю, соорудили небольшую эстраду, окруженную дополнительными жаровнями. Может, это и к лучшему, подумала Флора, а может, и наоборот. Она видела такие сцены, которые ставили на время свадебных торжеств в случае хорошей погоды.

А вокруг помоста собрался, как показалось Флоре, весь Мур. Старые учителя, старые друзья, оставшиеся здесь, старые друзья, уехавшие, но сейчас тут гостившие. Мясник, начальница почты, молочник, парни из фермерского клуба, старики – любители игры в кегли... А еще комитет Норвежского фестиваля и вязальщицы с Шетландских островов, Флора всех их узнала. Даже тех, с кем не была знакома, она то и дело видела там и тут, видела эти светлые зеленые глаза, такие же, как у нее самой. И все смотрели на нее, болтали о том, что она уехала с острова.

Но одного лица здесь не было, хотя и его Флора видела. Флоре вдруг показалось, что она вот-вот заплачет. Что просто сломается и не сможет танцевать. Ее мать никогда не пропускала выступлений дочери, даже в тех случаях, когда приходилось оставлять мальчиков одних, как только теперь осознала Флора. Оставляла Финтана заниматься, чем ему вздумается... кто знает, чем именно? Может, старшие заставляли его играть в то, что ему не нравилось?

Флора ощутила укол вины, за которым последовала вспышка печали... Ох, видит бог, ей так не хватало матери! Даже притом, что в школьном возрасте Флоре все эти танцы казались глупыми, нелепыми и совершенно бессмысленными, она всегда знала, что матери это доставляет огромное удовольствие, и потому старалась, побеждала в соревнованиях, получала в награду атласные розочки и чашки, на которые потом даже не смотрела, предоставляя им собирать пыль в своей спальне.

Флора подавила слезы.

– Ты в порядке?

Она оглянулась и увидела рядом с собой Чарли.

Одет он был очень просто – свободная рубашка с кожаной отделкой, поблекший охотничий тартан вместо парадного. Он выглядел как человек, рожденный для того, чтобы носить именно такую одежду, – но он ведь как раз таким и был.

– О да, все хорошо, – ответила Флора. – Привет.

– Вид у тебя встревоженный.

Флора нахмурилась:

– Ты всегда говоришь что-то такое, чтобы взбодрить людей?

– Вообще-то, нет... – слегка смутился Чарли.

– Извини, – быстро вытирая глаза, сказала Флора. – Я просто... задумалась.

– Ну и ладно. – Чарли помолчал. – Тоскуешь по матери?

Флора уставилась на него, пораженная мягкой добротой его слов, но тут волынки заиграли «The Bonnie Wife of Fairlie», и Флору подхватил поток людей.

Флора вдруг поняла, что за годы учебы, а потом службы в похожем на улей офисе совершенно забыла, как много она потеряла. Забыла, как на самом деле любила танцевать, в особенности под живую музыку, вливавшуюся в нее через все поры кожи. Флора полностью отдалась ей, затерялась в сложных движениях танца мечей, когда все подпрыгивали и синхронно выбрасывали вперед ноги. Ее волосы, как обычно, вывалились из узла, они сияли в свете факелов и костров. Толпа зрителей аплодировала и свистела, девушки двигались все быстрее и быстрее, музыка наращивала темп, а языки пламени взлетали все выше...

Джоэл, пришедший позже всех, выглядел совершенно неуместным в этой толпе, когда остановился у освещенного входа в сад.

Флора повернула голову в его сторону, хотя и не смотрела на него, на ее светлой коже играли отблески огня, свет падал и на радостные лица зрителей... и Флора тут же забыла о Джоэле. А он, увидев ее на сцене с

развевающимися волосами, поймал себя на чем-то... ну да, он осознал это ощущение. И крепко выругался.

Выругался, потому что не понимал, как мог до сих пор не замечать эту чарующую девушку, это иностранное существо... В нем тут же вспыхнуло раздражение, потому что он сообразил, в чем дело... и он сердито сжал кулаки.

Джоэл не хотел... Ладно. Для начала, она даже отдаленно не походила на его тип женщин. Его женщины вряд ли могли носить килты и танцевать в ночи, которая не была на самом деле ночью, на острове, совершенно непохожем на любое из мест, где он бывал прежде. На этом острове, походившем скорее на сон, чем на реальность, со всеми его скалами, и птицами, и бескрайним морем, и нестареющими людьми, смотревшими на вас из глубин мудрости, в которую они росли корнями и которая была их вечным пристанищем.

Все это было не для него. Джоэл хотел совсем не этого. Он не мог рискнуть всем. Всем, за что так упорно сражался, он не мог потерять все те латы, которые так старательно создал для себя.

Музыка все ускорялась и ускорялась, аплодисменты звучали все громче...

Джоэл был не из тех, кто склонен к самоанализу. Он не видел в нем никакой пользы для себя. И теперь тоже не хотел им заниматься. Ради самозащиты. Он умудрялся избегать этого три десятка лет. Джоэл подумал о том, что мог бы сказать доктор Филиппосис: «Это скорее для жизни, чем для работы».

Джоэл мог бы насчитать множество знакомых – в основном мужчин, – которые жили так же, как он, они женились, но их семьи были несчастны и одиноки, пока они с головой погружались в работу.

Джоэл нуждался в том же. Работа его спасала. А семья и личные отношения спасти не могли. Не при его жизненном опыте.

Он пообещал себе найти какую-нибудь смазливую барменшу, кого-нибудь или что-нибудь, что могло его отвлечь.

Джоэл снова посмотрел на эстраду, как раз в тот момент, когда Флора, кружась, вдруг заметила его – в первый раз, и порозовела, поймав его взгляд. А он, совершенно того не заметив, широко улыбнулся и впервые, наверное, за всю жизнь понял, что полностью утратил свою невозмутимость.

Джоэл и припомнить не мог, когда в последний раз говорил по телефону, договаривался с клиентом, назначал встречу, болтал с сексуальной девицей в каком-нибудь баре не только для того, чтобы

доказать себе, что он это может, или выбивался из сил, участвуя в троеборье...

Но теперь он был здесь и ничего такого не делал. Он просто стоял, глядя на танцующих девушек, на самой северной оконечности мира. И чувствовал себя как во сне. Джоэл попал в какой-то другой мир, никак не связанный с тем, что был ему знаком. И прошлое, о котором он никогда не задумывался, фрагментарно возвращалось к нему: он легко, без усилий превращается из забитого малыша в превосходящего всех старшеклассника, завоевывает все награды и стипендии, набираясь знаний во всех областях, к чему его побуждали и профессия, и городская жизнь.

По мере того как он становился старше и крепче, яростные занятия спортом превращали его тело в нечто такое, перед чем женщины не могли устоять, а денег становилось все больше... Он нанял человека, чтобы тот подыскал ему квартиру в Нью-Йорке и обставил ее, а сам отправлялся то в Нью-Йорк, то в Гонконг, потом в Лондон, но нигде не задерживался слишком долго, лишь делал там новые деньги и позволял женщинам появляться и – в идеале – быстро исчезать.

А они могли кричать, ругаться, плакать и твердить ему, что он бессердечен, бездушен, пуст, выкладывали ему все то, что люди обычно думают об адвокатах, и от этого он лишь глубже уходил в работу.

И все равно... сейчас он был здесь, посреди... в общем, черт знает где! И перед ним была девушка, кружившаяся в танце среди мигающих огней, а он не в силах был оторвать от нее глаз. Джоэл вдруг заметил, что продолжает улыбаться... но не улыбкой адвоката, не улыбкой «давай мне побольше денег» и не улыбкой флирта с прославленной манекенщицей...

Эту улыбку он просто не в состоянии был удержать, а девушка ловила его взгляд, даже кружась в паутине других танцующих. Каждая из девушек двигалась с такой скоростью, что непонятно было, как они не налетают друг на друга под ускоряющуюся мелодию, такую странную для слуха Джоэла, – практически все они сливались в подпрыгивающую смеющуюся массу. Джоэл на миг закрыл глаза и потер переносицу, потому что с ним происходило что-то непонятное. Он не знал, что это такое, и это пугало его сильнее, чем что-либо другое в жизни.

Глава 34

Флора была искренне удивлена бурей аплодисментов, которыми приветствовали танцевальную группу миссис Кеннеди, и раскланялась вместе со всеми. Аплодисменты накатывали волной, и, когда Флора окинула взглядом лица зрителей, она не увидела ни осуждения, ни враждебности – ничего того, что замечала прежде.

Ну да, теперь они выглядели как самые обычные лица. Домашние. Флора знала этих людей, знала всегда. И ее это тронуло. Девушки взяли за руки и еще раз поклонились. А потом оркестр заиграл музыку, принятую на вечеринках с танцами, а Флора убежала, чтобы переодеться. Она улыбнулась, когда увидела Джоэла, поняв, что он так и не решился надеть килт. На нем был деловой костюм, только немного темнее обычного, похоже, это был предел того, на что Джоэл был способен. И это было неким посланием. Знаком для нее, напоминанием, что он стоит немного в стороне.

Еще Флора обнаружила, что у Джоэла прекрасная улыбка, – она видела ее впервые.

По пути к комнате танцовщиц Флоре встретился Чарли.

– Это... это было чудесно! – заметно краснея, заявил он.

– Спасибо, Тиарлах, – откликнулась Флора.

Ей было весело, хотелось смеяться, как будто она уже глотнула припасенного Колтоном виски.

– Потанцуешь потом со мной?

– Может быть.

Флора искрилась радостью и весельем. Еще веселее ей стало, когда она заметила в толпе отца. Флора и не думала, что Эк придет, она велела братьям не настаивать, но кто знает, послушались они ее или нет? А отец ведь вообще не выходил никуда, Флора не помнила, когда она в последний раз видела его за пределами фермы.

Само собой, она приглашала его к себе в Лондон, но втайне чувствовала облегчение каждый раз, когда отец отвечал отказом, говорил, что не может оставить ферму.

Но почему Эк стал таким маленьким? Флора помнила, как он быстрым шагом ходил по полям, огромный, сопровождаемый целой стаей собак. Флора, сидя за домашним заданием, видела его за много миль, когда поднимала голову над книгами, она наблюдала за тем, как по холмам скользят тени, мчатся, догоняя друг друга, облака, резвясь, точно

апрельские ягнята на каменистых лугах под ними...

А теперь Флора как будто возвышалась над ним, видела, что ему пора подстричь волосы... У него еще оставались седые волосы за ушами, тоже волосатыми. Отец надел старый килт, темно-красные клетки которого давно поблекли, – это были цвета клана Линдсей, клана его матери, она родилась на материке, но перебралась сюда из Аргайлшира, чтобы выйти замуж за его отца, когда тот вернулся с войны, – дед Флоры служил на кораблях в Северной Атлантике. Эк никогда и не думал о том, чтобы купить новый килт, он надевал его на все свадьбы, на каждый шотландский Новый год, на каждый фестиваль викингов и на каждый Самайн, кельтский Новый год.

Щеки Эка были красными, от многих лет пребывания на ветрах под кожей полопались сосуды, он уже был в таком возрасте, о котором старожилы Мура говорили: «Ему уже не выпрямиться». Но Эк держался прямо, впервые с тех пор, как Флора вернулась, и, похоже, обрадовался, увидев дочь.

– Ох, девица! – с чувством воскликнул он.

И Флора обняла отца, уткнувшись носом в старую колючую ткань.

– Ну, не могу сказать... не могу сказать, будто мне нравится то, что тут происходит, вся эта суета, мишура... – Он показал на ярко освещенный зал. – Но, милая, она бы... ей бы...

Но ни один из них не добавил больше ни слова, да этого и не было нужно.

– Пойдем, – сказала Флора, потирая глаза. – Надо поесть.

Переодеться она могла и позже.

Столы в ресторанном зале поставили в ряд вдоль стен и буквально завалили угощением, тяжелые серебряные блюда поблескивали на белоснежных скатертях.

Здесь были лобстеры и лангустины Келвина, селедка, приготовленная на норвежский лад, усыпанная маленькими красными луковками, морошкой и каперсами, буханки ржаного хлеба с хрустящей корочкой, толстые ломти свежего, влажно поблескивавшего масла и крупная кристаллическая местная соль, сиявшая, как драгоценные камни. Был здесь и местный вяленый лосось, и лосось, замаринованный в виски, – он всегда был невероятно популярен, а еще стояли огромные подносы риса с рыбой, яйцами и луком.

Ничего причудливого, ничего сложного. Никаких роскошных, затейливо украшенных блюд. Просто все то, что было свежим,

качественным и знакомым всем островитянам, такую еду здесь стряпали и ели столетиями, – и все это приготовили под присмотром Финтана, который сиял от радости.

Виски, конечно, имелось в достатке, но не забыли и о джине, ставшем теперь статьей экспорта, – его готовили в таких же чанах, что и виски, но созревал он гораздо быстрее, ему не требовалось двадцать пять лет, как хорошему односолодовому виски. Колтон стоял у стола с напитками, наблюдая за тем, чтобы все бокалы моментально наполнялись.

А еще здесь была выпечка. Флора не смогла сдержать самодовольную улыбку. Пироги, безупречные по форме, занимали целый большой стол. Были и разные печенья, принесенные гостями, но ее пироги стали настоящей сенсацией – фрукты сверкали, как рубины, а рядом с пирогами стояли кувшины с густыми сливками. Казалось кощунством резать такую красоту, как поговаривали гости.

По соседству с этим столом находился еще один, с большой надписью на ленте над ним: «ФЕРМА МАККЕНЗИ». Здесь, конечно же, лежали сыры – на каждом большом блюде рядом с тяжелым кругом положили с краю маленькие треугольные ломтики для пробы. А вокруг выстроилось бесконечное количество свежих овсяных лепешек.

Это был настоящий пир.

– Нет-нет, – тихонько сказал Флоре Колтон, видя, как она уставилась на это роскошное зрелище. – Ты вернешься к жуткому письменному столу в жутком городе!

Он протянул ей стаканчик островного односолодового виски, и Флора выпила его, пожалуй, слишком быстро, сразу почувствовав, как спиртное ударило ей в голову, смешавшись с адреналином.

– За стол в фирме, которая будет выполнять все ваши требования, – напомнила она.

Колтон, уже основательно набравшийся, взмахнул рукой:

– Вот такое нелегко найти, детка! Труднее, чем ты думаешь!

Флора улыбнулась, когда он снова наполнил ее стакан.

– А вы беритесь за дело. Не пора ли собрать совет?

– Это куда хуже, чем мое самое первое предприятие, – вздохнул Колтон.

– Точно! – усмехнулась Флора. – Потому что теперь вы знаете, что можете потерять.

Она не стала говорить о том, что и сама слегка нервничает. У людей долгая память. Но она должна делать свою работу. И Флора расправила плечи.

- Флора!
- Мэгги...
- Что ж, вышло неплохо! – громко фыркнула Мэгги Бьюкенен. – Совсем неплохо.
- Я догадалась. Вы уже знакомы с Колтоном.
- Спасибо за праздник, – сухо произнесла Мэгги. – Тем более с такой благородной и бескорыстной целью.
- Колтон улыбнулся и процедил сквозь стиснутые зубы:
- Не за что.

В соседнем зале послышались звуки «Лихого белого сержанта». Мэгги, которой было уже почти семьдесят, но которая оставалась невероятно подвижной благодаря привычке даже в самую ужасную погоду гонять на велосипеде по каменистым равнинам, взяла Колтона за руку.

Отлично, подумала Флора. Это большой шаг вперед.

Потом она со смехом наблюдала за тем, как Колтон учится танцевать. Он не был привычен к вечеринкам типа кейли, с пением и танцами, как родившиеся на островах юноши и девушки, хранившие эту часть шотландского наследия. Каждый из них танцевал на свадьбах и праздниках с тех самых пор, как научился ходить, – для них это было так же естественно, как дышать или петь, если дело доходило до пения.

Колтон, как очень быстро поняла Флора, был совсем другим. Он упоминал в разговоре о чем-то лежавшем в его кармане, и сначала Флора подумала, что он прячет там фляжку. Но оказалось, что это маленькая книжица с описанием танцев кейли. Колтон проверял по ней фигуры и шаги и со всем старанием пытался их повторить, то и дело путаясь в направлении, но при этом улыбаясь всем.

Колтон оказался куда более интересным и вдумчивым человеком, чем показался Флоре в утро их первой встречи, когда он в зале совещаний нахально заявлял, что Лондон – это настоящее дерьмо.

Флора огляделась в поисках Финтана и увидела, что тот хлопчет возле тарелок с сыром. Брат буквально лопался от гордости, но при этом с острым вниманием следил за успехами Колтона на танцполе.

Флора отвернулась и направилась в противоположную сторону, к другим столам.

– О, что за выпечка! – обратилась к ней какая-то древняя женщина.

Флора смутно припомнила, что вроде бы видела ее на почте.

– Эта выпечка... ох, как будто Анни вернулась!

Флора замерла.

– Спасибо, – тихо поблагодарила она.

– Ты на нее похожа... а она была настоящее дитя селки!

Иногда не было смысла возражать на подобное.

– Я знаю, – кивнула Флора.

– В тебе очень много от нее.

– Я рада. Очень рада.

– Что ж, добро пожаловать домой, – негромко сказала женщина, и несколько пожилых людей, сидевших вокруг стола, повторили за ней:

– Добро пожаловать, добро пожаловать...

Говорили они с сильным местным акцентом.

Кто-то тут же снова наполнил стакан Флоры.

За плечом Флоры возник Чарли.

– Пойдем, потанцуй со мной, ты ведь обещала, – сказал он, дожевывая здоровенный кусок пирога, который держал перед собой на тарелке.

– Ты же ешь!

– Ну да, – улыбнулся Чарли. – Я подумал, что лучше тебя пригласить до того, как тебя начнут рвать на части. К тому же это безумно вкусно. Попробуй!

Флора слишком уже устала, чтобы есть, но все же откусила кусочек. Это был вишневый пирог, действительно вкусный.

Она улыбнулась и поддразнила Чарли:

– Да, верно, я же теперь знаменитость!

– Сегодня твой вечер, мисс Маккензи. – Чарли поставил на стол опустевшую тарелку и предложил Флоре руку.

– А где Джен? – спросила вдруг Флора.

Ситуация показалась ей абсурдной: Чарли явно флиртовал с ней, но если у него уже были отношения с Джен, то это совсем неправильно. А ей Чарли безусловно нравился. Он не заставлял ее сердце подпрыгивать, а пульс ускоряться, как Джоэл. Но, увы, Джоэл был недостижим. А Чарли стоял рядом. У него было крупное тело, широкие плечи, яркие голубые глаза и открытое лицо... Полная противоположность Джоэлу. Но если Флора собиралась познакомиться с ним поближе, ей нужно было знать.

Чарли моргнул и ответил неопределенно:

– О, она где-то здесь...

Тут Флора ее и заметила – Джен с большим аппетитом поглощала пудинги.

– А вы с ней?

– Мы разошлись, – быстро произнес Чарли. – Разошлись. Удивлен, что ты не знаешь. Я думал, все уже знают.

– Ну, я не все, – выразительно бросила Флора.

– Верно, – согласился Чарли.

Флоре хотелось найти минутку, чтобы переодеться. Хотя на самом деле то, что было на ней сейчас, подходило ей гораздо больше, чем платье в обтяжку от Карен Миллен, которое она купила в прошлом году на чью-то свадьбу и которое совершенно не оправдало ожиданий.

– Но вы ведь по-прежнему работаете вместе? – продолжила она.

– Ну да. Мы вместе управляем фирмой. Джен в этом очень неплоха.

– Тогда почему...

– Мы танцуем или нет? – спросил Чарли. – Или так и будем стоять здесь и обсуждать нашу личную жизнь, как будто мы на каком-то реалити-шоу на материке?

– Вот не подумала бы, что у тебя хватает времени смотреть такие передачи! – засмеялась Флора.

– Ну да, ты ведь все обо мне знаешь.

Он взял Флору за руку и вывел на танцпол. Колтон теперь танцевал с двумя пожилыми леди из общества поддержки шотландского кёрлинга – они выполняли фигуру, в которой каждый мужчина кружил двух женщин, а потом, наоборот, две женщины танцевали с одним мужчиной. Леди были откровенно довольны своим партнером. Чарли тут же принялся радостно кружить Флору, а по другую сторону от нее оказался Берти, и они влились в общий круг.

Флора снова отдалась музыке, она приседала и кружилась с бешеной скоростью, без перерыва, килты мужчин развевались, и Флора забыла обо всем. Она вдруг ощутила себя такой свободной...

Джоэл, скрываясь в тени за одной из тяжелых гардин, наблюдал, как Флора хохочет в руках огромного парня, который постоянно оказывался там же, где она. Джоэл и сам следил за девушкой жадным взглядом, но, когда заметил это, в нем вспыхнуло презрение к самому себе.

Джоэл выругался и ушел из зала.

Танец закончился, и Флора, хихикая, вдруг сообразила, что не знает, где Джоэл и чем он занят, а это было большой небрежностью с ее стороны, учитывая, что он здесь никого не знал. Она должна была познакомить его с людьми и присматривать за ним, поскольку Колтон занят. И еще Флора осознала, что, танцуя с Чарли, она вообще не думала о Джоэле.

– Извини, – быстро сказала она, внимательно оглядывая зал.

Но Джоэла нигде не было видно.

– Мне нужно идти. Можешь пригласить на танец миссис Кеннеди?

– Нет, – отказался Чалри. – Она ужасна!

– Да... но она входит в совет острова.

Чарли вытаращил глаза, но Флора уже ускользнула.

Флора заглянула во все укромные уголки отеля, где стояли прекрасные уютные диванчики и горел мягкий свет. В каждой комнате имелись большие камины, Флора разгорячилась от их тепла, от шума и танцев, а еще от мягкого виски, блуждавшего в ее крови.

И вдруг за спинкой одного из диванов Флора заметила блестящие темные волосы, а сбоку – черный ботинок и длинную ногу в брючине. Это был Джоэл, в своем дорогом костюме, как всегда безупречном, – все остальные мужчины явились сюда в килтах...

В этот миг в голове Флоры мелькнуло воспоминание о том, как он смотрел на нее во время танцев, – это была доля секунды, но ей ведь не показалось? Или показалось? Боже, какого черта она вообще тут делает?

Но, слегка опьянев, Флора забыла обо всем на свете. Забыла обо всем Муре, оставшемся за дверью, забыла о Чарли, мечтавшем еще раз потанцевать с ней, забыла, что ей полагается ни на шаг не отходить от Колтона, преданно выслушивать его и знакомить со всеми и каждым. Она забыла обо всем, кроме того, что Джоэл был рядом, он, тот самый человек, которого она так долго желала...

И вот теперь они очутились в тысяче миль от всего, что составляло их обычную жизнь, от всего, что имело для него значение... чем бы это ни было.

Флора приехала сюда ради фирмы. Она уехала с Мура, чтобы порадовать мать. Она оставалась вдали от дома, потому... потому что не знала, что еще делать. Флора иногда чувствовала себя чем-то вроде лодки, которая болтается на приливных волнах, не ведая, куда ее прибьет и зачем. И подозревала, что однажды, оглянувшись на свою жизнь, не сможет припомнить, когда самостоятельно делала выбор.

Огонь в камине соблазнительно потрескивал, шум праздника затих позади. Джоэл ее не замечал.

Флора глубоко вздохнула. Это было совсем не похоже на нее. Она не чувствовала себя – собой. Но даже если это всего на один сегодняшний вечер... на один вечер, когда она не ощущает себя виноватой, подавленной, плохой дочерью... или не на своем месте. Ей ведь сегодня хорошо, она чего-то заслужила, ее тяжелая работа вознаграждена... Сегодня вечер, когда люди получают то, чего хотят. А она разве не может?

Флора в последний раз нервно покусала губы и шагнула в комнату:

– Джоэл?

– Флора! Привет! Рад вас видеть.

Глава 35

Инге-Бритт Магнусдоттир встала навстречу Флоре, предполагая, что та ищет своего босса, хотя Джоэл не упоминал, что Флора может захотеть поговорить с ним. Да Инге-Бритт и не прислушивалась особо, она просто уютно устроилась на большом диване, сосредоточившись на плоском животе и длинных ногах Джоэла и гадая, как скоро можно будет предложить сбежать с вечеринки и вернуться в «Харборс рест». Инге-Бритт весьма прямо и просто подходила к делу, и Джоэл в своем смятении вполне это одобрял. Это была знакомая ему территория.

– Инге-Бритт! – воскликнула Флора, запнувшись на полушаге и мгновенно заливаясь густой краской.

Ей казалось, она сейчас разрыдается. Но она совсем не хотела плакать.

– Рада тебя видеть...

– Весь остров сегодня здесь, так что мне и заняться нечем, – с улыбкой сказала Инге-Бритт. – А ты и не упоминала о том, что твой босс такой... интересный.

– Правда? – выдавила из себя Флора.

Джоэл не мог посмотреть на Флору. Просто не мог. Она рассержена на него? Разочарована? Она его желает? А сам он желал... больше всего на свете... Да, он вдруг возжелал держать в ладонях эти светлые волосы, прижать эту девушку к себе... Он хотел переспать с ней, конечно хотел! Джоэл постоянно хотел с кем-то переспать. Но здесь было нечто большее. Ему хотелось говорить с Флорой. Хотелось доставить ей приятное, утешить, хотелось, чтобы его печаль тронула ее... он хотел взаимности, хотел поделиться с ней...

Джоэл никогда не хотел делиться. Если у тебя нет игрушек, ты не можешь этому научиться.

Он заставил умолкнуть свой внутренний голос. Но головы не поднял.

– Я вам нужен?

Флора хотела сказать: «Да! Ты мне нужен. Мне нужно что-то чистое... Мне нужен хороший секс и ощущение, что я выбрала что-то сама, не ожидая, пока выбор сделают за меня. Мне нужно стать самой собой, мне нужно наконец-то стать необузданной и опасной, не тем, чего все ожидают от трудолюбивой, тихой, бесцветной девушки вроде меня».

Флора судорожно сглотнула.

– Нет, – ответила она. – Все в порядке. Я просто заглянула проверить,

все ли в порядке у вас. Я же не знаю, как вы относитесь к шотландским танцам.

– Я тебя научу! – тут же весело заявила Инге-Бритт.

– Я не танцую, – коротко бросил Джоэл.

– Тогда зачем пришли? – спросила Флора, не успев себя остановить.

– И хорошо, что пришел, – сообщила Инге-Бритт, небрежно наливая в два стакана еще водки, которую она принесла сюда. – Но доложу вам, скандинавы считают эти пляски очень уж буйными. И совершенно бестолковыми.

Инге-Бритт была уже здорово пьяна.

Флора вдруг остро ощутила всю нелепость своего туго зашнурованного бархатного лифа, детского мягкого тартана, достигавшего коленей, и растрепанных волос... Пожалуй, им обоим она сейчас казалась местной дурочкой.

– Ладно, тогда я вернусь туда, – сказала она, пытаясь улыбнуться, но не сумев этого сделать. – Колтон, наверное, попозже захочет переговорить.

– Отлично, – кивнул Джоэл.

Звук собственного голоса причинил ему боль. Он глотнул еще спиртного в надежде, что это поможет.

– Дайте мне знать, если вам что-то понадобится.

Флора вернулась в зал, где все танцевали, а Чарли храбро попытался составить пару миссис Кеннеди.

Флора, совершенно не церемонясь, подошла к нему, как только умолкла музыка, и, схватив за руку, утащила на улицу раньше, чем он успел раскланяться.

Снаружи над ними нависло белое небо, слегка отливавшее голубизной у горизонта, – это означало, что близится полночь. Над лужайкой, где еще недавно стояла эстрада, уже повесили китайские фонарики, слышались тихие голоса других парочек, скрывавшихся за деревьями. Флора сжала большую руку Чарли и, подняв голову, посмотрела на него, он ответил ей внимательным взглядом чистых голубых глаз, а потом, когда вновь зазвучала музыка, сжал в ладонях ее лицо, и Флора, осмелев, потянулась к нему и поцеловала, крепко, со всей страстью.

Потрясение было подобно внезапному холодному душу. Флора не усомнилась ни на секунду, что так оно и должно быть.

Чья-то рука легла на ее корсет, отталкивая в сторону. Она в ужасе обернулась. Она ведь полностью отдалась удовольствию поцелуя с красивым мужчиной под ясным ночным небом...

Но рядом стояла Джен, красная, как кирпич.

– Какого черта, чем ты здесь занимаешься?

Флора попятилась, потом посмотрела на Чарли, который выглядел рассерженным и невероятно сексуальным.

– Ты говорила... – начал он.

– Мы взяли перерыв, так ты сказал! – закричала Джен. – А не разошлись окончательно!

Чарли посмотрел на нее, потом на Флору.

– Прошло много месяцев... – пробормотал он. – Послушай, Джен, будь рассудительна...

– Нет! – рявкнула она, и ее губы превратились в тонкие линии. – Это ты будь рассудителен! Ты знаешь, что сказал папа!

Флора не имела ни малейшего желания узнать, что именно кто-то говорил. Она в последний раз поправила чертов килт, понимая, что люди внутри гадают, куда она подевалась, потом отвернулась. Она хотела найти «лендровер» и убраться отсюда, она не желала больше иметь никаких дел с Чарли, Джен, Джоэлом, Инге-Бритт, островитянами, лондонцами, американцами или вообще с кем бы то ни было на целом свете.

Уходя, Флора мельком глянула на продолжавшееся веселье. Колтон все еще возвышался в центре танцующих, но музыка теперь резала слух Флоры. Веселые голоса людей, отлично проводящих время, звучали как бессмысленное щебетание птиц в зоопарке, а прекрасные теплые комнаты показались отвратительными, как будто кто-то включил вдруг мерзкий флуоресцентный свет и выявил каждую морщину на лицах людей, каждое пятнышко на их одежде. Вскоре все должно было погрузиться в темноту и грязь и раствориться неведомо в чем...

Глава 36

Флора нарыдалась вдоволь, отвозя Лорну домой из «Скалы». А по пути рассказала обо всем, что произошло между Чарли и Джен.

– И при чем тут ее чертов папаша?! – закончила она в ярости. – Она же взрослая женщина! Ей бы следовало вести себя соответственно!

– Да, кстати, об этом, – начала Лорна, которой противно было выглядеть гонцом, принесшим дурные вести. – Он Фрезер Матисон. А она – Джен Матисон.

– Фрезер Матисон, член городского совета? – тихо уточнила Флора.

– А... ну да.

– Фрезер Матисон, самый богатый человек на острове? После Колтона. Вот дерьмо! – выдохнула Флора. – Бог мой, ну и уроды эти мужики!

– Мне нравится Чарли, – сказала Лорна.

– Да я и говорить о нем не хочу! – уныло откликнулась Флора и принялась рассказывать подруге о Джоэле и Инге-Бритт. – Уроды!..

Добравшись каждая до своего дома, они продолжили обсуждение онлайн. Кай и Лорна никогда не встречались, но познакомились через Сеть и сейчас были едины во мнении, что заметно помогло Флоре, действительно помогло. Она сидела возле угасающего огня, попивая чай и стараясь поднять себе настроение, хотя это и не слишком получалось. Так что она была весьма благодарна Брамблу, который положил голову ей на колени и время от времени облизывал ее руку.

Урод! – написала Лорна.

Жуткий, мерзкий тип! – согласился Кай. – **Хочешь, мы его убьем ради тебя?**

Было бы отлично.

Я раздобуду какой-нибудь яд в кабинете Сайфа! – пригрозила Лорна.

Я положу ему в письменный столдохлую рыбу!

Флора улыбнулась, вздохнула и сунула в рот одно из печений, оставшихся в кухне, мельком подумав, что нужно будет приготовить что-

нибудь более существенное. Так всегда происходит из-за танцев и сердечной боли: они вызывают такой голод, какого и не ожидаешь. Правда, Флоре приходилось слышать о девушках, которые буквально превращались в тени от грусти. Но сама она к таким не принадлежала.

Флора уже почти улыбалась, когда услышала шум автомобильного мотора перед домом. Она нахмурилась. Отец вместе с Иннесом и Хэмишем уже довольно давно вернулись и теперь легли спать, Флора даже отсюда слышала отцовский храп. Агот с трудом удалось утащить с праздника, и при этом она громко протестовала, девочка не пропустила ни одного танца, обычно просто возникая перед первым попавшимся мужчиной и требуя, чтобы он с ней танцевал. Бог ведает, что она начнет вытворять в четырнадцать лет!

Так кто же мог к ним приехать?

На долю секунды Флора подумала, что это мог быть Джоэл, что он явился просить прощения и на самом деле предпочел бы скромную служащую-мышку какой-нибудь шестифутовой исландской амазонке со светлыми волосами.

Но у Джоэла здесь не было машины. Флора сама возила его по всему острову. Она резко встряхнула головой, разозлившись на собственную глупость. Боже мой! Ее внезапно поразила мысль: а когда Джоэл видел ее танцующей, не смеялся ли он? Может, именно это было написано на его лице? Веселье? Может, он счел нелепым ее наряд и традиционные танцы? Флора почувствовала, что краснеет. А ведь этот вечер так хорошо начинался, все было таким замечательным, Флора ежеминутно слышала комплименты насчет угощения... Но теперь она опять сидит в дурацкой старой кухне, таращась на свой чай.

А может быть, это приехал Чарли? Его поцелуй был таким крепким и захватывающим, он что-то пробудил во Флоре, что-то такое, чего она уже очень долго не чувствовала... она и сообразить не могла, насколько долго. Все это время работа, потом горе, влюбленность в недостижимое мешали ей посмотреть вокруг, она не обращала внимания на саму себя, на то, в чем нуждалась, чего хотела. Флора осторожно коснулась пальцем своих губ. Они чуть-чуть припухли. Как ей хотелось снова ощутить себя желанной... понять, что в ней не умерло нечто...

Но кто бы ни был за дверью дома, он, похоже, не собирался входить. Флора тихонько подошла к кухонному окну, но снаружи было темно. Она смогла лишь смутно различить за лобовым стеклом большого «рейнджровера» две головы – и вдруг сообразила, что ее саму видно снаружи, ведь ее освещает огонь, – и быстро отскочила от окна.

Через несколько секунд в кухонную дверь ворвался Финтан, а машина уехала, подпрыгивая на неровной дороге.

Флора посмотрела на брата и пошла к плите, чтобы налить еще чашку чая.

– Как ты думаешь, который уже час? – с легкой ехидцей спросила она, пытаясь скрыть собственную сердечную боль.

Финтан глянул на сестру и медленно улыбнулся, а потом так же медленно моргнул. Вид у него был слегка ошеломленный.

– Извини, извини. Я... ну да... Колтон предложил меня подвезти.

– Предложил подвезти тебя домой?

– Ну да...

– Ты уверен, что он не выпил слишком много виски?

– О да, – согласился Финтан, с благодарностью принимая из рук сестры чашку с чаем. – Он здорово напился. Я думал, мы расшибемся по дороге.

– Финн!

– Нет, все в порядке. Когда я уходил, констебль Кларк уже лежал под столом с пирогами. И, кстати, полуголый. А остальные вылизывали тарелки. Да, ты постаралась!

Флора нахмурилась и не обратила внимания на комплимент, доливая молока в свою чашку.

– Ну и...

Финтан закусил губу, пытаясь скрыть улыбку.

– Ну...

– Флора, если ты хочешь что-то спросить, просто спроси.

– Да, я хочу спросить. Папа знает?

– Зачем? Тебе не кажется, что такое потрясение может его убить?

– Не понимаю, почему мне это никогда не приходило в голову, – сказала Флора.

– Да потому, что ты вообще никогда о нас не думала.

– Неправда!

– Ты знаешь, что это правда, Флора! Прекрасно знаешь. Ты уехала и больше о нас не думала, как мы тут копаемся в коровьем навозе.

– Прекрати, – попросила Флора. – Пожалуйста. Я так устала... Давай не будем больше ссориться? Сегодняшний вечер должен был стать чудесным. Он и был таким.

– Прекрасно, нам не о чем спорить! Финтан теперь гей. Вау, разве это не замечательно! Твоя семья стала подходящей для девицы с материка!

– Финтан! – Флора на этот раз по-настоящему закричала, сильно

разозлившись.

– А что? Теперь ты получила что-то подходящее для твоих особенных столичных друзей.

Флора глубоко вздохнула, встала и посмотрела Финтану в глаза:

– Ладно, так, значит, у тебя уже был дружок до того, как я вернулась? До того, как ты познакомился с Колтоном?

Финтан не ответил.

– Значит, ты уже оторвался от прежней жизни и пытаешься теперь заняться новым делом, строить собственную дорогу... и начал еще до моего возвращения?

Последовала долгая пауза.

– Со мной все в порядке, – пожал плечами Финтан.

– Или ты можешь сказать: «Спасибо, сестренка, за то, что познакомила с Колтоном».

Финтан долго смотрел на нее, и в глазах брата и сестры читалась боль. Но наконец Финтан тихо сказал:

– Извини, мне жаль...

– Мне тоже жаль. – Флора судорожно сглотнула.

Они сели за старый стол, Финтан вертел в пальцах чайную ложку.

– Похороны...

– Я наговорила лишнего.

– И потому не возвращалась, – согласно кивнул Финтан.

– Мне было стыдно.

– А оттого, что живешь вдали, стала счастливее?

Флора нахмурилась:

– Я вообще не уверена, что когда-нибудь знала, что такое счастье. Просто там я постоянно занята. Разве этого не достаточно?

– Я так не думаю.

– Извини, что я так себя вел. – Финтан взял сестру за руку. – Просто все это давно накопило.

– Я знаю, – ответила Флора. – Я поняла.

– И я... Так хорошо, что ты вернулась, Флора. Seriously. Я не мог навсегда застрять в этой глупой колее. Я был слишком зол.

– Спасибо.

– И все равно папе лучше пока что не знать, – напомнил Финтан.

– Я ему не скажу. Да он все равно почти не разговаривает со мной.

– А он ведь хорош собой, тебе не кажется? – улыбнулся Финтан.

– Кто, Колтон?

– Ну да.

– Конечно. А берет он так и не снял?

– Не твое дело.

– Огромный берет с перьями!

– Да замолчи ты!

Флора засмеялась. А брат не упустил случая тоже съязвить:

– Так ты сегодня не встречалась со своим боссом? – Финтан прищурился, глядя на сестру. – Он ведь тебе нравится? Мне не показалось?

– Об этом можешь забыть, – покачала головой Флора. – Да и в любом случае это не имеет значения. Ему приглянулась Инге-Бритт.

– О, эта иностранка?

– Да. Так что все в порядке. И я в порядке.

Флора подумала, не рассказать ли Финтану о Чарли, но решила воздержаться. Скорее всего, и так весь остров к утру будет это знать.

– Он не похож на мужчину твоего типа.

– Ой, хоть бы все перестали наконец твердить об этом!

– Я хотел сказать... ну, даже не знаю. Наверное, я хотел бы видеть рядом с тобой кого-нибудь посимпатичнее. Вроде Чарли Макартура.

– Джоэл вполне симпатичен! – вспыхнула Флора.

– Уверена?

– О господи, я не знаю... Тебе, наверное, такое знакомо: когда сходишь с ума по кому-то и все вокруг об этом рассуждают, а ты не можешь выбросить его из головы... – Она резко умолкла.

– Да, – согласился Финтан. – Я ведь так же смотрел на констебля Кларка.

– В самом деле? – пробормотала Флора, припоминая один из фестивалей викингов много лет назад.

– Но я... избавился от этого.

– Да, помню... интересно.

– Черт, стоит ли удивляться тому, что мы постоянно ссорились?! – засмеялся Финтан. – В общем, на Рождество я ему отомстил.

– С кем?

Финтан назвал имя одного из приятелей Флоры, с которым она кокетничала, когда ей было пятнадцать, парень работал в гараже, и Флора считала его ужасно рискованным, потому что он гонял на мотоцикле. Ее матери он нравился.

– Не может быть!

– Здесь, на Муре, все может быть, хотя вроде бы ничего и не происходит, сама знаешь.

Флора с сердитым видом встала:

– Пойду-ка я спать, пока ты мне не рассказал еще что-нибудь такое же ужасное.

– Да ну, у нас же и нет ничего, только мы сами, да эльфы, да селки, и...

– Помолчи!

– Ладно-ладно. Мне тоже пора в постель. Утром нужно отправлять на материк этот чертов молодняк. Что может быть веселее?

Они тепло обнялись, и Флора, выключив телефон, почувствовала себя лучше. Почти что хорошо.

Глава 37

Джоэл стоял у окна, глядя на белые волны моря. Рядом с ним спала на кровати Инге-Бритт, с прекрасными длинными ногами, с растрепанными волосами, – похожая на многих других девушек Джоэла. Она предупредила его, что утром прежде всего займется завтраком...

Джоэл снова повернулся к запотевшему окну. В пять утра был уже настоящий день. Как люди это выдерживают? Когда они вообще спят? Как они могут спать? Неужели можно привыкнуть постоянно жить при свете? Наверное, такое возможно. Сейчас ведь даже не рассвет, это полноценное утро...

Но утро, похоже, неласковое, штормистое, бешеное... Волны вздымались все выше, и хотя вокруг не было деревьев, которые помогли бы оценить скорость ветра, Джоэл видел, что вереск под его порывами прижимается к земле. С берега взлетела цапля, и Джоэл смотрел, как она несколько мгновений борется с ветром, раскинув крылья и решительно направляясь навстречу самому настоящему шторму.

Он посмотрел вверх. Небо здесь было таким огромным... И тучи мчались по нему с бешеной скоростью, словно Джоэл смотрел фильм в ускоренной перемотке. Он заметил, что зрелище его слегка завораживает.

И хотя он устал, очень устал – он вообще не спал в эти дни, даже по собственным меркам, – все равно его не оставляла смутная мысль о том, что на его рабочем столе скапливаются документы, происходят события, которые он не должен пропускать. Мир стремительно мчится вперед без него, и ему следовало бы, наверное, прямо сейчас заняться делами, раз уж он все равно не собирается вернуться в постель...

Но Джоэл этого не сделал. Он натянул толстый синий джемпер – из той груды, что упаковала для него Марго, – взял стакан воды и сел в кресло у окна, положив ноги на подоконник.

Джоэл поймал себя на том, что просто смотрит на тучи, погружаясь в легкую дремоту от картины бесконечно меняющихся очертаний. Он вдруг осознал, что каким-то странным образом, вопреки всему, чувствует покой, какого не ощущал уже много месяцев. Джоэл подумал о Флоре. Он потряс ее, это было написано на ее лице...

Но он должен был увидеть ее днем. И это почему-то утешало.

Джоэл продолжал следить за тучами, его сердце начинало биться медленнее, и прежде чем он успел опомниться, было уже восемь утра, хотя

сам он не заметил, как заснул. Инге-Бритт исчезла, а ветер продолжал дуть.
Пора было заняться работой.

Глава 38

Ичто будем делать? – поинтересовалась Флора.

Она смотрела на Иону и Айлу, мучившихся от сильного похмелья, – как будто они были студентами, впервые попавшими в бесплатный бар. К тому же Айла накануне перехватила молодого Рориха, что совсем не понравилось Ионе.

– Вам тут не бумажные стаканчики нужны, а хорошая фляжка, – послышался командный голос.

Флора обернулась. Это была Джен, в яркой розовой шерстяной накидке.

Сердце Флоры подпрыгнуло.

– Джен! – заговорила она. – Послушай... ты должна мне поверить. Я понятия не имела... Чарли мне сказал, что вы расстались. Иначе я бы никогда...

Джен протянула девушкам фляжку, даже не кивнув Флоре.

– Привет, Айла.

– С добрым утром, – откликнулась Айла. – Хорошо повеселилась на празднике?

– Нет. Кроме всего прочего, еще и жуткие представления, – ворчливо произнесла Джен. – Терпеть не могу такие демонстративные приемы, а ты?

Флора подумала о том, сколько еды прошлым вечером затолкала в свою глотку Джен – Флора это видела, – обжираясь за счет Колтона, и сжала кулаки.

– А мне показалось, все было чудесно, – сказала Айла. – И ты была такой красивой, Флора!

– Спасибо, – кивнула Флора. – Только мне кажется, я выглядела слегка свихнувшейся.

– Ну да, не в любом возрасте можно влезать в танцевальный килт! – заявила Джен, как будто, ядовито подумала Флора, на ней самой не было сейчас девчачьей розовой накидки. – Приходит пора отказаться от этого.

Она умчалась, предоставив Флоре таращиться ей вслед.

– Могу я запретить ей приходить сюда? – вслух произнесла она.

– Ты собираешься отказывать во входе местным? – удивленно спросила Иона.

– Да, ты права, – кивнула Флора. – Это было бы не слишком умно.

– А что ты натворила? – поинтересовалась Иона.

– О-о-о!.. – начала было с хитрым видом Айла.

– Ладно-ладно, сможете посплетничать, когда я уйду, – остановила ее Флора. – Но вы должны знать: я думала, они расстались. – Она огляделась. – Отлично. Возьму все эти булочки.

«Может, я и не нравлюсь Джоэлу», – подумала Флора. И вообще неясно, как им сообщить о возможных дурных новостях насчет Фрезера Матисона... Но они в такое холодное утро не смогут не одобрить теплые, хрустящие булочки.

Колтон прислал за ней лодку, потому что «лендровер» забрали парни, чтобы доставить недовольный молодняк в аэропорт. Это было неприятное и хлопотливое дело, никому оно не нравилось, тем более в такое отвратительное утро.

А в обеденном зале «Скалы» все уже было безупречно чисто, в камине разожжен огонь, вокруг тепло и уютно.

Колтон, державший в руках поднос, посмотрел на вошедшую Флору.

– Совсем забыл, – сказал он. – Мы сегодня решаем юридические проблемы или открываем компанию по доставке продуктов Маккензи?

– Юридические проблемы, – ответила Флора, а Джоэл в то же время спросил:

– А все сразу нельзя?

Флора не смотрела на него, вообще не поднимала головы, а он чувствовал себя скованным и смущенным.

Флора сосредоточилась на том, чтобы намазывать мед на булочки из «Летней кухни». Это было очень вкусно, а уж с кофе из дорожкой кофеварки Колтона и вовсе идеально. Снаружи уже бушевала настоящая буря, море стало серо-белым, небо окончательно заполнилось бесконечными тучами. Флора хмурилась. В такую погоду опасно было огибать северную оконечность острова, ей и думать не хотелось о том, чтобы возвращаться обратно на лодке.

Джоэл сидел по другую сторону стола. Они не смотрели друг на друга. И Джоэл выглядел как-то не так... Флора не сразу сообразила, в чем дело. Потом до нее дошло: он был без галстука, в простой голубой рубашке и джемпере. Наверное, слишком утомился от жаркого секса с Инге-Бритт, с горечью подумала Флора. Непристойная картина на миг вспыхнула в ее уме, и Флора резко встряхнула головой, чтобы прогнать ее.

– Что ж, – сказал Колтон, – думаю, вчерашний вечер прошел неплохо.

Он выглядел довольным, как нахальный гном-переросток, и явно ожидал, что другие поддержат его энтузиазм. Но Джоэл и Флора

помалкивали, и лицо Колтона вытянулось.

– Нет-нет, все было отлично, – сказала Флора, взяв себя в руки. – Все пришли, хорошо провели время. И были благодарны вам. А вы действительно потанцевали со всеми?

– Да, – подтвердил Колтон, – то есть со всеми, кто этого хотел. Разве что некоторые из церковного актива держались слишком чванливо.

– Все в порядке, – улыбнулась Флора. – Им позволено быть чванливыми, это вроде как их работа.

– Ну а я уж постарался.

– Полагаю, все прошло удачно, – сказала Флора. – И у меня предложение по управлению «Летней кухней». Думаю, девушки отлично смогут со всем справиться. И Финтан им поможет.

– Точно поможет? – с легкой усмешкой спросил Колтон.

– А вам нужно провести остаток лета на виду у всех, насколько это возможно. Общайтесь с местными. Покупайте местные товары. Наслаждайтесь островом. Думаю, к сентябрю вы увидите, что люди станут намного сговорчивее. Это действительно сработает.

– Между прочим, – кивнул Колтон, – я уже пригласил Финтана работать на меня постоянно. Он разве не упоминал об этом?

Флора даже вздрогнула. Что?!

– Нет, – ответила она. – Он мне ничего не говорил.

– В этом есть смысл, – пояснил Колтон. – Финтан вполне может управлять снабжением «Скалы». У него к этому способности, он чувствует, что именно нужно. Ты же видела его вчера. Он же знаком со всеми местными поставщиками.

– Вы не понимаете, – покачала головой Флора. – Финтан не может бросить ферму. Он там необходим.

– Это же на самом деле не... – передернул плечами Колтон. – Я ведь его уже спрашивал.

– Боже мой! – вздохнула Флора. – Но мой отец! Если некому будет работать на верхнем поле, отцу придется его продать. Мы не можем нанять постороннего человека. И тогда все развалится!

Флора замолчала, думая о том, каким счастливым был накануне вечером Финтан. И как ему хотелось – как ему нужно было – заниматься этим. Она понимала, что не вправе просить его остаться на ферме. Не после того, что она сама сделала со своей семьей. Не было смысла говорить с братом о преданности дому.

– Но что случится с вашей фермой?

– Ну... – нахмурилась Флора. – Все это, вместе взятое... Маккензи

занимаются фермерским делом бог знает как давно. Но наверное, времена меняются... Папа становится слишком стар для этого. Иннес половину времени занят дочерью, а Хэмиш... Не настолько он силен, чтобы управляться со всем. Может сам слопать весь скот.

Колтон посмотрел через залив. Фермерский дом был отчетливо виден отсюда, его светлые серые стены поблескивали в лучах раннего утреннего солнца.

Колтон наклонился вперед:

– Сколько сыров Финтан заложил снова?

– Недостаточно для массового производства, – мгновенно ответила Флора. – Но, кроме сыра, есть еще водоросли, когда нужно... маслодельня, само собой, овцы... Это же обычная ферма.

– Возможно, – задумчиво кивнул Колтон. – Я имею в виду, это решило бы большинство моих проблем с доставками и помогло бы еще больше завоевать местных.

Флора смотрела на него, не совсем понимая, к чему он клонит.

Но Джоэл понял:

– Но это уже переходит в область гражданского права!

– А мой знаменитый лондонский адвокат разве с этим не справится? – усмехнулся Колтон.

– Отчего же, – пожал плечами Джоэл.

Колтон улыбнулся еще шире:

– Что ж, дело того стоит, целиком и полностью.

– О чем вы? – спросила Флора.

– Разве не понятно? Я куплю вашу ферму. Ваш отец сможет по-прежнему жить там, никаких проблем. Финтан будет работать со мной, братья помогут ему с сыром, и маслом, и что там еще... А все, что мне нужно от тебя, сделаешь ты. И это место... – Он широким жестом обвел зал, в котором они сидели. – Это место прославится на весь мир!

– Вы что, намерены нанять на работу весь остров только для того, чтобы они отказались от проекта ветряков? – изумилась Флора.

– Нет, Флора, – язвительно возразил Колтон. – Я хочу нанять тебя, потому что ты очень уж хороша.

Флора резко выдохнула.

– А что? – усмехнулся Колтон. – Это же явно выгодно и экологически, и экономически.

– Да, но... вам не удастся убедить моего отца продать ферму.

– Почему? Ему же не придется куда-то переезжать. Сниматься с насиженного места.

– Дело совсем не в этом.

Колтон растерянно поморгал:

– Я предложу очень хорошую цену.

– И не в цене тоже.

Флора изо всех сил старалась скрыть раздражение.

– Решение, безусловно, только одно, Колтон, – сказал Джоэл. – Нужно обсудить это как следует. Но мне сейчас необходимо вернуться в Лондон. А вам, Флора, придется остаться, пока все не уладится.

Флоре хотелось возразить, но она не осмелилась. И вместо того посмотрела в окно.

– Но, Джоэл... думаю, сегодня вы вернуться не сможете.

– Это почему?

Снаружи волны уже выплескивались за стену причала, тучи неслись еще быстрее.

– Самолеты в такую погоду не садятся на остров.

– О чем вы?!

– Шторм надвигается. Паромы не ходят, вообще ничего нет.

– Что за ерунда?! – возмутился Джоэл. – В Чикаго самолеты садятся, когда снега выпадает на девять футов!

– Да, – согласилась Флора. – Но это спокойный, неторопливый снег. Не то что здесь. К тому же тут маленькие самолеты. Так что вряд ли сегодня вы отправитесь домой.

– Конечно отправлюсь! – рассердился Джоэл.

И едва он это произнес, как что-то громко коротко протрещало – и свет погас.

– Что за черт?! – не понял Джоэл.

– Обрыв проводов, – осторожно ответила Флора. – Такое случается постоянно.

Джоэл посмотрел на свой телефон:

– То есть и Интернет отключился?

– Ага, и Интернет отключился.

Джоэл весьма затейливо выругался.

– Но у меня показание Фолкса под присягой! Дело вскоре подлежит рассмотрению. Я же предполагал, что задержусь здесь только на одну ночь. И соглашение с Арнольдом! Я не могу здесь задерживаться!

– Я вообще удивился тому, что ты приехал, – проговорил Колтон.

Джоэл скривился. Наверное, Колтон был удивлен не больше, чем он сам.

– Да, но теперь я должен уехать!

Флора и Колтон переглянулись.

– Что ж, не знаю, чем тебе помочь... – сказал Колтон.

– О боже! – вздохнула Флора. – И братья уехали. Они погрузили телят на грузовой самолет и уже должны лететь к материку. Нелегко им придется!

Раздался могучий раскат грома.

– Так я здесь застрял? – окончательно растерялся Джоэл.

– Можем мы взять одну из ваших машин? – спросила Колтона Флора. – Надо добраться до деревни.

– Ой... – Колтон уставился на нее. – Вообще-то, их все ради безопасности отправили на подземную стоянку.

– Ради чего?

Колтон смутился:

– Видите ли, соляные брызги оказались очень вредны для окраски...

– Но вы должны были оставить какой-нибудь «рейнджровер»... хоть что-нибудь!

– Есть только «оверфинч».

Флора понятия не имела, что это такое, но по тону Колтона поняла, что ему совершенно не хочется давать им какую-нибудь машину.

– Колтон! – рассердилась Флора. – Если всерьез, вы вообще оставались здесь на зиму?

Колтон смутился еще сильнее.

– Если вы хотите стать одним из нас... – Флора встала, ее глаза пылали. – Если вы хотите, чтобы мы вас снабжали, работали на вас, готовили для вас, защищали вас, вы должны взять на себя определенные обязательства. Вы должны быть с нами! Вы не можете просто наезжать сюда в приятные дни. Или мы вместе, или ничего не получится!

С некоторым запозданием Флора заметила, что дрожит, а оба мужчины уставились на нее во все глаза. Она нервно сглотнула. Ничего подобного она ни разу не вытворяла в своей профессиональной жизни.

– Извините... – опомнилась она.

– Ничего, – покачал головой Колтон. – Понимаю. Думаю, понимаю.

А Джоэл продолжал смотреть на Флору.

Снаружи послышался крик. Это был Берти Купер, он предупреждал, что если они вообще намерены вернуться, то нужно это сделать прямо сейчас. Ему и так уже трудно будет удержать лодку, даже притом, что пересечь придется лишь узкий пролив.

– Нам лучше уйти, – сказала Флора. – Я понимаю, что расстояние выглядит небольшим, но мы постоянно теряем здесь лодки. Крушения.

Совсем близко от берега, но шансов спастись – никаких. Такое часто случается.

– Скорей! – снова закричал Берти. – Я отхожу! Сию минуту!

Надежные окна «Скалы» выдерживали напор сокрушительного летнего шторма, но когда они втроем вышли наружу, то сразу ощутили его силу. Говорить было невозможно, и ничего не было слышно, кроме грохота волн и пронзительного воя ветра. Колтон шагал впереди – он отказался отпустить их одних, – и Флора спешила вслед за ним. На причале она вдруг поскользнулась. Но прежде чем сама успела это осознать, ее подхватил Джоэл. Она задохнулась и попыталась поблагодарить его. Джоэл крепко держал ее под руку, направляя вперед, к лодке, и ощущение его крепких пальцев на локте успокаивало Флору.

Короткая переправа через пролив была ужасной. Лодку швыряло во все стороны, она с трудом продвигалась вперед. Мотор то и дело глох, а Берти ежеминутно кивал им, приказывая вычерпывать воду. Джоэл промок насквозь. Глаза у обоих щипало от соленой воды, мокрые волосы Флоры метались вокруг головы, как живые. Джоэл примерно на середине пути посмотрел на Флору, когда она на мгновение перестала вычерпывать воду и вытянула шею, всматриваясь, пытаясь понять, как далеко еще до суши. И вдруг в фонтанах воды Флора заметила что-то в глубине: то ли нимфу, то ли наяду...

Флора поймала взгляд Джоэла и подумала, что ему страшно.

– Все в порядке! – крикнула она. – Я и хуже видывала!

Конечно, она солгала.

Джоэл качнул головой и снял очки, сквозь которые все равно ничего уже не было видно, и Флора увидела его прекрасные карие глаза, а потом заставила себя отвернуться.

Берти ругался без передышки, снова и снова запуская мотор. Но наконец, когда лодка начала уже опасно крениться и даже Колтон явно встревожился, они, мокрые и промерзшие, добрались до берега. На суше уже стояли несколько человек, поджидая их.

Они испытали немалое облегчение, когда к ним поспешил Энди, бармен из «Харборс рест», с одеялами для всех. Флора с благодарностью взяла одно вместе с кружкой горячего пунша, о котором также позаботился Энди. Он повел их в бар.

Там сразу поднялся взволнованный шум. Флора в оцепенении оглядывалась вокруг, и тут к ней бросился мокрый лохматый Брамбл, безумно радуясь встрече, – он громко дышал и поскуливал от возбуждения.

Флора с радостью опустилась рядом с ним на колени и прижалась лицом к мокрому плечу пса. Там, в море, она была напугана куда сильнее, чем могла показать. Она подозревала, что Джоэл и Колтон просто не осознавали, какая огромная опасность им грозила, – в конце концов, пролив ведь казался таким узким... Но на Муре это знал каждый ребенок.

Флора посмотрела на Берти, который уже проглотил первую кружку пунша и дрожащими пальцами подносил к губам вторую. Он понимающе кивнул ей.

– Сегодня никто не выходит? – спросила Флора.

– Точно, – кивнул Берти. – Ни паромов, ничего.

Джоэл оглядел себя.

– Черт... – проворчал он. – А у меня даже нет сухой одежды.

Джоэл подумал о сумке с одеждой для отдыха на воздухе, купленной Марго, – он долго смотрел на нее в своем номере. В конце концов Джоэл с сожалением решил, что это все-таки не для него, он не собирается делать вид, будто он такой же, как здешние люди, что принадлежит к этому месту. Ведь в глубине души он знал, что не принадлежит ни к одному месту в мире.

Джоэл уже был готов выбросить все это, но потом подумал, что бы сказала на такой жест Флора... В общем, он просто спросил Инге-Бритт, не знает ли она, кому можно все это пожертвовать. Инге-Бритт тут же отдала все Чарли и Джен.

Теперь Джоэл пожалел об этом.

– Я думал, что днем отправлюсь домой.

– Нет, паромы сегодня не пойдут и самолеты не полетят, – сообщил Берти.

Джоэл даже не кивнул в ответ. А просто посмотрел вниз. Его дорогие промокшие брюки скрутились вокруг ног.

– О-о...

– У меня нашлась бы одежда для тебя, – сказал Колтон. – Но для этого нужно вернуться в «Скалу». К тому же, если нет электричества, мой электронный гардероб не открыть.

– Колтон! – воскликнула Флора, качая головой и хихикая.

Как будто в ответ на ее смех по окнам паба заколотил дождь. То есть частично это был дождь, но частично – морская вода, доносимая ветром с гребней волн, он ведь дул со стороны залива.

– Может быть, немного попозже? – предположил Колтон.

– У меня есть кое-что, – сообщил бармен, уходя в заднюю дверь и возвращаясь с огромным комбинезоном.

Колтон и Джоэл переглянулись.

– Конечно, это вам, – сказал Джоэл. – Вы же клиент.

– И что мы теперь будем делать? – спросил Колтон.

– Мне нужно пойти домой, – сказала Флора, которой совершенно не хотелось покидать уютный бар.

Народу здесь собиралось все больше и больше, потому что местные, захваченные штормом, искали убежища, полагая, что могут заодно и глотнуть спиртного, окна уже начали запотевать.

– Я принесу вам что-нибудь из одежды братьев, если хотите. Только не килт, – добавила она.

Джоэл окинул взглядом бар. Потом посмотрел в глаза Флоры. Они были похожи на облака в небе.

– Хорошо, – согласился он.

Брамбл бодро побежал к двери. Но когда Флора ее открыла, внутрь ворвался порыв ветра, мчавшегося, похоже, со скоростью сотни миль в час. Пес попятился.

– Нет, мы пойдем, малыш, – сказала Флора, наклоняясь навстречу ветру. – Ничего страшного.

– Ты уверена? – спросил Колтон. – Ты же простудишься насмерть!

Флора обернулась к нему:

– Все в порядке. Это же мой дом.

И она исчезла в белизне брызг и кипящего неба, слившись с ними, словно была их естественной частью.

Глава 39

Джоэл застыл, глядя на закрывшуюся дверь. Колтон посмотрел на него.

– Я бы пошел с ней, – просто сказал он. – Это, кстати, не входит в ее служебные обязанности... Чертовы Маккензи!

Джоэл даже не слышал его.

Все инстинкты твердили ему, что он должен остаться здесь и вести себя так же, как обычно... Ветер колотил в дверь. Снаружи бесилась белая буря, таинственный водоворот стихий, чистый, идеальный шторм...

Джоэл колебался. Колтон отвернулся от него. Никто вообще на него не смотрел. Бар был битком набит деревенскими, но ни один из них не обращал на Джоэла внимания.

Ему было тридцать пять. Он вспомнил, как его охватил порыв там, на пляже, как ему захотелось побежать за Флорой, как ему хотелось выдернуть ее из толпы во время танца... Он подумал обо всем том, что потерял, о сложности жизни...

Но здесь все казалось намного проще.

Он хотел... чего же он хотел?

Он хотел домой. Но не знал, где этот дом. Джоэл еще раз оглянулся на бар. А потом выскочил за дверь.

– Погодите! – закричал он. – Погодите, Флора, я с вами! Подождите меня!

Порыв ветра вышиб дыхание из его груди. Почти невозможно было поверить, что он находится в умеренной, сырой и туманной Британии. Джоэла как будто лупили по лицу...

– Флора!

Ветер тут же унес его крик. Джоэл огляделся и только и успел заметить что хвост Брамбла, исчезавший на дороге у дальней стороны залива.

– Подождите!

Он мчался за ней, не обращая внимания на холод и ветер, а его дорогие ботинки хлюпали по глубоким грязным лужам. Очки снова стали совершенно бесполезными, Джоэл снял их и сунул в карман. От этого мир вокруг стал еще более расплывчатым и неопределенным, чем прежде, – мир, где море и небо окончательно смешались, хотя, возможно, они и

всегда были едины, лишь тонкая линия горизонта условно их разделяла. В этом огромном белом водянистом мире Джоэл наконец докричался до Флоры и увидел, как она оборачивается, рассмотрел ее светлые волосы, изумленное лицо. Когда Джоэл догнал ее, Флора была ошеломлена, увидев его таким взъерошенным, непохожим на обычного собранного, аккуратного мистера Биндера. Волосы Джоэла прилипли к голове, вода стекала по шее, рубашка промокла насквозь.

И Флора, не сдержавшись, расхохоталась.

А Джоэл посмотрел на небо и подумал обо всех тех делах, что его ждали и которые он теперь не успевал сделать, сколько драгоценных часов он упустил и о тех нелепых обстоятельствах, что привели его сюда... Понимал ли он, во что ввязывается и будет ли во всем этом хоть какая-то выгода? Похоже, что не будет...

А потом вдруг понял, что и сам смеется, и он не мог припомнить, когда вот так смеялся в последний раз... возможно, никогда.

Флора побежала дальше сквозь дождь и ветер, Джоэл поспешил за ней, а Брамбл радостно лаял и прыгал вокруг, явно нарочно разбрызгивая лужи. Но наконец они добрались до ворот. Флора промокла уже, как никогда в жизни.

Во дворе фермы было пусто, лишь коровы и куры – братья Флоры отправились на материк.

Флора навалилась на тяжелую деревянную дверь фермерского дома под древним козырьком. Она задыхалась от бури и хохота, Джоэл уже был рядом. Флора тут же поняла, поняла инстинктивно, что именно должно произойти, и это не зависело от Инге-Бритт и всех прочих инге-бритт в мире, от Чарли и всего, что могли сказать ее друзья. И хотя Флора продолжала хихикать, а оба они промокли и выглядели глупо и вообще все казалось абсурдным, Джоэл впился в ее губы и стал крепко, страстно целовать. Флора отвечала ему тем же, и оба они задыхались... и та маленькая дверца, которую отпер Чарли, распахнулась перед неудержимым потоком.

Глава 40

Джоэлу казалось, что он целует русалку или какое-то другое морское существо. Стройное мокрое тело Флоры прижималось к нему, изумляя Джоэла, но они оба уже начинали дрожать от холода и возбуждения.

Флора открыла дверь за своей спиной, и они буквально ввалились в уютную, душистую кухню, где испускала тепло печь, в которой еще не догорел огонь. Брамбл ворвался внутрь, промчался мимо них и хлопнулся на пол перед печью, сначала, впрочем, как следует отряхнувшись. Но Флора и Джоэл не обратили внимания на брызги, разлетевшиеся с шерсти собаки.

Флора тут же принялась расстегивать пуговицы рубашки Джоэла, одновременно подталкивая его поближе к огню. Ей хотелось остановиться, прекратить эту безумную истерику, но вместо того она лишь крепче прижалась к Джоэлу, зная, что он желает ее с такой же силой, с какой она желает его.

Флоре было наплевать, что она находится в кухне своего детства. Она ничего не видела и не замечала, кроме Джоэла: его холодной чистой кожи, прижимавшейся к ней, когда он обхватывал ладонями ее лицо и крепко целовал. Его оливковая грудь с редкими волосками поблескивала в свете огня, когда они опускались на пол, никакого другого света в доме не было, электричество пропало на всем Муре.

Джоэл отодвинулся.

– Разденься! – выдохнул он. – Разденься, пожалуйста. Я должен тебя видеть. Я не могу... я должен...

Флора села.

– Ха! – выдохнула она.

И тут же принялась сдирать с себя мокрую блузку, попутно осознавая, что это необычайно сложно делать даже при свете и не проведя предварительно несколько часов в баре. В особенности притом, что в ее голове кипело: «Это же он! Это он!» Но тут же какой-то другой голос гудел: «Это кухня твоей матери! Это кухня твоей матери!»

Флора изо всех сил старалась не смотреть на собственную школьную фотографию, висевшую над печью.

А Джоэл наклонился вперед и снова ее поцеловал, и какое-то мгновение Флора не могла думать ни о чем другом.

Ее кожа оказалась именно такой, какой ее представлял Джоэл: светлой,

как молоко, белой, как небо снаружи. И она была безупречна, невыразимо чудесна. Джоэл жаждал каждого дюйма этой кожи, он хотел видеть облака, отражавшиеся в этих светлых мечтательных глазах, хотел гладить ее мокрые волосы... Глаза Джоэла жадно всматривались в лицо Флоры, впитывая его.

А она вдруг отстранилась. Да, ей хотелось видеть только его, но комната вокруг нее внезапно наполнилась призраками. Нет, не то... В этом необычном полусвете грохочущего шторма ей почудилось, что это они с Джоэлом – призраки. Что вокруг них продолжается реальная, обычная семейная жизнь: люди болтают и спорят, играют на скрипках, занимаются домашними делами, сушат у огня промокшие ботинки... Флора буквально ощущала, как они проходят сквозь нее. Она моргнула, охваченная этим странным чувством, ощущением и прошлого, и настоящего...

– О боже... – выдохнула она. – Прости... мне жаль...

Джоэл мгновенно отодвинулся и сел, а Флора стала шарить вокруг себя в поисках блузки. Джоэл направил ее руку.

– Все в порядке, – пробормотал он. – Извини, я виноват...

– Нет-нет, не в этом дело. Не в тебе.

– А в чем? – спросил Джоэл, прислоняясь к кофейному столу и прижимая ко лбу ладонь. – Черт, я хочу тебя. Я так тебя хочу! – Он осторожно погладил ее по щеке. – Я не должен был... прости. Я перешел черту.

– О нет, – возразила Флора, краснея.

Как бы ему хотелось, чтобы она раскраснелась по другой причине...

А Флора уставилась в пол:

– Прости...

Джоэл встряхнулся и наклонился вперед:

– Все в порядке, Флора. – Он поправил ей волосы. – Все в порядке.

И улыбнулся немного хищной улыбкой.

– Хотя я и могу сказать, что мне жаль. Это одно из тех немногих дел, с которыми я справляюсь очень хорошо.

Сердце Флоры подпрыгнуло. Она и поверить не могла в то, что осуществились ее долгие давние мечты, что Джоэл оказался рядом... А она не могла этого сделать. Ей захотелось плакать.

Он протянул к ней руки:

– Хочешь, чтобы я ушел?

Флора яростно затрясла головой.

– Хочешь, чтобы я остался, но ничего не делал?

Она снова тряхнула головой.

Джоэл улыбнулся:

– Хочешь, чтобы я остался и занялся кое-чем?

На этот раз она, сгорая от стыда, кивнула.

– Но я не могу, – после паузы с сожалением ответила она. – Это неправильно. Не здесь. И ты мой босс...

Джоэл снова улыбнулся.

– Тогда, – сказал он, задерживая ее руку, – тогда будет правильным спросить: а чего ты хочешь?

– Я хочу этого, – прошептала Флора, и по ее щекам медленно поползли слезы. – О Джоэл... Мне так жаль... У меня как будто дыра внутри. С тех пор, как умерла мама. Я думала, я уже в порядке. Но теперь я вернулась, и все очень плохо. Я даже не могу... Как будто чего-то не хватает. Даже рядом с тобой.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джоэл. – Что значит «даже рядом с тобой»? Я настолько ужасен?

– Нет, – возразила Флора, изо всех сил стараясь не выдать, как долго она его желала. Она вся сжалась.

Джоэл сел в старое кухонное кресло-качалку и усадил Флору к себе на колени. На спинке дивана висели два старых клетчатых одеяла, и Джоэл подтянул их к себе и закутался в них вместе с Флорой. Ему сейчас нужно было просто держать Флору рядом, не думая ни о чем другом.

– Так в чем же дело? – прошептал он.

Слезы потоком хлынули из глаз Флоры.

– Все это... возвращение сюда... Это было так тяжело!

– Мне казалось, тебе здесь хорошо, – нахмурился Джоэл.

– Я понимаю, но...

Джоэл немного подумал, вспоминая:

– Ты не выглядела довольной. В тот первый день.

– Вот не ожидала, что ты меня замечал.

– Я и не замечал, – согласился он, и в его тоне прорезался тот прежний Джоэл, которого так хорошо знала Флора. – Но я ощутил некоторое... сопротивление.

Флора вздохнула.

– Когда мама умерла, – заговорила она, – были многолюдные похороны. Пришли все до единого.

Флоре даже теперь больно было об этом думать. Тогда выдался прекрасный день. Маленькая церковь острова стояла на невысоком холме над заливом, рядом с древним разрушенным аббатством. Сама церковь была куда старше, чем кто-то мог вообразить, это был один из первых

символов христианства на острове, где прежде властвовали древние боги – Тор и Один, а еще раньше – зеленые человечки и богини плодородия, боги равноденствия, а до них – кто знает, кто еще?

Это было простое строение, с крестом во дворе – в честь погибших на войне, на нем были вырезаны имена, среди которых чаще всего повторялись Макбеты, и Фергюсоны, и Маклеоды... Внутри стояли ничем не украшенные скамьи и лежали сборники церковных гимнов, и почти не было ничего нарядного, потому что церкви на северных островах всегда были суровыми, они проповедовали тяжкий труд, а не показуху.

И, как всегда со сменой погоды, за много миль, за длинным плоским пляжем показалась вдали линия материка, черные тучи тут и там сменились голубыми просветами, и наконец все небо очистилось, и холодный белый свет пролился в стеклянные окна маленькой церкви.

Конечно, она была битком набита людьми. Все явились. Поля предоставили самим себе, магазинчики закрылись на час или около того, потому что все пошло проститься с Анни Маккензи, родившейся на острове и прожившей на нем всю свою жизнь. Прапрародители Анни говорили еще на норвежском языке, она родила троих сыновей, и ни один из них, как ни странно, не покинул остров, – и, конечно, еще и ветреную дочку, о которой постоянно шептались, только ее завидев: не замужем, знаете ли, не пристроена, живет где-то там, в Лондоне, бог знает чем занимается и, похоже, считает Мур недостойным себя...

Флора привыкла к этому, в самом деле привыкла и не прислушивалась к разговорам, она принимала соболезнования и кивала, благодаря людей за то, что пришли.

Но ей становилось все тяжелее. Особенно потом, во время поминок. Соседи приготовили печенье и чай, из булочной принесли сэндвичи, виски наливали в чайные чашки, потому что стаканов на всех не хватило. Кто-то взял с собой скрипку и заиграл печальную мелодию, и хотя разговоры звучали все громче, все равно в воздухе витало ощущение правильных проводов Анни.

А Флора могла думать лишь о том, как смотрели на нее люди, и вспоминала мать: ее бесконечное терпение, бесконечный труд, бесконечную доброту. И то разочарование в самой себе, которое Анни явно чувствовала, когда заставляла Флору заниматься танцами, ходить к репетиторам, стремиться в большой мир.

Но никто этого не замечал. Люди видели просто человека, который всегда поступал правильно, и ее, Флору, позволявшую матери трудиться...

В доме собралось множество людей, знавших Анни всю ее жизнь.

Многие из них, с грустью заметила Флора, были намного старше, они прожили куда дольше, чем ее мать, и все они говорили много добрых слов об Анни.

Хэмиш просто сидел на месте, глядя в пустоту, он даже не плакал, что пугало куда сильнее, чем слезы. Эйлид, жена Иннеса, в это время кормила грудью Агот. Флора заметила, как Эйлид спорит с мужем, видимо считая, что им пора уходить. А Финтана нигде не было видно.

Люди заговаривали с отцом Флоры, но он никого не слушал – он, судя по всему, едва ли и видел кого-то. Но вдруг все заговорили и с Флорой, и миссис Лаэрд спросила, не собирается ли Флора вернуться домой, чтобы заботиться о братьях. Тот же самый вопрос ей задали четыре раза за последние полчаса, и Флора, разозлившись на всех, хорошенько глотнув виски, подошла к отцу.

Она и сама не понимала, как много выпила. Да и отец тоже... Он встал и побрел вон из дому, через двор к морю, а за ним потянулись его друзья. И Флора, слегка спотыкаясь, пошла за ними.

– Она вышла из моря, – слишком громко заговорил отец. – Она вышла из моря. Море прислало ее сюда, а теперь снова забрало. На самом деле она никогда не была нашей.

Другие мужчины кивали и, улыбаясь, соглашались, а Флору внезапно охватила бешеная ярость, какой она никогда не испытывала в жизни, и она повернулась к отцу с криком:

– Чушь все это! Прекрати! Она никогда никуда не ходила, она никогда ничем не занималась, кроме дома, и в этом виноват ты! Это ты приковал ее к кухне! Она не была селки! Она вовсе не была морским существом, вышедшим на берег для того, чтобы стать твоей рабыней! И нечего болтать все это, лишь бы себя утешить, потому что ей из-за тебя пришлось всю жизнь провести в этой... в этой жопе!

А потом Флора убежала подальше, села на стенку причала и долго сидела там, глядя на море и чувствуя себя онемевшей, – не из-за холодного ветра, а из-за того, что она должна была чувствовать, но не чувствовала. Ее гнев на всех местных подсказывал ей, что это естественно, это нормально: горе из-за всего того, чего ее мать так никогда и не увидела, из-за внуков, которых она не будет растить, из-за всего того, чего они не сумели сказать друг другу... Все исчезло. Пропало навсегда. Это было неправильно! И Флора поклялась себе, что никогда сюда не вернется... Потом она позволила Лорне увести ее к себе на ночь, а утром села на первый паром, чтобы вернуться в Лондон, вернуться к работе и не думать ни о чем, а только повторять себе: «Я должна убраться отсюда. Я должна уехать. Я

должна уехать».

Джоэл внимательно посмотрел на нее.

– Ты действительно так и сказала – «жопа»? – мягко спросил он.

– Да... – улыбнулась Флора.

– И с тех пор сюда не приезжала?

– Я была слишком смущена, – пояснила Флора. – Это было ужасно с моей стороны.

– Нет, – возразил Джоэл. – Уверен, это было великолепно. Ты им выдала нечто такое, о чем они говорили неделя за неделей.

– Может быть, – кивнула Флора.

Каким-то образом рассказ о давнем событии снял с ее плеч тяжелый груз. Помогло и постепенное потепление, которое она ощущала на острове. А сейчас ей было так тепло, уютно и спокойно в объятиях Джоэла...

– А твоя мама какая? – спросила вдруг она.

Джоэл долго молчал, и Флора почувствовала, как он слегка напрягся. Она не думала, что вопрос может оказаться слишком личным. Но возможно, так оно и было...

– Прости, – сказала она. – Все в порядке.

Но Джоэл неловко подвигался на месте.

Снаружи продолжал грохотать шторм. Джоэл посмотрел на огонь.

– Боже, – тихо произнес он. – Как я устал...

Флора заглянула ему в лицо:

– Хочешь, постелю тебе постель?

Он посмотрел на нее:

– Не думаю, что мне это поможет.

Флора улыбнулась. Они все так же сидели, не желая нарушать чары. Потом Флора оставила мокрую одежду сушиться у огня и повела Джоэла в свою спальню.

– Это что, ты действительно их получила? – спросил он, оглядывая розочки – награды за танцы, висевшие на стенах.

– Да их все получали, – краснея, ответила Флора.

– Нет, – покачал головой Джоэл. – Ты действительно была прекрасна.

Такого никто не говорил Флоре прежде.

Джоэл лег на мягкую постель и сонно улыбнулся. Было так странно видеть его лежащим здесь – в ее детской кровати, в доме, полном ее юношеских фантазий, – но он действительно был здесь, Джоэл во плоти...

– Расскажи мне сказку, – почти засыпая, попросил Джоэл.

Он хотел пошутить, но на шутку это совсем не было похоже.

Флора как следует укрыла его одеялом и села рядом.

– Когда-то, давным-давно... – начала она.

Джоэл подумал, что ее певучий голос – самое прекрасное, что он когда-либо слышал.

– Когда-то, давным-давно, похитили одну девушку. Из замка на самом дальнем севере ее повезли через море. Она этого не хотела...

Флора замолчала. Мать часто рассказывала ей эту историю. Но что было дальше? Однако в следующее мгновение она поняла, что это не имеет значения. Джоэл закрыл глаза и моментально крепко заснул.

Флора долго смотрела на лицо Джоэла, зачарованная его красотой, изгибом рта, линией скул, и в сотый раз прокляла себя за то, что оказалась неспособна пройти через то, чего ей так хотелось.

В бесконечном разочаровании она подняла одеяло и легла, практически обнаженная, рядом с ним, под завывания шторма, бросившего горсти дождя в окно. Она чувствовала его сонное тело, вдыхала его прекрасный теплый запах, ее светлая рука легла на его грудь. Этого было недостаточно, совершенно недостаточно, но ничего другого не оставалось.

В какой-то момент они оба проснулись, но никто не мог понять, какое сейчас время дня или ночи. Флора принесла холодной воды из-под старого крана, они накрылись одеялом, находясь очень близко друг к другу, и Джоэл обнял ее.

– Прости... – пробормотал он.

Это прозвучало неуверенно и нервно и было так не похоже на него, что Флоре пришлось посмотреть на Джоэла, чтобы убедиться: это он.

– Я... ты спрашивала о моей матери.

Флора кивнула.

– Я не... я на самом деле...

– Ты не обязан рассказывать, – мягко произнесла Флора.

– Нет! – довольно резко вырвалось у него. – Нет, я должен. Я хочу... – Он глубоко вздохнул. – Я вырос в системе попечительства. У меня не было родителей. Я никогда их не знал. Были только... приемные семьи. Очень разные семьи. Множество.

Флора смотрела на него ясными глазами, стараясь не выдать охватившей ее жалости, – она понимала, что Джоэла это напугает.

– И это было ужасно? – прямо спросила она.

– Мне особо не с чем сравнивать, – ответил он. – Но думаю, что да.

– Но это в прошлом? – еще тише спросила Флора.

– Не знаю, – сказал Джоэл со всей возможной откровенностью.

И тогда наступила очередь Флоры гладить его лицо, она притянула Джоэла к себе и поцеловала.

Внезапно в дверь отчаянно заколотили, и они отшатнулись друг от друга, чары развеялись, они поспешно начали искать свою одежду. Но Джоэлу и надеть-то было нечего.

– Ой, это, наверное, Колтон нам напоминает, что платит не за это, – с нервным смешком сказала Флора.

Джоэл покачал головой:

– Может, это твой отец?

– Стучит? Зачем бы ему?

Флора натянула на себя просторный свитер и джинсы и бегом спустилась вниз. Яркое солнце, вышедшее после бури, ослепило ее, когда она пыталась понять, кто это пришел и какой теперь час. Кто вообще мог так колотить в дверь?

Стук повторился, и Брамбл заворчал, но не тревожно – это значило, что снаружи стоит кто-то ему знакомый.

– Эй, кто там? – крикнула Флора.

– Привет! – откликнулся мужской голос. – Финтан? Иннес?

Флора открыла дверь.

– Извините, – сказала она. – Только я дома.

Стоявший на крыльце человек кивнул, хотя его взгляд сразу скользнул через плечо девушки внутрь, туда, где Флора аккуратно развесила у огня мокрую одежду – пиджак, полосатую рубашку...

Флора наконец сообразила, кто это:

– Тиарлах! Что случилось? Твои ребята попали в шторм?

– Нет, слава богу, мы их вовремя спрятали в боти.

Боти – так местные называли маленькие каменные хижины в разных удаленных местах, – они давали убежище тем, кто попадал в бурю.

Флора посмотрела на часы. Ох, надо же, уже шестой час! Они проспали весь день.

– И долго они там просидели?

– Ну, сейчас они уже спускаются с холма.

– А... Так ты из-за...

Флора внезапно покраснела. Боже... а у нее в доме другой мужчина...

– Нет, просто...

Чарли как будто не хотелось договаривать.

– Ну... мне нужен трактор Эка.

– Зачем?

– Да там неприятность... – поморщился Чарли.

– Какая? – Флора мгновенно встревожилась. – Кто-то пострадал?
– Нет, не беспокойся, – ответил Чарли. – Не в людях дело. Но... ты умеешь водить трактор?

Джоэл уже стоял у печи, наблюдая за их энергичной беседой, но расслышать, о чем речь, не мог. Потом Флора обернулась, и Джоэл сразу понял по ее лицу, что она уходит, и уходит с этим мужчиной, и он не был уверен, что сможет это выдержать.

– Я должна идти. Там кита на берег выбросило.

– Там... что? – не понял Джоэл.

Он стал оглядываться по сторонам в поисках своих очков. Он чувствовал себя непривычно, ранимым и встревоженным. А Флора уже выходила из дому.

– Кит. Это иногда случается. Они теряются во время шторма.

Джоэл покачал головой, совершенно ничего не понимая. Он рассеянно достал из кармана телефон. Связь восстановилась, ему пришло множество сообщений. Но он не в силах был на них сосредоточиться.

– Флора! Ключи! – торопил девушку Чарли.

– Иду, иду!

Она задержалась на миг, повернулась к Джоэлу:

– Ты можешь остаться здесь.

– Но ты уходишь.

– Ненадолго. Я должна это сделать.

Джоэл смотрел на нее. Он не хотел, чтобы она уходила.

Зазвонил его телефон.

– Мне нужно работать, – коротко сказал Джоэл и тут же замкнулся, как захлопнувший створки моллюск.

– Нет, – сказала Флора. – Не смей! Не смей быть таким. Не надо.

– Флора! – закричал Чарли. – Прошу тебя, бога ради, ты не могла бы поспорить со своим боссом потом?!

Глава 41

Они услышали несчастного кита еще до того, как увидели его. День после бури стал до нелепости прекрасным, последние темные тучи вдали пронзали ослепительные солнечные лучи, падавшие на воду, уже спокойную, как запруда у мельницы.

Кит пел, он громко взывал к своим сородичам.

Флоре с детства был знаком этот звук, но по мере того, как она выросла, подобное случалось все реже и реже. Однако в последние годы действовала морская полиция, и, хотя местные рыбаки осуждали это нововведение, оно помогало, и теперь китов снова можно было услышать на этих широтах.

На берег выбросило самку косатки около пятнадцати футов длиной, жирную и большеголовую, ее спина горбилась, спинной плавник бил по земле. К счастью, уже был доставлен пожарный насос, чтобы поливать ее водой, и она подняла голову, так что ее дышала не забились песком. Но нужно было затащить ее обратно в воду, а значит, предстояла нелегкая работенка: надо ведь было не дать ей снова двинуться к берегу и проделать все так, чтобы не поранить животное.

Спасатели уже поднялись по тревоге, и опытная команда летела на подмогу с Шетландских островов, так что до тех пор только и нужно было, что стараться пододвинуть кита как можно ближе к воде, не дать ему пересохнуть, а стресс мог убить самку так же, как суша.

Полицейские уже обнесли пляж предупредительной лентой, чтобы не дать людям подойти к животному – всегда находились желающие сделать селфи рядом с китом – и не подпускать детей, жаждущих его погладить. Так что толпа держалась на почтительном расстоянии.

Трактор обычно водили братья Флоры, но это не значило, что она сама не умела этого делать. Отец брал ее с собой в поля с тех пор, как ноги дочери стали дотягиваться до педалей, – так он поступал и с сыновьями. И хотя Флора не проявляла особого энтузиазма, она быстро научилась управлять с тяжелой машиной.

Флора заглянула в кабину, – конечно, ключи торчали там, они всегда там оставались. Потом сбегала в амбар, чтобы взять мотки веревки, огромный кусок брезента и вообще все, что могло им понадобиться.

Джоэл наконец собрал свою одежду, как можно быстрее натянул все на себя и тут же выскочил наружу, чтобы сразу увидеть Флору. Она ехала вниз

по склону в ярком желтом тракторе. Джоэл мельком подумал, что нечасто ему приходилось встречать девушек, которые умеют такое. Он проводил Флору взглядом, но не поспешил следом за ней, а она не остановилась и не оглянулась.

Чарли руководил процессом. Кита намеревались втащить на катки и подтянуть настолько близко к воде, насколько получится. Операция предстояла сложная и деликатная, в особенности потому, что огромное напуганное существо колотило хвостом. Невозможно было смотреть на это.

Люди кричали и спорили, разбираясь, что будет лучше, некоторые думали, что нужно дождаться ветеринара береговой охраны, другие – что это займет слишком много времени и животное погибнет. Флора посидела немного в кабине трактора, потом, чувствуя себя весьма глупо, выскочила наружу, давая Чарли понять, что он может занять ее место.

Рыбаки связывали вместе свои сети. Флора наблюдала за ними, тронутая до глубины души. Потом людям придется потратить очень много времени, чтобы заново распутать их, если это вообще удастся. Страшно высокая цена, но они готовы были ее заплатить.

Флора посмотрела вверх, когда над островом принялся кружить маленький самолет. Поскольку шторм прекратился, к ним смогли добраться специалисты. Тогда, подумала Флора, ее отец и братья тоже смогут вернуться.

Но тут же возникла другая мысль: Джоэл тоже сможет теперь уехать...

Флора прикусила губу, чтобы не заплакать. А ей придется остаться здесь, по крайней мере до тех пор, пока совет не вынесет свое решение. Джоэлу здесь уже делать нечего. Он работал с крупными компаниями, поглощавшими друг друга или разделявшимися, вел большие процессы, требовавшие невероятного количества специальных знаний...

– И о чем задумалась? – спросил Чарли.

Флора дернулась и покраснела сильнее обычного.

– Да... просто беспокоюсь за бедолагу.

– Ну конечно. Понимаю. – Чарли внимательно посмотрел на нее. – Все будет в порядке. Спасибо за трактор.

– А мне теперь что делать?

– Ждать, полагаю, – ответил Чарли.

Мужчины начали осторожно окружать кита. Самка была размером примерно как трое взрослых мужчин, поднять ее просто так было невозможно. Животное издавало душераздирающие стоны.

Пока мужчины, скользя в мокром песке, пытались окружить кита

сетями, Флора медленно обошла самку вокруг, подойдя к ее голове. От кита исходил терпкий морской запах. Глаза у него были размером с чайное блюдце, в огромной пасти виднелся гигантский язык, на зубах повисли нити водорослей.

Флора так и не поняла, что заставило ее сделать то, что она сделала, – хотя ее отец и половина островитян были уверены, что знают. Пока все вокруг были заняты тем, чтобы передвинуть огромное существо к воде, Флора присела на корточки рядом с головой животного, очень медленно, осторожно, не делая резких движений.

– Тише, тише, – чуть слышно заговорила она, глядя прямо в огромный глаз. – Все хорошо, все хорошо...

Самка продолжала биться и извиваться на песке, ее хвост мотался из стороны в сторону. И она могла повредить самой себе. Мужчины то и дело отскакивали назад, не желая попасть под удары.

Флора ни на что не обращала внимания.

– Все в порядке, – снова повторила она мягко, ласково. – Да-да, все хорошо...

Медленно, осторожно она протянула руку и коснулась головы кита рядом с пастью. И тут же в ее памяти сама собой всплыла древняя песня, которую напевала мать, это был древний горловой напев тех времен, когда еще не существовало музыкальных инструментов, тех времен, когда сама музыка еще только рождалась.

Где-нибудь в Лондоне, в караоке-баре, Флора даже под дулом пистолета не стала бы так петь. Но здесь это было совершенно естественно.

O, whit says du da bunshka baer?
O, whit says du da bunshka baer?
Litra mae vee drengie.

О, что вы скажете: понесет ли лодка свой парус?
О, что вы скажете: понесет ли лодка свой парус?
Я доволен этим, парни.

Флора напевала, совершенно не замечая ни криков мужчин, ни метаний китового хвоста...

Starka virna vestilie
Obadeea, obadeea
Starka, virna, vestilie
Obadeea, money.

Сильный западный ветер —
Беда, беда наших мужчин.
Сильный западный ветер —
Беда наших мужчин, пусть будет тихо на море.

И как только свет снова прорвался сквозь последние тучи, животное вдруг перестало биться и пролежало спокойно достаточно долго для того, чтобы люди смогли подвести ему под живот рыболовные сети и с помощью трактора осторожно дотащить кита до воды.

Флора шла рядом с китом, пока Чарли медленно вел трактор, не сводя глаз с самки, продолжая напевать, и самка тоже издавала какие-то звуки, но теперь намного тише, словно понимая, что Флора старается ей помочь. Флора вдруг заметила, что и сама зашла на мелководье вместе с китом, снова как следует промокнув. Но она продолжала держаться рядом, пока трактор не двинулся обратно, передав веревки спасательной шлюпке, и только тогда, сожалея, что должна вернуться, Флора, совершенно не задумавшись, вдруг поцеловала животное в нос.

Люди в лодке ослабили сети, когда кит снова начал вертеться, а Флора стояла и наблюдала за тем, как его выводят в море, стояла долго, лодка уже превратилась в точку на горизонте, исчезая в направлении материка. И думала при этом о величии животного, о танцующем серебряном море и обо всем, что недавно произошло.

Джоэл, стоя на причале и ожидая Берти Купера, который должен был доставить его в аэропорт к сильно задержавшемуся вечернему рейсу, смотрел на эту изумительную девушку, на эту непонятную чужестранку, которая сейчас находилась там, где ей и следовало быть. А вот ему здесь делать было нечего, и он проклинал себя за то, что подпустил Флору так близко к себе, за то, что сделал то, чего поклялся никогда не делать, потому что он должен был защищаться от собственной жизни...

Да, это был безрассудный день, безрассудное время... Джоэл должен был теперь вернуться, вернуться туда, где ему и следовало находиться, в

мир высоких зданий и важных сложных дел. Он должен был серьезно обдумать предложение Колтона насчет работы в его нью-йоркском отделении... вернуться к триатлону...

Но все равно всю обратную дорогу на юг Джоэл только и мог думать что о коже настолько светлой и нежной, что, как ни осторожно он ее целовал, на ней все равно оставались чуть заметные розовые следы...

Глава 42

Все, кто участвовал в спасении кита, в итоге очутились в фермерском доме. Флора не заметила на берегу Джоэла, и у нее как будто что-то отняли из-за того, что он исчез без единого слова на прощание. Она пыталась объяснить это себе, но не могла. Вернулся ли он в «Харборс рест»? Или, может быть, отправился в «Скалу»? Там ведь уже все должно быть готово. Да, возможно.

Эта мысль Флоре понравилась. Она представила, как он ждет ее в одной из прекрасных комнат... И тут же горестно улыбнулась. Это означало бы шаг вперед. И незачем вспоминать об Инге-Бритт...

Появился Колтон, беспечно обнимавший за плечи Финтана. После перевозки скота Финтан был усталым и грязным.

– Джоэл вернулся в «Скалу»? – спросила Флора как можно беспечнее.

– О нет, – ответил Колтон. – Он уехал. Да ведь он мне и не нужен, милая, мне нужна ты.

Флора твердо заявила себе, что не заплачет. Их просто прервали, вот и все. Она поговорит с ним в Лондоне, они как следует узнают друг друга, и...

На самом деле Флора представления не имела, как это могло бы быть. Ни малейшего. Она только представляла, как рассказывает Каю о том, что произошло между ней и Джоэлом, и это выглядело ужасно. Но как она могла бы... ну да, если серьезно? Что, они продолжают эти отношения? В Лондоне? Это действительно может случиться? И они будут и дальше работать вместе – прославленный юрист и неприметная маленькая помощница? В самом деле?

Флора постаралась отогнать болезненную мысль о том, насколько это маловероятно.

– Я все-таки подумываю о том, чтобы заманить его в мой нью-йоркский офис. Или в Лос-Анджелес. Не могу решить, – спокойным тоном произнес Колтон.

Флора замерла. Она взяла с плиты кружку с горячим пуншем и стала понемножку прихлебывать.

– А что говорит на это Джоэл? – напряженно спросила она. У нее сжалось горло.

– Ты ведь знаешь адвокатов! – усмехнулся Колтон. – Они никогда не дают прямого ответа.

Это слегка ослабило тревогу Флоры, но не до конца.

– Но я не могу остаться здесь навсегда, – сказала она.

– Ну, ты передумаешь, – заявил Колтон.

– Я здесь только на лето! – напомнила Флора. – Пока не начнутся долгие ночи.

– Ну да, все селки так говорят, – мимоходом заметила миссис Лаэрд.

– Ой, замолчите!

В гостиной кто-то взял в руки скрипку – это было бы хорошим знаком, если бы вы хотели устроить вечеринку, но плохим, если вы надеялись, что вскоре все разойдутся.

– Эта вечная перевозка скота... – заговорил Финтан. – Я хочу заниматься тем, что мне нравится. Мне тридцать два года, и я не могу заниматься этим всю оставшуюся жизнь!

– Так не может продолжаться, – кивнула Флора. – Так, как сейчас.

– Но то, что я нашел, меня вполне удовлетворяет. Такое, что на самом деле по-настоящему меня радует. Наконец-то.

– О чем вы тут болтаете? – вмешался подошедший Иннес. – И кстати, Флора, ты просто чокнутая.

– Перестань! – ответила Флора. – Ты завидуешь, вот и все!

– Тому, что ты целовалась с рыбиной? Ну да, конечно.

– Вообще-то, киты – млекопитающие, Капитан Незнайка!

– «Вообще-то, киты – млекопитающие, Капитан Незнайка!» – с раздражением повторил Иннес.

– Я думала, раз у тебя появился ребенок, ты немного повзрослел.

– Вот как?

Он достал из холодильника несколько бутылок местного эля и вернулся к своим друзьям.

– Да, и еще, Иннес, – продолжила разговор Флора. – Чем ты намерен заняться в будущем? После папы ферма перейдет к тебе. И что нам делать с Хэмишем?

– Хэмиш всегда будет в порядке, – улыбнулся Финтан.

Они оба посмотрели в тот угол, где сидел их брат. Он выглядел слишком большим для этой комнаты и хмуро поглядывал на женщин, некоторые из них уже решили потанцевать.

– Никому не придется над чем-то задумываться. Никому не придется переезжать, – сказал Финтан. – А наше будущее... С Колтоном оно может стать совершенно другим. Здесь же нет никакого будущего, просто нет, и ты это знаешь.

– Хм... – промычала Флора.

– Я хочу сказать, с новыми событиями... Все может стать потрясающим! Но фермерское дело... нам не выдержать конкуренции с другими фермами, ни за что не выдержать. В современных хозяйствах молоко намного дешевле. А отправка животных на материк? В этом же нет никакой выгоды!

Флора согласно кивнула.

– Мы медленно, неуклонно катимся вниз... и ты это знаешь, и Иннес знает. Необходима полная перестройка.

– Но это земля Маккензи, – возразила Флора. – И была ею так долго! Очень-очень долго.

– Понимаю, – кивнул Финтан. – Мы должны выбрать правильный момент. Начать обрабатывать папу.

– Согласна, – улыбнулась Флора.

Флора раскладывала волованы с грибами, которые приготовили Айла и Иона. Они в очередной раз заглянули в книгу рецептов, в итоге решили набрать в лесу грибов и теперь надеялись на лучшее. И именно в этот момент в кухню ворвалась высокая фигура. Флора подняла голову. Это была Джен, и выглядела она взбешенной.

– О, это ты! – сказала Флора. – Ну... вообще-то, это мой дом, так что если ты забрела к нам для ссоры, то могу ли я попросить тебя не делать этого? Или, может быть, просто уйти?

Флора не слишком старалась быть любезной и рассудительной. В прошлом это ничуть ей не помогало.

– Мне нужно кое о чем с тобой поговорить, – заявила Джен.

– Нет, тебе нужно поговорить с Чарли, – возразила Флора, чересчур рассерженная, чтобы заботиться о тоне своего голоса.

– Тебя, похоже, слишком уж привлекает дикая природа! – прорычала Джен.

Джен была красной, и Флора подумала, не пьяна ли она.

– Не поняла? – откликнулась она – Хочешь волован?

– Ты трогала того кита!

– Да, – согласилась Флора. – Самка выглядела очень напуганной, и мне хотелось немножко ее успокоить. Так что я ее слегка погладила.

Джен резко покачала головой:

– Поверить не могу!

– Но я не стала бы трогать кита в зоопарке, – возразила Флора. – Я только хотела помочь.

– Нельзя вмешиваться в естественную жизнь природы!

– О чем это ты?

– Именно об этом, буквально! Если мы начинаем мешать ходу событий, может черт знает что произойти! Тебе не кажется, что мы и так уже слишком нарушаем пищевые цепи? Мы и так уже натворили массу ужасного, нанесли жуткий вред почти каждому виду на земле, и в особенности китам!

– Но я не гонялась за ней с гарпуном. Я просто успокаивала животное. Джен злобно вытаращила глаза:

– Тебе так кажется?!

– А что бы ты предложила? Оставить ее на берегу умирать?

– Именно это мы и должны были сделать! Киты выбрасываются на берег по причинам, которые мы не в состоянии понять! Может, она была старой! А может, больной! Откуда тебе знать?

Флора почувствовала, как по ее коже побежали мурашки.

– Да я не знаю. Но мне казалось, что так было правильно.

– Ну да, люди всегда уверены, будто знают, что правильно, а что нет! Уверены, что знают! Ты сидишь тут в своем шикарном доме со своими шикарными друзьями...

Мысль о том, что некто выросший в западном мире да еще и в богатейшей семье на острове мог назвать ферму Маккензи шикарной, окончательно разозлила Флору, но она все-таки постаралась сохранить самообладание.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Но я не могла стоять и наблюдать, как она умирает.

– Ну да, тебе важно было себя показать! – рыкнула Джен, явно задетая. Флора скрестила руки на груди.

В кухню зашел Чарли и сразу улыбнулся, увидев Флору.

– Привет! – сказал он.

Джен резко развернулась, он поначалу ее не заметил.

– Джен?

Флора внимательно наблюдала за ними. Какого черта тут происходит?

– Я просто... заскочил за пивом. – Чарли быстро направился к холодильнику. – Хорошо поработали сегодня, Флора.

Джен буквально шипела от злости. Когда Чарли ушел, она опять повернулась к Флоре.

– Мы снова вместе! – заявила она. – Так что перестань на него тарашиться!

– Ой, да бога ради! – вскинула руки Флора. – Мне и дела нет! Мне... кое-кто другой интересен.

Флора сама себе не могла поверить: она упомянула о Джоэле в разговоре с Джен!

Джен уставилась на нее:

– Тот американец, который много мнит о себе? Ну-ну, удачи! Я слышала, он уже спутался с барменшей-исландкой.

– Спасибо за информацию! – дерзко бросила Флора.

Она с трудом удерживалась от того, чтобы не выгнать Джен из своей кухни, из своего дома и вообще из своей жизни – навсегда.

А потом Флора снова проверила свой телефон. Сообщений не было.

Глава 43

Джоэл погрузился в привычную жизнь, пил с коллегами, заводил новые знакомства среди отпрысков богатых семей, которые, как и везде в мире, всегда держались вместе.

Но он никогда не разговаривал ни с одним из них. Только не о чем-то настоящем.

– Где газеты? – резко спросил он.

Марго покосилась на него. Джоэл вел себя агрессивнее обычного, и это продолжалось с неделю или около того, с тех пор как он вернулся из Шотландии. С другой стороны, он в рекордные сроки справлялся с делами, что для Марго означало сверхурочные часы работы.

– «Таймс», «Телеграф» и «Экономист», – перечислила она, посмотрев на столик в приемной. – Чего-то не хватает?

– Я же внес дополнения в список периодики, – нахмурился Джоэл.

Марго проверила свои записи.

– О да, вот оно, – кивнула она. – Но это издание пришло на день-два позже. – Она еще раз посмотрела на новое название в списке. – «Айленд таймс»?

– Там у нас тоже есть теперь интерес, – коротко пояснил Джоэл.

– Мне оставить это вместе с другой прессой?

– Нет... дайте сюда.

И ушел в кабинет, сунув газету под мышку.

Марго в полном изумлении проводила его взглядом.

Ну как он мог, думал Джоэл, как он мог не замечать Флору раньше? Потому что теперь все, что он замечал там, так это дыру размером с Флору на ее рабочем месте. Ему казалось, что он видит ее везде, куда бы ни пошел, видит ее светлые волосы, развевающиеся на ветру... Вот только сам он при этом был герметично запечатан в офисе на пятнадцатом этаже, где никогда не открывались окна и куда никогда не прорывался ветер.

Но он не мог. Просто не мог... Джоэл уже не раз и не два брался за телефон, чтобы позвонить доктору Филиппосису, но он и так знал, что тот скажет: «Отправляйся к ней. Скажи ей все».

Но Флора не вписывалась в его жизнь. И не могла вписаться. Она пока что и сама того не знала, но ее место было на том острове. Она должна была жить там, чтобы весело общаться с китами, печь что-нибудь

потрясающее, подшучивать над своими братьями. Ее лицо, такое бледное и незаметное в Лондоне, там выглядело совсем иначе. И пусть сама она думала, что будет рада вернуться в город, Джоэл понимал, что это не так.

А для него не было места в том мире. Тот здоровенный парень, Чарли... впрочем, Флора называла его как-то иначе... Тот всегда рядом. Выжидает. Он подошел бы ей куда больше. Он не такой, как Джоэл, таскающий с собой груды багажа. А что, если она уступит? Тогда беда грозит им обоим.

Джоэл по натуре своей всегда оставался эгоистом. Он не способен был заботиться о ком-то, кроме себя самого. Но когда речь заходила о Флоре...

Он взял газету. Конечно же, в ней напечатали историю о том ките.

Что так сильно притягивало его? Флора не была супермоделью. Но почему-то ее лицо, с открытым взглядом, с молочной кожей, заставляло всех остальных выглядеть чересчур искусственными, чересчур накрашенными... Все другие знакомые ему женщины походили на эксцентричные сверхдорогие коктейли, а Флора была глотком чистой прохладной воды в безумно жаркий день...

Вошла Марго с целой стопкой папок, Джоэл при этом вздрогнул, как будто его застали за просмотром порнографического журнала, и поспешил спрятать газету под одну из коробок на столе.

Обычно он набрасывался на работу, как машина. Зарывался в нее. Разбирался в сложностях контрактов и статьях законов, всегда быстро находя то, что служило к выгоде его клиентов. Всегда.

А теперь он смотрел в окно, гадая, что это за птица уселась на подоконник.

Следовало позвонить ей. Но что бы он сказал? Это все равно что шагнуть в пустоту.

Джоэл вздохнул и взял телефон.

Голос на другом конце прозвучал хрипло, и Джоэл с запозданием сообразил, что в Нью-Йорке еще очень рано. Это само по себе было весьма нехарактерно для него, обычно он держал в голове все часовые пояса, привыкнув вести дела в самых разных местах.

– Ох, извини... – пробормотал он.

– Кто это? – спросил голос. – Ну конечно же это Джоэл!

Последовала пауза, послышалось ворчание кофеварки. И голос сразу смягчился.

– Похоже, в последнее время я часто тебя слышу. – В голосе теперь звучала доброта, мягкость.

Джоэла вдруг поразила мысль о том, что он не знал, как отвечать на доброту, и потому никогда не отвечал. Но сейчас, когда у него действительно возникла серьезная проблема, он осознал, что на самом деле ему и отвечать было некому. Флора... да, плохо, что ей пришлось пройти через такое... Но у нее все равно была большая, шумная, немножко бестолковая семья. И друзья на острове, и все те люди, что просто проходили мимо, но, похоже, знали ее...

– Итак, – начал доктор Филиппосис. – Ты, должно быть, с кем-то встретился.

Джоэл вытащил из-под коробки газету.

– Э-э-э... – протянул он.

Мгновенный снимок, добавленный к статье, был изумителен, кто-то захватил Флору в тот момент, когда она опустилась на колени перед прекрасным животным, придвинулась близко к нему, нос к носу... а в волосах ее сияло солнце. Больше в кадре никого не было, издатель убрал и спасателей, и трактор, так что осталась только Флора, наедине с китом, умоляющая его вернуться в море.

– Она? Он? Нечто?

Джоэл моргнул:

– Она.

– Интересно, – прогудел доктор Филиппосис.

– И нечего удивляться! – сказал Джоэл. – Мне не нужен сеанс терапии.

– Не нужен?

– Нет, – твердо произнес Джоэл. Помолчав, он продолжил: – Мне нужен друг. Для хорошего совета. Не только ради меня. Нужен правильный совет.

Доктор Филиппосис выглянул в окно своей квартиры в центре города. Он никогда не уставал наблюдать за тем, как среди небоскребов поднимается солнце, даже если день, как сегодня, обещал быть жарким, душным и очень тяжелым. Влажность вызывала у него желание сбрить бороду. Жена еще спала. Она будет рада услышать, что звонил Джоэл. Она бы его усыновила, если бы это не привело к риску сделать положение дел еще хуже, чем оно было. Надо признать правду, в целом Джоэл не был заброшен. Его одевали и кормили, его физические потребности более или менее удовлетворялись.

Но в этом мальчике таилось что-то еще, в самой глубине. Брошенный матерью, а потом переходивший из одной семьи в другую, он не стал, как многие дети в сходной ситуации, слишком привязываться к приемным

родителям, цепляться за них, отчаянно стараясь понравиться взрослым. Вместо того он замкнулся до такой степени, что можно было считать его аутистом.

Доктор Филиппосис не пытался силой заставить Джоэла открыться, он просто позволил мальчику оставаться самим собой, направляя к тому, что могло ему понравиться, – к книгам, порядку, к чему-то удобопонятному. И изучение законов стало для Джоэла идеальным занятием: в законах все было белым или черным, правильным или неправильным. Все можно было систематизировать и разложить в папки. А вот человеческие эмоции и путаная человеческая жизнь в систему не укладывались.

– Но я тебе и друг тоже, – сказал доктор Филиппосис, видя, как в окнах высоких зданий Манхэттена постепенно начинают вспыхивать розовые и золотые блики.

Город оживал, на улицах появились бегущие трусцой люди, другие выводили на прогулку собак, а кто-то уже спешил на работу, и все эти люди выглядели с утра такими же замкнутыми, каким всегда был Джоэл.

– Она живет на одном острове... пока что... и там все так необычно... И она там на своем месте. Не думаю, что должен тащить ее в мою суету...

– Почему? Она примитивна?

– Нет.

– Она заставит тебя почувствовать себя слабым из-за того, через что ты прошел?

– Не думаю.

– Но что самое худшее, что может произойти?

Джоэл не мог этого сказать. Между ними повисло долгое молчание.

– Что ж, позвони ей, – предложил доктор Филиппосис.

– Но я не... Я не уверен, что готов.

Снова наступила тяжелая пауза.

– Так что? Я же просил дать мне совет!

– Не могу, – ответил доктор. – Я знаю, что мы друзья. Но я также несу за тебя профессиональную ответственность.

– Нет!

– Да.

– Ну, если ты...

– Никто не может вынести что-то за другого, – сказал доктор Филиппосис.

– О, прекрасно, спасибо!

– Я еще могу добавить, что никто не думает, будто готов.

- Это твое профессиональное мнение?
- Нет. Ты должен сам сделать выбор.
- Как?
- Включи воображение.
- У меня нет воображения! Я юрист!

Джоэл уставился на газету. Его собственная жизнь под блестящей поверхностью была пуста. Гигантская дыра, иногда думал он. А жизнь Флоры была совсем другой. И шаг пришлось бы сделать не маленький. Перешагнуть все. Джоэл прекрасно знал, что именно из худшего может случиться, потому что это случалось каждый раз, когда он оказывался в новой семье.

До тех пор, пока он не научился закрываться от всего.

Глава 44

Прошло несколько недель. Прежде Флора даже не представляла, каково это – быть настолько занятой, даже после того, как закончилась нелепая суэта из-за появления ее фото в газете. «Летнюю кухню» буквально осаждали покупатели. Флора с помощницами начали готовить корзины для пикников, с домашними яйцами, и деревенские ланчи, которые и вовсе стали безумно популярными как среди местных, так и среди туристов. Туристам очень нравилось брать их с собой, когда они отправлялись на прогулки в холмы или к древнему аббатству, чьи серые стены в хмурые дни отбрасывали мрачные тени, но летом неотразимо притягивали детей, бегавших вверх-вниз по развалившимся винтовым лестницам, выпрыгивавших через низкие, давно утратившие стекла окна, пока их родители сидели в высокой траве, попивая ежевичное вино Эка. Они покупали это вино по бесстыдно высокой цене, хотя, строго говоря, его вообще нельзя было продавать.

Самым странным казалось Флоре то, что она совершенно не ощущала сердечной боли. Просто не получалось. Она, конечно, грустила из-за того, что не получала вестей от Джоэла, и ей приходилось время от времени отсылать доклады Марго. Но Флора не винила его, она даже не гадала, имело ли для него какое-то значение то, что произошло между ними. Это было ее личным делом. Она должна была с этим справиться. Да, это продолжалось всего один странный день, и все. А теперь она должна была... ну да, покончить со всем. И заниматься делами. Пусть даже не всегда приятными.

А неприятное дело наконец настигло ее в один сияющий августовский день. Над морем носился бриз, нагоняя рябь на воду, а это значило, что всем понадобятся свитеры или жилеты. Но в остальном все было прекрасно, приятно было посидеть на каменной стенке причала и понаблюдать за насекомыми, лениво жужжащими над мысом. Финтан вызвал с полей Иннеса и Хэмиша, быстро поговорил по телефону с Колтоном и пошептался с Флорой. Она кивнула.

Эк дремал на солнышке за домом. У его ног пристроился Брамбл.

– Папа... – шепотом позвала его Флора. – Папа, можем мы с тобой поговорить?

– Семейный совет, – пояснил Финтан.

Агот крутилась рядом, дергая за руки Иннеса и Хэмиша:

- Я тут одна девотька! Я плинцеса!
- Привет, Агот! – окликнула ее Флора.

Она принесла всем теплое песочное печенье, только что из печи, и чайник с чаем.

Иннес с подозрением покосился на все это:

- Хочешь нас подкупить?
- Не понимаю, о чем ты.
- Ты не плинцеса, тетя Флова! – настойчиво заявила Агот.
- Да, я знаю, милая, – согласилась Флора.
- Ты селки!
- А можно об этом не болтать?
- Ты на газете!

Флоре не нравилось вспоминать о том дне. Уже не нравилось. Она здесь только до праздника позднего урожая, и все. Потом Джоэл отправится в Штаты, а она сможет вернуться к своей работе, и все будет хорошо. Она его больше не увидит. Все уйдет в прошлое.

Нет, Флора не могла в это поверить... Придется снова погрузиться в бумаги... Но она ведь собиралась кое-что изменить, они все собирались. И уже окончательно решились. Теперь им предстояло пройти критическую точку, если Финтан хотел уйти с фермы и работать в «Скале».

- Папа! – снова окликнула она отца.

Иннес выглядел озабоченным. Хэмиш, как обычно, помалкивал, сидя в углу двора, его лицо было перепачкано после тяжелой работы.

- Папа, у нас разговор...

Ферма официально принадлежала их отцу, но они прекрасно знали, как все будет дальше. Сыновья унаследуют землю – так всегда было, и так всегда будет, до тех пор пока солнце садится на западе, а прилив приносит на берег водоросли.

– Мы с Финтаном... – Она повернулась к брату. – Может, лучше ты сам?

Финтан посмотрел на нее и покачал головой:

- Ты можешь сама, Флора?

– Нет, – отказалась она. – Тогда давай мы вместе. – Флора глубоко вздохнула. – Мы получили предложение, – заговорила она. – Хорошее предложение. Очень-очень хорошее предложение. У нас хотят купить ферму.

Эк как будто не совсем ее понял. Флора вдруг поймала себя на том, что повторяет то же самое на старом языке, просто чтобы убедиться: отец понимает, о чем они говорят. Финтан держал возле уха телефон, явно

повторяя все Колтону.

– Но... – заговорил отец, – но у меня все в порядке, Флора.

– Это же наследство Агот, – в то же время произнес Иннес.

– Не надо фелму! Я плинцеса! – взвизгнула Агот.

– Не уверена, что в переговорах необходимо участие трехлетней крохи, – с легким раздражением бросила Флора.

– Но, Флора... Я же говорю, тут все в порядке, – озадаченно повторил Эк.

Флора посмотрела на провисшую перемычку над дверью, на заржавевшие сельскохозяйственные машины в поле... Отец просто не видит всего этого, поняла Флора. Мысленно он оставался в долгом золотом лете, когда она сама и мальчишки бегали вокруг дома полуголые, жутко грязные и хохочущие... Или усаживались перед телевизором и начинали отчаянно сражаться за самое удобное место, чтобы посмотреть любимые программы... Или просили его рассказать истории о прежних временах, когда людям приходилось самим ткать, самим шить себе одежду, когда их на долгие месяцы отрезало от материка, а телевизоров просто не существовало и потому они играли на скрипках и волынках... Да, слыша это, Флора и мальчишки начинали хихикать и недоверчиво вздыхать, а мать велела им не шуметь, хотя сама улыбалась и предлагала всем поджаренный хлеб и вкусный суп. Они устраивались у огня, и Флора с Финтаном снова дрались, захватывая побольше места для себя, потом все смеялись, а собаки радостно лаяли...

Вот что видел отец. Флора это знала.

– Папа, – проговорила она, – я видела расчетные тетради. Ты ведь знаешь. И Иннес знает. Мы не можем продолжать все как прежде.

Флоре вдруг захотелось залезть, как в детстве, к отцу на колени. Но отец давно уже отстранился от нее, и Флора прекрасно знала почему.

– Ничего же не осталось...

– И еще, папа, – заговорил наконец Финтан.

Он внезапно побледнел, став почти таким же, как Флора.

– Папа, я не хочу больше работать на ферме. Я хочу работать у Колтона Роджерса.

Эк моргнул. Флора настойчиво посмотрела на Финтана.

– И еще вот что... Колтон – мой милый друг.

Даже Агот затихла при этих словах.

Финтан внезапно покраснел:

– Ну... он... для меня очень важен. Я не знаю пока, могу ли я его назвать... то есть, наверное, слишком рано...

Иннес и Хэмиш сидели поодаль, не шевелясь. Флора не была до конца уверена, понял ли что-то Хэмиш, да и Эк тоже... Финтан помрачнел, как будто ждал бури протестов. Выглядел он скорее на шестнадцать, чем на тридцать два.

Агот вдруг подбежала к нему:

– У тебя ессь любимый?

– Ну, вроде того... – Финтан застенчиво улыбнулся и пожал плечами. – Не уверен пока. Но он очень хороший.

– Знатит, любимый!

Финтан присел на корточки:

– А кто твой любимый дружок?

– Пепа! – сообщила Агот.

– Пеппер?

– Пе-па! Он свинка!

Финтан улыбнулся:

– Что ж, рад слышать, что не я нынче завел самые странные отношения в этой семье.

Иннес встал и шагнул вперед, он тоже густо покраснел. Маккензи не привыкли к таким разговорам. Иннес растерянно потянулся к затылку. Флора тут же на мгновение вспомнила все их поддразнивания – в школе и дома: «Ты как девчонка. Ты просто зануда...» И прочее в том же роде.

Иннес опомнился и протянул руку вперед.

– Поздравляю, братец, – с трудом выговорил он. – Наконец-то ты кого-то встретил.

Финтан сжал его руку, братья неловко обнялись.

– Маме он бы понравился, – сказал Финтан.

– Мама знала?!

– Конечно знала. Она тебе об этом не говорила?

– Нет, никогда. Она просто хлопала нас по ушам, если мы начинали тебя дразнить.

– Вы это заслужили.

– Наверное, да. Но ей он и вправду понравился бы... у него куча денег.

– Ой! – вырвалось у Флоры.

– Что? Извини, модная важная девочка, в чем дело?

– Да, Колтон мог бы ей понравиться, потому что он приятный человек и хороший.

– Эй, хватит! – вскинул руку Хэмиш.

– Все в порядке, братец.

Все они повернулись к Эку. Он все так же сидел на месте, явно

потрясенный.

– Пап? – окликнула его Флора.

Не слишком ли ранний час для виски, подумала она. Но решила, что не ранний.

– Ох, ну да, ну да, ну да... – пробормотал Эк.

Флора положила руку ему на плечо. Финтан пытался изобразить спокойствие, но он держал на руках Агот и прижимал ее к себе слишком крепко, выдавая свое состояние.

– Я лублю Пепу! – повторила девочка, надеясь снова услышать одобрение, как в первый раз.

– Ну да...

Эк словно бы совершенно растерялся от смущения.

– Пап, ты как?

Флора опустила руку рядом с отцом на колени.

– Все в порядке, ты ведь знаешь, – сказала она. – Все в порядке.

Эк качнул головой.

– Знаю, – заговорил он с недоумением, – вы все думаете, что я просто древний балбес, родившийся до начала времен.

– Почему бы нам так думать? – спросил Иннес.

– Знаете, в те времена... – продолжил Эк, не обратив на него внимания. – В те времена... проповедник говорил в нашей церкви... что это все, что нам нужно, понимаете? Так мы и жили и в это верили. И все шло хорошо.

– Нет, люди только притворялись, что верят, – возразил Финтан. – Ты вспомни. Ведь это правда. Как насчет старого мистера Макилвани, который держал кондитерскую лавку? Он так и не женился, жил с матерью. Как ты думаешь, почему он так растолстел?

– Потому что у него была кондитерская лавка, – ответил отец.

– Нет! – возразил Финтан. – Потому что он всегда был подавлен. Ему приходилось скрывать, кто он на самом деле. Просто об этом никто не говорил. А все было иначе!

– Но церковь...

– Наша церковь в этом вопросе не лучше других. Даже хуже.

– Ничто не меняется, ты и сам знаешь, – тяжело вздохнул Эк. – Моя жизнь была такой же, как жизнь моего деда, а он жил так же, как его дед, и так далее, и так далее. А потом вдруг – бабах! Все хотят всего сразу, и все меняется!

– Обещаю, папа, ничего не изменится. – Флора погладила его по руке. – Не настолько. Не так, как во внешнем мире.

– Вот поэтому меня никогда не интересовал материк, – откликнулся Эк.

– Ну и правильно, – кивнула Флора. – Но ты ведь можешь с этим справиться, правда?

Эк посмотрел на нее:

– И мне должно это понравиться?

– Нет, – сказал Финтан.

– Так ты поэтому всегда ненавидел фермерское дело?

– Нет. Я его ненавижу потому, что здесь половину года чертовски холодно и работа слишком тяжелая.

– Другие парни не возражают.

– Мне это тоже не нравится, – уточнил Иннес.

У Эка вытянулось лицо.

– Хэмиш?

Хэмиш пожал плечами.

– Ну, мне бы хотелось иногда чем-то заняться в доме, – тихо произнес он.

Для Хэмиша это была по-настоящему длинная речь.

Эк встал. Солнечный свет заливал поля, резкий ветер проносился над жесткой травой на дюнах.

– Брамбл! Бракен! – позвал Эк собак. – Идемте со мной. Погуляем.

Псы вскочили и настороженно огляделись, словно чувствуя напряженную атмосферу.

Эк схватил свою старую трость, стоявшую у двери, и зашагал прочь. Собаки побежали за ним.

Оставшиеся переглянулись.

– Ну, – осторожно начала Флора, – похоже...

Иннес уже отвернулся от нее.

– Так ты завел роман с миллионером? – спросил он Финтана.

– Да нет... – пробормотал Финтан.

– Что?

– Ну, он вроде как миллиардер...

Иннес крепко выругался.

– И ты хочешь на него работать?

– Уже работаю.

– А он может дать нам за ферму миллион фунтов?

– Нет. Так тебе не разбогатеть.

– Ох, зато ты можешь!

Флора поставила на стол мясной пирог, и они с Финтаном и Иннесом принялись обсуждать возможные планы: превратить ферму в ресторан как часть комплекса «Скалы» и выращивать здесь все, что понадобится для меню, собирать водоросли, держать маслодельню, делать сыр и, конечно, разводить скот на мясо.

– Все должно быть натуральным, – говорила Флора. – И нужно найти специалистов, чтобы помогли советом насчет увеличения урожая, а не просто растить то, что само вырастет.

– Это будет стоить больших денег, – заметил Иннес.

– Да, но мы найдем инвесторов. Я серьезно, Иннес. Вся эта отправка телят на материк... Чем это обернется в долгосрочной перспективе? Тебя задавят крупные хозяйства, ты и сам это знаешь. Это верный путь вниз. И при этом сюда приезжают люди, готовые платить хорошую цену за молоко и масло, за наилучшее мясо, за прекрасные свежие овощи и прочее. Мы будем дураками, если не воспользуемся возможностью.

– Но потерять ферму...

– Колтон будет только рад ставить на всем имя Маккензи, – заявил Финтан. – Это придаст продукции аутентичность, ну, вроде как все происходит с настоящей семейной фермы.

– Но она уже не будет нашей.

– Строго говоря, не будет.

– А значит, она уже не достанется Агот, – добавил Иннес.

Агот под шумок стащила сумочку Флоры и теперь размазывала по всей физиономии губную помаду.

– Да, это потеря, – согласилась Флора.

Они замолчали, глядя друг на друга.

– Не знаю, есть ли у нас выбор, – сказал наконец Финтан.

– Вроде нет, – ответил Иннес. – Но что, если вы с ним разойдетесь? Нам придется вернуть деньги?

– Вообще-то, – сказал Финтан, – у меня есть очень хороший юрист, который сможет это уладить и позаботиться о нас. – Он посмотрел на Флору.

– Хэмиш, – спросила она, – а ты что думаешь?

– А если я буду работать в ресторане, я буду получать больше денег? – ответил вопросом брат.

– Да, – уверенно произнесла Флора.

– Столько, чтобы купить машину?

– Ага.

Хэмиш кивнул. Все ждали, но он, похоже, уже все выложил по этой

теме.

– Ну... – протянула Флора.

И тут раздался стук в дверь. Большинство жителей Мура просто открыли бы дверь и вошли. Но Иннесу пришлось встать и открыть ее.

Снаружи стоял Чарли, вертевший в руках шапку.

– Привет, – сказал он.

– Трактор во дворе, – сообщил Иннес.

– Нет-нет. Он мне не нужен.

Он окинул взглядом комнату, увидел всех братьев и Агот и покраснел до ушей, он совсем не был похож на самого себя.

– Э-э-э... – пробурчал он. – Флора!

Братья, обрадовавшись тому, что слишком тяжелая и серьезная беседа оказалась прервана, откинулись на спинки стульев.

– Флора! – сказал Финтан. – К тебе кое-кто пришел.

– Похоже, не один Финтан завел роман, – усмехнулся Иннес. – Но могу поспорить, у Чарли нет миллионов долларов.

– Да заткнитесь вы все! – огрызнулась Флора.

Впрочем, ей не показалось ужасным то, что все стало как прежде. На один день им вполне хватило уже разговоров о чувствах и делах, так что вернуться к перебранке было приятно.

– Эй, ты не хочешь прогуляться с Брамблом?

– Он... уже гуляет с отцом, – напряженно ответила Флора.

Она еще не забыла своего разговора с Джен.

– А... ну да, – сказал Чарли и повернулся, чтобы уйти. – Извините.

Флора прикусила губу. Они все равно еще не пришли к решению. А ей пока что более чем хватало и фермы, и семейных тревог, и бессонных ночей, и горького разочарования, и сомнений в себе – всего того, через что ей пришлось пройти после отъезда Джоэла. Более чем хватало.

– Эй, я хотела сказать, что прогуляюсь с тобой. Если ты за этим пришел.

Забавно было думать, что Флора, познакомившись с Чарли, решила, что он обладает уверенным, крутым характером. Сейчас, запуская здоровенную ладонь в собственную шевелюру, он уверенным не выглядел.

– А... Ну да... Хорошо...

– Поищу папу, – решила Флора, хватая свой вязаный жакет и не обращая внимания на понимающие взгляды братьев. – А вы все заткнитесь! И помойте посуду.

Подбежала Агот, перемазанная дорогой косметикой Флоры.

– Он твой длузок? – серьезно спросила она Флору. Потом повернулась

к Чарли. – Ты длузок!

– Да, дружок! Приятно это слышать, Агот, – торжественно ответил Чарли. – Хорошего вечера всем вам.

Глава 45

Вечер наступил сияющий. Солнце зависло в небе, его траектория приближалась уже к высшей летней точке. Флора отобрала у Агот помаду, предоставив Иннесу разбираться с остальным, и быстро подкрасила губы. Солнце украсило россыпью веснушек ее лицо, и еще Флора заметила, что постоянное движение с тех пор, как она сюда приехала, слегка укрепило ее мышцы, избавив их от лондонской вялости.

Чарли молча шагал с ней рядом. Он, похоже, был не из тех, кто стремится заполнить пустоту постоянной болтовней, нелепыми шутками или замечаниями об окружающем. Если не считать короткого волнения при входе в фермерский дом, Чарли выглядел спокойным. Довольным собой. Полная противоположность Джоэлу, подумала Флора. Нет, она не будет думать о Джоэле. Не будет. Все закончилось. А сейчас...

Она покосилась на Чарли, на его мощные плечи, на его четкий профиль...

– Тиарлах, – негромко заговорила она, – я совершенно не хочу вмешиваться... И возможно, я произвела неправильное впечатление...

Чарли повернулся к ней, все так же молча, вполне довольствуясь тем, что они идут рядом и он ее слушает.

– Но Джен... – продолжила Флора. – То, что случилось на том приеме... Я хочу сказать, какого черта ты так поступаешь?!

– Не зря говорят, что селки сразу переходят к сути, – вздохнул Чарли.

– Не меняй тему! Ты говорил, что вы расстались.

– Так и есть.

– Но Джен... она утверждает, что это не так. Что вы взяли перерыв, но по-прежнему вместе.

– Ну... Не так. Я ей говорил об этом.

Флора вдруг сообразила, что Джен не заходила в их лавку уже неделю. Может, и вправду так?

– Говори, что конкретно произошло, потому что для меня это по-настоящему неприятно.

– Ладно-ладно...

Они еще какое-то время шагали молча, и Флоре вдруг отчаянно захотелось, чтобы рядом оказался Брамбл. В неловкие моменты, бывало, очень полезно погладить пса, что-нибудь сказать ему...

Чарли шумно вздохнул:

– Извини. Все так запутано... Все всегда было запутано. Мы вместе ведем дело. Мы были вместе восемь лет. Я не хотел... Это привело бы к неприятностям и могло вообще все разрушить. Погубить дело. Для его начала денег дал ее отец, и... ну и ее семья, то есть на самом деле обе семьи... они всегда ожидали, что мы поженимся.

– Наверное, вас сосватали еще в пятилетнем возрасте, – покачала головой Флора.

Но прозвучало это совсем не смешно, и она тут же пожалела о своих словах.

– И не то чтобы я не считал ее отличной женщиной... во многих отношениях она замечательная, – решительно продолжил Чарли. – Джен помогла множеству обездоленных детей, она работает, как никто другой. Она заботится обо всех и обо всем.

– Тогда почему ты решил с ней расстаться? В чем причина? Или ты встретил кого-то еще? – с любопытством спросила Флора.

Большинство знакомых ей мужчин прекращали старые взаимоотношения, когда у них начинались новые.

Чарли искоса посмотрел на нее:

– Ну, в общем...

– Ну, я не желаю иметь к этому никакого отношения! – рассердилась Флора.

– Нет, – возразил Чарли. – Нет, не в тебе дело. Это было в день Хогманая, канун Нового года... Тогда все просто с ума сходят, ты ведь знаешь.

– Знаю.

Флора с некоторой даже нежностью вспомнила безумные праздники на площади, продолжавшиеся ночь напролет, костры, ожидание первого гостя в доме... Мать никогда не хотела отпускать Флору, но братья обещали присматривать за ней – что, конечно, было совершеннейшей чушью. Хэмиш обычно топтался рядом со своими дружками, о чем-то говоря, Иннес удирал за какой-нибудь красоткой, а Финтан, как правило, постоянно хмурился и отказывался буяннить с местными парнями. А Флора чувствовала себя свободной до головокружения, она веселилась всю ночь на ледяном холоде, пила сидр и хохотала так, что ей самой казалось: она вот-вот лопнет от смеха.

– В общем, я был у Фрезеров, вместе с Джен, и все меня поддразнивали, твердили, что я должен наконец сделать ее честной женщиной, ну, ты понимаешь... а я думал, что если я сделаю ее честной женщиной, то себя сделаю бесчестным мужчиной. Вот так...

- Но ты не сказал, что между вами все кончено.
- Мне бы хотелось выглядеть храбрецом, Флора. Но я не таков. Они оба улыбнулись.
- Короче говоря, она малость разозлилась... – пробормотал Чарли.
- Это же было в декабре! А теперь уже август!
- Но нам ведь по-прежнему приходится работать вместе.
- Ты должен ей объяснить, что всему конец. Она сама так не думает.
- Я знаю, – кивнул Чарли, – знаю...

Он снова повернулся к Флоре. Совершенно не замечая, куда идут, они следовали тропе и вот уже очутились на мысу. Чарли смущенно посмотрел на Флору.

– Ты тот человек, который... заставляет меня чувствовать... чувствовать, что я должен измениться, что должен изменить свою жизнь... так же как ты меняешь свою.

– Я ничего не меняю. Я останусь только до праздника Лугнасада. Здесь я всего лишь по службе.

– Думаю, это нечто большее, – покачал головой Чарли.

Флора внимательно посмотрела на него. Густые вьющиеся волосы парня падали на высокий лоб. Чарли уверенно стоял на мысу, на фоне скал и яркого неба, голубого, как его глаза. Он выглядел так, словно вырос из этой земли. Он был таким островитянином, таким северным бриттом... Флора даже представить не смогла бы его в Лондоне, да и вообще в каком-то городе. Он сросся с землей, на которой стоял.

Флора снова подумала о Джоэле. Кинозвезда, вот кем он был для нее. Необходимо было это признать. Точно так же она в свои четырнадцать лет потратила целый год, снова и снова просматривая «Властелина Колец» и замирая при появлении в кадре Орlando Блума. Тогда она мечтала о том, что создатели фильма могут вдруг явиться для съемок на Мур, если им до чертиков надоест Новая Зеландия.

Но этого не произошло. По крайней мере, пока.

Именно к тому миру принадлежал Джоэл. К маленькому миру фантазий или чего-то такого, что доставляет удовольствие в скучные дни. Он чудесно улыбался – изредка, – и... ну да, однажды она даже спала с ним, ну вроде как... по крайней мере, рядом... Забавно. Но, решительно напомнила себе Флора, для него это ничего не значило. Ничего. Ведь потом не последовало ни телефонного звонка, ни сообщения, ни электронного письма. Джоэл уехал и вернулся к прежней жизни, забыв о Флоре, об острове, обо всем. Он мог даже уехать уже в Штаты, не потрудившись дать ей знать. И что она теперь намерена делать? Тратить годы на мечты о нем?

Годы своей жизни убить на фантазии, как об Орландо Блуме?

Но когда она смотрела на Чарли, что-то трепетало у нее внутри. Это было настоящим. Это было чем-то основательным, крепким.

– Я живу в Лондоне, – сказала она.

– Да, но ты местная, – пожал плечами Чарли. – Ты островитянка. Даже более того, если верить всем этим суеверным чокнутым.

– Они не чокнутые.

– Ну, я просто так выразился. Островитяне понимают друг друга.

Он обнял Флору за плечи. Отсюда, с самого края мыса, они видели немалую часть острова. Залив, начало бесконечного белого пляжа за ним, скалы за песком, ферму. К берегу шла лодка Берти, вместе с хлопотливыми рыбацкими лодками. Магазины уже закрывались – к удивлению туристов, которые никак не могли осознать то, что, хотя вокруг светло, как в полдень, на самом деле время совсем другое. И еще отсюда виден был комплекс «Скалы», прекрасных зданий, уже полностью готовых.

До того как родился отец Флоры, большинство людей, родившихся на Муре, никогда его не покидали. И горизонт очерчивал пределы их мира. У них случались гости, иногда кто-то вторгался на остров, но большинству были знакомы только это маленькое поселение да еще простор моря и продуваемой ветром земли. И это было прекрасно.

– Это в твоей крови, – тихо произнес Чарли.

Флора вдруг осознала, что они стоят очень близко друг к другу, ветер треплет ей волосы и раздувает юбку. Она повернулась к Чарли, а он нависал над ней, такой же основательный, как почва под ее ногами.

Чарли протянул руку, и Флора сжала ее, глядя на море, наблюдая за тем, как на поверхности воды появляются головы тюленей.

– Они не могут поставить здесь эти жуткие ветряки, – сказала Флора.

– Именно так, – согласился Чарли.

Он чуть сжал руку Флоры. Потом они посмотрели друг на друга. И все – несущиеся белые облака, порхающие вокруг птицы, колышущаяся трава – как будто застыло. Флора придвинулась к Чарли... чуть-чуть.

И вдруг на них с сопением набросилось нечто огромное. Они виновато отскочили друг от друга.

Это был Брамбл, энергично фыркавший и лаявший.

– Привет, – опускаясь на корточки, сказала Флора. – Что это ты вытворяешь?

Брамбл продолжал фыркать и сопеть, дергая ее за рукав.

– Он как кенгуру Скиппи! – засмеялся Чарли.

Напряжение исчезло, растаяло.

– Смотри, Флора, он пытается что-то тебе сказать. Неужели малыш Тимми снова свалился в колодец?

Флора покачала головой:

– Не надо... собаки действительно знают...

– Или чуют сосиску у тебя в кармане.

– С какой стати я стала бы совать в карман сосиску?

– Ну, ты ведь так увлеклась новой карьерой пекаря-повара, могла случайно ее туда сунуть.

Флора улыбнулась, но ее уже охватила тревога.

– Где папа? – спросила она Брамбла. – Ты что, сбежал от папы?

Флора подумала о том, какое серьезное и усталое лицо было у отца, когда он выходил из дому. Она не видела его, когда они шли сюда, – хотя вряд ли могла увидеть, тут же подумала Флора. Она шла рядом с этим большим, широкоплечим мужчиной, пытаясь подладиться к его быстрому шагу, думая о том, какие у него умелые руки, каким сильным он выглядит.

– Он хочет, чтобы мы пошли с ним, – сказала Флора.

– Ты же не всерьез?! – засмеялся Чарли.

– Все равно мне нужно найти папу.

– А ты понимаешь всех животных или только китов и собак?

– Ты можешь острить сколько угодно, – ответила Флора, – или можешь просто пойти со мной.

– А можно все сразу? – усмехнулся Чарли.

Она посмотрела на него, щурясь из-за солнца, и оба они улыбнулись.

– К тому же, – уже серьезно заговорила Флора, когда они уходили с мыса, – разве тебе не нужно тоже с кем-то поговорить?

Люди посматривали на них, когда они вместе спустились в городок. Флора гадала, не начнутся ли теперь сплетни. Она также думала, что Чарли снова возьмет ее за руку, но он этого не сделал. Конечно не сделал. Флора почувствовала, что начинает краснеть. Но ей все равно нравилось, что он рядом.

– Вы не видели моего отца? – спрашивала она лавочников.

Энди из «Харборс рест» не видел, Инге-Бритт тоже, она, как заметила Флора, кокетничала с каким-то норвежцем и выглядела такой же бодрой и удручающе цветущей, как всегда.

Брамбл вроде не старался привести их куда-то конкретно, он просто был доволен тем, что они рядом и что Флора не стоит на месте. Флора забеспокоилась уже всерьез. Она предположила, что наиболее очевидным местом, где можно найти отца, был паб, где Эк мог съесть что-нибудь

жирное и пожаловаться на своих бесполезных и неблагодарных отпрысков и где, как надеялась Флора, он мог, после нескольких часов прогулки, прийти к какому-то решению. Но и в пабе отца не оказалось.

Ей не хотелось звонить на ферму, но она это сделала.

– Нет, – ответил ей Финтан. – Он не возвращался. А разве он не с тобой?

– Нет, зато Брамбл здесь.

– Брамбл его оставил?

– Понимаю.

– Но с этим псом вечно случается что-то ужасное, как только ты оказываешься рядом!

– Ой, перестань!

Финтан немного помолчал.

– Ты на сто процентов уверена, что его нет в пабе?

Оба они вдруг с ужасом подумали о том, как мало на острове мест, где мог оказаться Эк, и как мало он в последнее время делал на ферме...

– А «лендрровер» дома?

После паузы Финтан сообщил:

– Ага.

– Может, ему просто необходимо погулять? Ведь на него столько сразу свалилось... Все новое, непонятное. А погода хорошая.

– Может быть, – согласился Финтан. – Вот только странно, что Брамбл...

Они снова помолчали.

– Как мне ненавистно быть взрослой! – сказала Флора.

– Ну что ты, это потрясающе, – возразил Финтан. – Эй, а как там твой здоровяк?

– Позвони, если папа вернется, – сказала Флора и отключила телефон.

Собралась уже целая толпа народа, девушки из пекарни выглядели озабоченными, и Флора слышала, как люди тихо говорят о возрасте Эка и его общем состоянии. Но он ведь не был настолько уж старым, разве не так? Он был в полном порядке, ее папа. Ведь так?

Появился хмурый констебль Кларк.

– Наверное, нужно сообщить властям? – спросил какой-то турист, проходивший мимо, но остановившийся, чтобы узнать, не сможет ли он чем-то помочь.

Все повернулись к нему.

– Уже, – сказал Энди из паба.

Турист поморгал:

– Ну а фото у вас есть?

Все посмотрели на Флору, и она густо покраснела, глядя в свой телефон.

Флора, к собственному ужасу, поняла, что, хотя у нее нашлось штук семьдесят снимков Брамбла и Бракена, видов «Скалы», две фотки с вечеринки, с Джоэлом на заднем плане – ей отчаянно хотелось сфотографировать Джоэла, когда он спал, но она не осмелилась, – ни одного фото отца среди всего этого не было.

– Мы и так знаем, как он выглядит, – к великому облегчению Флоры, заявил Энди.

На главную улицу прибежали Лорна и Сайф, присоединившись к толпе.

– Что ж, за дело, – сказал Кларк. – Разделимся. Кто живет на западной стороне, ищут на западе, кто на востоке – со своей стороны. А я предупрежу спасателей.

Флора кивнула. Ее сердце колотилось, она удивлялась тому, как быстро все обернулось так серьезно. Эх ведь отсутствовал всего пару часов...

Вперед вышел Чарли:

– Хочешь, начнем поиски с холмов?

– Нет, – возразила Флора. – Он бы туда не пошел.

– Но ведь может быть, что Брамбл именно поэтому от него отстал.

Брамбл тем временем шумно лакал воду из миски, которую принес для него Энди. Псу не нравилась жара.

– Нет, ему бы радикулит не позволил, я так думаю...

Все посмотрели на горизонт. Небо было таким чистым, что видна была его линия, обычно скрытая облаками или низко залегшим туманом.

– Я свяжусь по рации с Джен, – решил Чарли.

И тут же замер, сообразив, что сказал.

Флора глянула на него:

– Да, пожалуйста, свяжись.

Пока он этим занимался, Флора делала вид, что ищет что-то в своем телефоне.

Джен в это время наверняка разбивала лагерь для ночевки. Флора смутно опасалась, что это был единственный момент, когда Чарли чувствовал себя в безопасности, встречаясь с ней. Она услышала бормотание в рации, и сразу стало ясно, что Джен ее отца не видела, но готова осмотреть все вокруг. Потом Чарли замолчал ненадолго и бросил взгляд на Флору. У нее слегка подпрыгнуло сердце.

– И еще, Джен... – произнес Чарли. – Когда ты спустишься... можем мы поговорить?

Флора отошла подальше в сторонку, чтобы не подслушивать. Куда же подевался ее отец? Хотел ли он, чтобы его искали? Может, ему просто все надоело до чертиков?

Хотя солнце еще стояло высоко, время близилось к девяти вечера. Если бы только у отца был мобильник... но Эка так и не удалось убедить, что телефон ему необходим. Старику просто в голову не приходило, что ему может кто-то срочно понадобиться. Все, с кем он хотел бы поговорить, либо жили совсем рядом, либо он мог дойти до деревни и найти их. А все остальное было не для него.

«Ох, папа, ну куда ты подевался, черт побери?! – думала Флора. – Куда мог уйти?»

Ее пробрал озноб. Она не могла потерять еще и отца. Этого старого глупца. Но что, если он действительно потерялся? Споткнулся, упал с утеса? Тропы здесь опасные даже в хорошую погоду. А ветер снова усиливался. О господи... нет! Ей этого не вынести.

Флора опять подумала о Джоэле, но на этот раз иначе: как о человеке, не имеющем семьи. Не имеющем родителей. Вот что было главным. Не то что Джоэл был надменным и ставил себя выше других. Он был таким одиноким в ледяной вселенной... нечего удивляться тому, что он стал блестящим юристом, великолепно умел вести переговоры... Ему просто нечего было терять. Но никто этого не понимал.

Флора вообразить не могла такого. Несмотря на то что она оказалась вдали, она лишь теперь, глядя на улицу, заполненную людьми, кое-что поняла.

Они сообщали друг другу новость, переходили от группы к группе, чтобы поговорить, и весть разлеталась быстро, люди спешили на помощь, бросая дома, чтобы отправиться на поиски ее отца. Где бы Флора ни очутилась, невидимая сеть, протянувшаяся от дома, окружала ее, защищала ее, помогала ей. Показывала, что она всегда может вернуться, даже если сама того не осознает.

Флора сморгнула с глаз слезы.

– Папа! – выдохнула она. – Папа!

И снова уставилась на телефон. Ничего. Брамбл подошел к ней, и она зарылась пальцами в его густую шерсть – тепло тяжелого собачьего тела успокаивало.

– Папа...

Чарли был рядом, она это знала. И со всех сторон находились люди,

помогая, заботясь, защищая.

Слезы все же покатались по ее щекам.

– Папа...

Флора отчаянно, стремительно соображала. С кем бы захотел поговорить ее отец, с кем рядом он пожелал бы очутиться?

И тут ее озарило. Она все поняла.

Глава 46

Церковь стояла рядом с развалинами аббатства, на той же земле. Большинство людей, приходивших осмотреть потрепанные временем руины, удивлялись, обнаружив, что среди древних осыпавшихся камней находятся свежие могилы, и тем не менее они там были.

Могила матери Флоры выглядела скромно. Отец не видел необходимости устраивать суету по этому поводу – он вообще никогда в жизни ни из-за чего не суетился и не собирался устанавливать какие-нибудь затейливые украшения в честь своей жены, в особенности с тех пор, как решил, что она вернулась туда, откуда пришла.

Сказав Чарли, что ей нужно быстренько кое-что проверить, Флора побежала по центральной улице, и Брамбл весело помчался за ней, довольный тем, что она наконец сообразила, чего он от нее хотел.

У маленькой калитки, что вела на церковный двор, Флора остановилась. За ее спиной маячили древние камни аббатства, мрачные даже в ярком летнем свете. Туристы уже вернулись в паб, чтобы перекусить жареными креветками и поболтать о вечно висящем в небе солнце; двор опустел.

Почти опустел. Брамбл ринулся вперед, но Флоре не нужно было спешить за ним, чтобы узнать, куда он направился.

Могила матери находилась в самом дальнем конце кладбища, прямо у волноотбойной стены, и смотрела на север. Флора увидела отца, сидящего на груде булыжников перед могильным камнем. По лицу Эка медленно текли слезы. Брамбл уже улегся рядом, положив голову ему на колени.

– Папа! – тихо окликнула Флора.

Сначала он ее не услышал. Он продолжал склоняться к надгробию, плачущий старый человек...

– Папа! – повторила Флора и села рядом на камни.

– Ох... – сердито выдохнул Эк, увидев дочь, и торопливо вытер лицо. – Нет, Флора, уходи.

– Пап, все в порядке.

– Ох нет, – покачал он головой. – Прощу...

– Я понимаю... Просто я не знала, куда ты пропал.

– Я же не потерялся.

Флора тактично решила не упоминать о том, что примерно восемьдесят процентов жителей деревни давно уже ищут его по всему

острову, заглядывая в каждый овраг и яму, и что они рано или поздно добрались бы и до церковного двора.

– Папа... мне так жаль. Никто не хотел тебя огорчать. Финтан...

Эк снова качнул головой:

– Нет, о нем я не беспокоюсь. – Он отвернулся, все еще стыдясь того, что Флора видела его слезы. – Но ферма... это так тяжело. Тяжелее не придумать. Многие поколения Маккензи работали на этой земле.

– Но они никуда не уйдут, пап, в том и смысл! А если не начать перемены, то скоро все рухнет. А так... твоё имя станет широко известным. Куда известнее, чем если бы ты просто продолжал все как раньше! Это ведь наилучший выход. Да ты и сам это понимаешь, так ведь?

Старый Маккензи смотрел на море и молчал.

– А еще подумай о деньгах. Разве не приятно было бы иметь их побольше?

– И что бы я делал с этими деньгами?

– Ты мог бы отправиться в путешествие. Повидать разные места. Купить...

Флора вдруг осознала, что отец абсолютно прав. Он никогда не стремился обладать множеством вещей. «Лендровер» он менял раз в двадцать лет, одежду подолгу носил одну и ту же, даже чинил ее сам, когда что-то рвалось. И мысль о том, чтобы Эк отправился в модный ресторан или поселился в дорогом отеле и сидел там у бассейна, вызывала улыбку.

Мать Флоры однажды настояла на том, чтобы совершить туристическую поездку в Испанию, когда дети уже выросли, но Эку ненавистна была каждая минута этого путешествия.

– Дело даже не в том, что ему там было противно, – говорила потом мать Флоры. – Он просто совершенно не понимал, чем ему там заняться. Вообще не видел смысла в таком отдыхе.

– Ферма все равно будет нашей, – продолжала Флора. – Люди будут называть ее фермой Маккензи и после того, как всех нас не станет.

Эк погладил камень на могиле жены.

– Да разве это вообще имеет значение? – пробормотал он.

– Конечно имеет! – испуганно возразила Флора.

Эк кивнул и тяжело вздохнул. Потом повернулся к дочери:

– Она так тебя любила, ты ведь знаешь.

– Знаю. И я тоже по ней тоскую. Каждый день.

– Она скучала по тебе. Очень скучала.

– Мама сама велела мне уехать.

– Конечно велела. Она думала, что так будет правильно. Думала, что

там тебя ждет по-настоящему прекрасная жизнь.

Флора смахнула слезы.

– Она просто не стала просить, чтобы ты осталась здесь, – проговорил отец. – Мальчики – другое дело. Но я думаю, Финтан тоже хотел бы...

Флора кивнула. В горле у нее стоял ком, она не могла ничего сказать.

– И она всегда надеялась...

– Пожалуйста, папа... – выдавила из себя Флора, глядя в землю. – Только не говори, будто мама надеялась, что я вернусь! Мне этого не вынести!

Эк удивленно посмотрел на нее:

– О нет, милая. Нет, ничего подобного. Она всегда надеялась, что ты сумеешь построить собственную жизнь так, как тебе нравится, где бы ты ни была.

Эк опустил голову:

– После похорон...

– Папа, я же на самом деле ничего такого... Я была так расстроена... Я не понимала, что говорю! Прости, мне так жаль... Хотелось бы мне...

– Нет-нет. Я думал об этом. Все эти годы. Я много думал об этом. И решил, что ты, возможно, была права. Что мне надо было позволить ей расправить крылья. Не то чтобы я и вправду думал, будто у нее есть крылья... до того, как ты мне сказала такое...

Для Эка это была очень длинная речь, и Флора напряженно слушала.

– Поэтому я и не пытался тебя вернуть. Не суетился из-за этого. Мне была страшна мысль о том, что я держал ее здесь на привязи. Привязал к нам, к ферме.

Флора покачала головой. У нее внезапно появилась некая мысль, и она стала рыться в своей сумке.

– Я тоже много об этом думала, папа. Много. И теперь, когда я вернулась сюда, я поняла, что ошибалась.

– О чем это ты?

Флора достала из сумки тетрадь рецептов, старую, потрепанную.

– Рецепты твоей матери, – недоуменно произнес Эк, надев очки. – Ну да, это они.

– Нет, загляни внутрь.

Она открыла тетрадь на странице, озаглавленной: «Наилучший в мире торт в честь дней рождения моих лучших в мире мальчиков».

На другой странице, над рецептом супа было написано: «Для Хэмиша, когда его побьют другие ребята и ему будет очень плохо».

Еще в тетради был рисунок: счастливые лица всей семьи, с подписью:

«Мы всегда победим!»

Короткие замечания, перечень ингредиентов, которые нравились Анни, – «Белого перца здесь больше, чем Эк может выдержать», – испещряли страницы, заполнявшиеся год за годом. Особенно чудесными были страницы, отведенные Рождеству: здесь были рисунки Санты, сделанные детскими руками, а рядом – рецепт рождественского торта.

Эк держал тетрадь так, словно это была некая священная реликвия:

– Это...

Теперь Флора была совершенно уверена. Она показывала отцу рецепты, озаглавленные «Походное рагу», или «Счастливый пирог», или «Горячая кружка для доброго сна», – и тут же была нарисована детская люлька, освещенная луной.

– Это не могла сделать несчастливая в своем выборе женщина, – сказала Флора.

Эк посмотрел на дочь. И с трудом заговорил:

– Ты ее заберешь с собой? Она же может потеряться, или ее украдут, или еще что-нибудь случится...

– Вот поэтому я сделала с нее ксерокопии, – ответила Флора. – Для «Летней кухни». Для потомков. Для Агот. Обещаю, копий будет много.

– Хорошо, – согласился Эк. – Потому что эта тетрадь нужна мне. – И он осторожно спрятал ее под свою старую куртку.

Они еще немного посидели там. Отец обнимал Флору и тихонько покачивался в ритме волн, набегавших на стену вокруг церковного двора.

А когда Флора выплакалась, он сказал:

– Дай мне руку, милая.

Они встали, рука об руку, и тут увидели первого из поисковиков, входившего во двор церкви с криком:

– Эк! Эк!

И тут же послышались радостные крики, люди сообщали друг другу приятную весть.

Старик удивленно уставился на них и положил руку на крепкую спину Брамбла, ради опоры.

– О нет... – проговорил он. – Вы что, послали всех искать меня?

– Они сами себя отправили, – возразила Флора. – Все очень тревожились за тебя.

Эк в последний раз покачал головой. И снова посмотрел на дочь:

– Как же я буду по тебе скучать, когда ты уедешь, Флора Маккензи!

– Я задержусь до Лугнасада, – смущенно произнесла она.

Но ее сердце говорило другое.

Глава 47

Итак, мы готовы к собранию, – произнес Колтон.

Он развалился в одном из старинных кресел – их вынесли из дома в теплый тихий вечер. Учитывая ту невероятную роскошь, в которой он жил, Флора понять не могла, почему он постоянно болтается здесь. Впрочем, нет, она понимала: у Колтона был роман с ее братом. Но если бы она сама жила в таком прекрасном месте, как «Скала», она бы его не покидала. Финтан сидел на подлокотнике кресла Колтона, время от времени прислоняясь к своему другу, – он являл собой картину абсолютного счастья.

Все пили пиво, и Флора, целый день разбиравшаяся с делами маслодельни и магазина, наслаждалась вечером, который тянулся до самого рассвета, в итоге сливаясь с ним.

Агот сидела на земле, дергая за ремешки сверхдорогих сандалий Колтона – кожаных, от Гуччи, – он их снял и бросил рядом. Как вообще кто-то мог явиться на ферму в сандалиях и не перепачкать их – это оставалось за пределами понимания Флоры. Может быть, он каждый день надевает новую пару? Агот воткнула в одну из сандалий несколько прутиков и пыталась уже пустить ее в водосброс в качестве кораблика. Флора хотела было привлечь к этому внимание Колтона, но вечер был таким спокойным, им всем нужно было расслабиться, да и в любом случае помешать Колтону говорить было труднее, чем помешать малышке.

– Ты можешь перед собранием отправить всем членам совета по хорошему пирогу? Ежевика как раз созревает, а пироги у тебя сногшибательные, – сказал Колтон. – И добавь к ним сливок.

– Вы имеете в виду прямую и откровенную взятку? – спросила Флора.

– Ничего подобного. Просто небольшой подарок важным персонам и знак уважения к старейшинам этого острова. Которым наверняка уже не нравятся ветряки. Зато нравимся мы с тобой.

– Вы уверены, что это не настроит их против вас еще сильнее? – усомнилась Флора. – В особенности преподобного Андерссена. У него пунктик насчет неподкупности.

– Человеку, который так заботится о своем животе, следует послать огромный пирог. Ну, Впрочем, как получится.

– Все равно они будут стоять на своем.

– Да ладно! Я уже нанял на работу половину города. И всего-то и

прошу что пару сотен метров. Которые, кстати, легко будет оплатить из тех налогов, что мне придется заплатить за наем людей. Ты знаешь, что в вашей стране еще и полагается оплаченный отпуск по беременности и родам? Кто будет платить? Опять же я!

– Ну да, мы же здесь все чокнутые.

– Ладно, тебе ведь такой отпуск не понадобится?

– Ой, перестаньте! – огрызнулась Флора.

– Нет, я серьезно. Что случилось с тем симпатичным парнем, который все время тебе звонил?

Флора вздохнула. Это было, мягко говоря, неловко, тем более что ей казалось, что она наконец-то перестала быть центром сплетен Мура.

На следующий день после исчезновения отца Флоры Чарли в последний раз заглянул в «Летнюю кухню».

Его здоровенное тело закрыло собой весь дверной проем. Флора заглянула в его доброе лицо и голубые глаза и сразу разволновалась.

Чарли не был тем жарким пламенем, что сразу обжигает и могло бы мгновенно зажечь саму Флору. Нет, он тлел мягко, как угольки. С ним можно было находиться рядом, он был способен греть долгое время. Флора подошла к нему:

– Тиарлах?

И тут она увидела нечто в его лице... А затем появился длинный хвост – дети были разными, как догадывалась Флора, хотя их бледные истощенные лица выглядели одинаково. Они благоговейно прижимались носами и грязными ладошками к окнам розового дома.

– Прости... – произнес Чарли.

– За что? – изумилась Флора. – Ты вроде собирался поговорить с Джен.

– Поговорил. – Чарли криво улыбнулся. – Она намерена заставить своего отца забрать деньги... ну, в общем... И тогда придется закрыть дело. Пропадет все то, что мы создали, ради чего трудились.

Флора икнула, остро осознавая, что Айла и Иона изо всех сил делают вид, что не подслушивают, затаившись в кухне.

– Да, слишком дорого обошлось бы, – тихо сказала она. – Я понимаю. Конечно.

– Нет, не понимаешь, – грустно возразил Чарли, поднимая большущую руку и осторожно касаясь ее волос.

– Понимаю...

У Флоры сжалось горло. Конечно. Она того не стоила. И знала это. Сколько раз ей нужно повторять один и тот же урок, чтобы она его

запомнила? Она просто не нужна. Недостаточно нужна.

Чарли отчаянно встряхнул головой.

– Нет, – повторил он, – не понимаешь. Я бы сделал это не раздумывая... начал бы все сначала... – Голос его прервался.

– Тогда почему ты...

– Потому что все это не имеет значения. Если у тебя нет таких же чувств ко мне, какие есть к тебе у меня. А у тебя их нет.

Флора, ошеломленная, густо покраснела:

– Что? Но... мы могли бы...

– Нет, Флора, – криво усмехнулся Чарли. – Я пытался... надеялся. Надеялся, что смогу понравиться тебе больше, чем он. Но в твоих глазах всегда остается кто-то другой. Ты не умеешь притворяться.

– Ну и чушь! – рассердилась Флора.

– И Джен тоже мне говорила.

– А, прекрасно! Замечательно! Я рада, что она знает! – с горечью бросила Флора.

– Я тоже видел его в твоём доме.

– Но он уже уехал! И это было просто...

Она хотела сказать, что это ничего не значило, но не смогла. Не смогла сказать так. Это, возможно, ничего не значило для Джоэла. А для нее это значило все.

– Ох, Флора, – мягко произнес Чарли, заглядывая ей в лицо. – Лучше холодная постель, чем никакой постели.

Флора лишь смотрела на него во все глаза.

– Удачи тебе во всем, – продолжил Чарли.

А потом собрал свой отряд, чтобы увести прочь.

– погоди! – крикнула Флора. – погоди!

Она схватила большой поднос с печеньем, испеченным этим утром, и пересыпала все в пакет.

– Вот, – протянула она пакет детям. – Возьмите. Желаю приятной прогулки по Муру.

Дети, в первое мгновение насторожившись, тут же столпились вокруг пакета, радостно болтая, а Чарли стоял в сторонке, провожая взглядом Флору, которая шла обратно в лавку.

Иона и Айла стояли в глубине комнаты, перебирая пальцами фартуки. И хотя Флора была слишком погружена в себя, чтобы обратить на них внимание, Айла шагнула вперед:

– Эй, Флора...

– Да... – откликнулась та, все еще пытаюсь разобраться в том, что произошло.

Даже если между ней и Чарли вспыхнула в какой-то момент искра, теперь она погасла, и Флора не могла справиться с разочарованием, потому что Чарли был не таким, как она ожидала. Он в итоге оказался недостаточно смелым. Не смог рискнуть. Черт побери, черт побери...

– Мы с Ионой тут поговорили, и... ну...

– Я хочу сказать, мы подумали, – продолжила Иона. – Ну, мы тут многому научились: как вести дело, как печь и готовить, и... ну...

– Мы решили, – уточнила Айла, более храбрая из них, – если ты вдруг надумаешь остаться... ну, в общем... мы тоже останемся. Если ты захочешь вести это дело не только до конца лета.

– И Рорих Маклеод остается, – дерзко заметила Иона.

– Это тут ни при чем! – сердито бросила Айла.

– Очень даже при чем.

– Он уже получил работу у Колтона Роджерса. Будет ухаживать за его садами, – гордо сообщила Айла. – Чтобы поддерживать всю красоту.

– Что ж... это мило, – ответила польщенная Флора. – Но я... я должна вернуться в Лондон. Но я могу поговорить с Финтаном насчет тебя. Да ты, наверное, и сама сможешь со всем справиться.

Девушки пришли в ужас, и Флора вспомнила, что они еще очень молоды.

– То есть с небольшой помощью, – уточнила она.

– Ага, – кивнула Иона. – Если ты будешь нам помогать.

– Я смогу, наверное, приезжать почаще... – неуверенно пробормотала Флора.

– Все очень огорчатся, если розовый дом снова опустеет, – сказала Айла.

– Да, пожалуй, – согласилась Флора. – Но...

Девушки выжидающе смотрели на нее.

– Я не могу, – сказала Флора. – Я живу в доме отца... Ладно, давайте работать.

Они продолжили разговор.

– Лодка хорошая, дядя Колт?

– Дядя Колт? – одними губами повторила Флора, глядя на Иннеса.

Тот лишь пожал плечами в ответ.

Колтон посмотрел на свою забрызганную сандалию, плававшую в грязной воде.

– О, отличная! – сказал он. – Ну и в любом случае, если все до единого на Муре перестанут гореть желанием выудить у меня все до последнего цента, я буду чрезвычайно благодарен.

– Однако вы могли бы дать многим кухням шанс показать, на что они способны, – сказала Флора.

Колтон посмотрел на нее:

– Но ты ведь отлично справляешься. А кто знает, что могут другие?

– Я не так уж хороша, – краснея, возразила Флора. – И вполнину не так хороша, как моя мать.

– Дело не в этом, – ответил Колтон. – Дело в умении организовывать и управлять, в способности доводить дело до конца. Ты вникаешь во все, как отличный юрист. Я могу положиться на тебя. Тебя хорошо воспитали.

Все на несколько мгновений затихли, а Флоре показалось, что она вот-вот заплачет. Но к счастью, Агот, гоняясь за уплывающей сандалией, споткнулась и шлепнулась среди переполошившихся кур и тут же завизжала, дав Флоре возможность отвлечься.

– А кто еще придет вечером в городок? – спросил Колтон.

Флора улыбнулась и вздохнула.

– Придут все до единого, – ответила она. Но тут же уточнила: – Почти все.

Глава 48

Флоре позвонил Кай, и она рада была его слышать.

Но Кай явно нервничал.

– В чем дело?

– Ну... есть хорошие новости, а есть и плохие.

– Ох... – выдохнула Флора. – Ладно. Начни с хороших. Нет, с плохих.

Нет, с хороших. Нет...

– Уймись! – перебил ее Кай. – Ладно, сначала немножко хорошего.

Первое – я собираюсь к вам.

– Ты приедешь сюда?!

– Да, на какое-то глупое собрание.

– Собрание городского совета. Ну конечно. Боже мой, но почему ты?!

– А это уже другая новость, – сказал Кай.

Флора почувствовала невыносимую тяжесть в желудке. Она не хотела слышать то, что должен был сейчас сказать Кай.

– Меня повысили, Флора. Признали наконец.

– Давно пора.

– Потому что Джоэл...

– Он принял предложение Колтона... – неживым голосом произнесла Флора.

Кай промолчал.

– Лос-Анджелес или Нью-Йорк?

Как будто это имело значение!

– Думаю, Нью-Йорк, – ответил Кай. – Он передал все мне. Извини. И тем не менее. Хороший шанс для тебя покончить с этим!

Флора никому не смогла бы об этом рассказать. Даже Лорне. Чем они могли ей помочь? Стали бы говорить, что Джоэл – настоящая задница и что ей гораздо лучше будет без него? Ну, она и сама это знала.

Она вспомнила продолжение их разговора.

– Конечно, – сказала она. – Просто замечательно, что ты приедешь!

Это было чистой правдой, она соскучилась по Каю за то время, что провела на Муре.

– Как раз будет Лугнасад.

– Звучит скромно.

– Наоборот! Это большой языческий праздник, зажигают множество костров, танцуют. Поверь, тебе понравится.

- А, попойки в стиле викингов?
- Хм... ну да.
- Это же обалденно! Готов развлекаться!

Все настроились на собрание, после которого должен был начаться праздник. «Летняя кухня» закрывалась на вечер, зато отелю «Харборс рест» предстояла бурная ночь. Сначала должно было состояться факельное шествие вокруг деревни, под музыку, до самого Бесконечного пляжа. Там всегда поджигали своеобразный шалаш из веток терна – он символизировал зеленого летнего человека, время которого подошло к концу, – и отправляли его на плоту в море.

Погода стояла теплая и ясная, везде витали ароматы осени. Флора отправилась в аэропорт встречать Кая, надев твидовую юбку и джемпер с Файер-Айленда, с зеленой вышивкой, снова сделавшей ее глаза зелеными.

Кай спустился по маленькому трапу, энергично размахивая рукой. Флора была чрезвычайно рада его видеть.

- Боже мой, ну и местечко! – воскликнул Кай.

В дорогом костюме, сшитом на заказ, Кай выглядел как некое экзотическое существо. Он окинул взглядом высокие скалы, спрятавшийся среди них городок, волны залива:

- О черт, ты только посмотри!
- Ну... – усмехнулась Флора.

– Нет, серьезно, – покачал головой Кай. – Это и есть то место, по которому ты тосковала с тех самых пор, как мы познакомились?

Флора молча потащила его к «лендрроверу», где Кая шумно приветствовал Брамбл, сразу облизав его.

– Черт... Флора! – сказал Кай. – Я вырос в Лондоне, в Тоттенхэме! А тут... Что он себе позволяет?

Однако Флора радовалась возможности показать Каю Мур в наилучший момент. Солнце начинало слегка клониться к закату, отлив равноденствия увел воду залива так далеко, что открылись прекрасные песчаные пляжи, заполненные птицами. Кай задохнулся от восторга, увидев взлетающего аиста, огромные крылья птицы казались розовыми в лучах низкого солнца. Потом он и вовсе разволновался при виде того, как на тюленя, выбравшегося на скалу, упал луч света.

- Я хочу иметь такого дома! – заявил он. – Это все, о чем я прошу!

– Он тебя здорово покусает, – предупредила Флора. – Да и на вкус не слишком хорош.

- Флора!

Потом Кай испустил восторженный вопль, увидев очаровательную «Летнюю кухню». Хотя обычно он избегал углеводов, тем не менее слопал большой кусок фруктового пирога, зажмурившись от наслаждения.

– Переезжаю сюда! – заявил он. – Ты сумасшедшая, я уверен!

Еще больше восторгов последовало тогда, когда Флора привезла Кая в «Скалу», наконец-то полностью готовую к приему гостей, чтобы он распаковал свои вещи. С легким оттенком грусти Флора проводила его в прекрасную, как она и предполагала, спальню с глубокими диванами, мебелью из тщательно обработанного плавника и, конечно, с невероятным видом из окон.

Иннес как раз находился в автомобильном парке Колтона, он привез множество каких-то коробок. Флора позвала его. Кай оживился.

– Это просто один из нас, Маккензи, – предупредила его Флора.

– Ну, как скажешь, – нахально откликнулся Кай.

Флора представила их друг другу:

– Это Иннес, директор «Фермы Маккензи лимитед». А это Кай, мой новый босс.

Кай отмахнулся. Бумаги о назначении были подписаны всего пару недель назад, он еще не привык к своему положению.

– А вы уже бывали на Лугнасаде? – спросил Иннес.

– Не думаю.

– Это ужасно шумно, – сообщил Иннес.

Флора усмехнулась.

– Ты понравишься Агот, – сказала она Каю.

– Кому?

Встреча должна была состояться в общественном доме деревни в половине седьмого. На собраниях совета разрешалось присутствовать всем, но обычно мало кто туда приходил. Однако этим вечером зал был почти полон, люди явились узнать, как обернется дело с Колтоном. Заберет ли он все, что привез на Мур, если не добьется своего? Или все будет в порядке?

Флора, нервничая, сидела с грудой документов между Каем и Колтоном, а по другую сторону от Колтона сел Финтан. Явились члены совета. Отец Флоры, Мэгги Бьюкенен с неподвижным лицом, мистер Матисон, отец Джен, – он окинул взглядом толпу и нахмурился, увидев Флору. Та вздохнула. Это не сулило ничего хорошего. Потом вошел преподобный, с крошками пирога у рта. Этот знак выглядел уже лучше. Затем появился старый друг Эка Грегор Коннолли, потом Элспет Гранж и, наконец, – миссис Кеннеди.

Флора легонько коснулась плеча Колтона. Им предстояло долгое нудное дело.

Джоэл сидел в своей великолепной, изысканной квартире. Он не мог успокоиться. Он знал, что собрание совета острова состоится сегодня. Это было глупо. За свою карьеру он одержал множество блестящих побед, много раз побеждая мелкие компании в пользу крупных. И это нынешнее дело выглядело чистым абсурдом, речь ведь шла просто о каком-то куске территории, а не о планировании.

В Лондоне было по-прежнему жарко и душно. Джоэлу не хотелось выходить на улицу. Слишком много людей вокруг, они кричат что-то в свои телефоны, налетают на тебя, рисуются... Они везде. Он не хотел отпрапляться на прогулку. Сидеть в каком-нибудь нелепом баре, болтать об одном и том же с одинаковыми женщинами, исподтишка любующимися собой в барных зеркалах и то и дело хватающихся за телефоны, чтобы сделать очередное селфи.

Джоэл посмотрел на часы. Кай должен был позвонить ему, сообщить о результатах. Джоэл подумал о том, как усердно работала Флора, как добивалась успеха. С ней все будет в порядке. Она, наверное, сейчас с тем здоровенным парнем...

Джоэл провел ладонью по волосам. Почему так жарко? Кондиционер включен, но дышать все равно нечем. Джоэл расхаживал по комнатам, как леопард в клетке зоопарка.

– И наконец, – заявила Мэгги Бьюкенен, которая была председателем, – мы переходим к плану установки ветряной электростанции на севере Мура.

– Я против! – вскочил Колтон.

Мэгги строго посмотрела на него поверх очков:

– Все в свое время, мистер Роджерс. – Она заглянула в лежавшие перед ней бумаги. – Здесь вроде бы все в порядке.

Флора встала.

– У меня есть, – четко начала она, – петиция, подписанная многими местными жителями. Они высказываются против.

– Отлично, – ледяным тоном произнесла Мэгги. – Однако им ведь не придется смотреть на ветряки.

– Нет, но моим гостям придется, – возразил Колтон. Все уставились на него. – Послушайте, мэм... Вы должны понимать, что здесь прекрасные места. Они необычные, особенные, вам не кажется?

– Мне не кажется, что туманные пейзажи нашего острова как-то по-особому полезны. Здесь совершенно реальное место, и оно нуждается в хорошем благоустройстве. А дешевое электричество как раз тому и способствует.

– Нет доказательств тому, что оно действительно будет дешевым, – сказала Флора. – А кроме того, будет потревожена дикая природа...

– Только крачки, – заявила Мэгги. – А их более чем достаточно.

– Мэм, я люблю это место! – Колтон снова встал. – Я вложил в него много денег.

– Пришлось, – заметил Фрезер Матисон.

– И мне хочется называть этот остров домом, – продолжал Колтон. – Я бы этим гордился. Я хочу продолжать инвестиции. Жители Мура были добры ко мне, и я отплачу им тем же. Сделаю так, чтобы здесь все шло хорошо. Только и всего. А потому нижайше прошу позволить перенести ветряную станцию дальше.

– Это дорого обойдется, – проворчал Эк, не глядя на Флору.

– Но мнение... – вставил преподобный.

– Это ведь не общее мнение? – спросил мистер Матисон.

– Остров принадлежит всем, – напомнил Колтон. – И я хочу, чтобы все это почувствовали. Насколько смогу. Я много ездил по миру и считаю, что Мур – самое прекрасное место на земле. Мне хочется, чтобы другие гордились его красотой так же, как горжусь я. Чтобы все, кто сюда приезжает, чувствовали то же самое с той самой секунды, как они ступят на остров.

– Слушайте, слушайте! – воскликнул Кай.

Флора изумленно смотрела на Колтона. Он ведь действительно испытывал такие чувства... И люди в зале согласно кивали. Люди, о которых Флора всегда думала, что им хочется убраться отсюда, что они мечтают о свободе... Но это было не так, осознала наконец она. Этот остров и был свободой. Домом и свободой.

– Я люблю этот остров. Здесь я дома. Что еще я должен сказать?

В зале разразились аплодисменты. Колтон сел. Финтан сжал его колено. Флора стиснула его плечо.

– Отлично! – прошептала она, слегка потрясенная.

Глава 49

Э-э-э... привет. А доктор Филиппосис там?

– Джоэл, дорогой! Это Марша. У него клиент. Ты как, в порядке?

– Ну... да. Извини. Я могу перезвонить...

Марша всегда с особой нежностью относилась к серьезному, беспокойному мальчику; если бы ее собственные дети не были тогда так малы и не требовали постоянного внимания, она бы похлопотала об усыновлении.

– Джоэл, – начала она, – я ведь не врач.

– Ну да, – согласился Джоэл, расстегивая воротничок рубашки.

Почему ему было так жарко?

– Но мы так давно ничего о тебе не слышали. А теперь ты звонишь почти каждый день.

– Могу перестать, – начиная впадать в панику, сказал Джоэл.

– Нет, Джоэл! Ты меня не слушаешь. Все как раз наоборот. На самом деле мы очень надеемся, что ты будешь проводить с нами какое-то время, когда вернешься в Нью-Йорк.

Джоэл судорожно сглотнул:

– Мне бы этого хотелось.

Это уже прогресс, подумал он. Полгода назад он скорее пожелал бы прогуляться в космосе, чем признал бы, что в ком-то нуждается.

– Вот и хорошо, – сказала Марша. – Но дело ведь не в этом?

– Ты терапевт покруче дока, – вздохнул Джоэл.

– Я вообще не терапевт, – возразила Марша. – Но я мать.

Джоэл немного помолчал.

– Ты потихоньку расстался с той девушкой? Мягко? – негромко спросила Марша.

– Не думаю, что для нее это имеет значение, – ответил Джоэл.

– Тебе так кажется? А вдруг для нее это имеет значение?

– Нет.

Джоэл подумал о тех агрессивных блондинках, которые постоянно досаждали Марго.

– Нет, она не станет досаждать.

– Может быть, – согласилась Марша. – Но возможно, это потому, что она другая.

Оба они надолго замолчали.

– Я не стану говорить, что может случиться наихудшее, Джоэл, – заговорила наконец Марша. – Я знаю, что это такое. Женщины постоянно исчезают из твоей жизни. Вот и все. И если ты хочешь, чтобы доктор дал тебе позволение... ну, этого не будет. Он не может. Он терапевт и не может указывать тебе, что делать. – Она улыбнулась. – А я могу.

Глава 50

Хорошо, – с суровым видом заговорила Мэгги. – Пора голосовать. Кто за то, чтобы ветряную станцию поставили там, где задумано, поднимите руки.

Вверх взлетела рука мистера Матисона. Флора мельком подумала, не вложил ли он деньги в прибрежную ветряную электростанцию. Потом...

Элспет Гранж. Преподобный.

– Преподобный! – чуть было не воскликнула Флора.

Но он хотя бы выглядел немного смущенным.

Все замерли. Еще одна рука – и они проиграли. Флора посмотрела на отца, отчаянно покрасневшего. Конечно, он имел сейчас шанс проголосовать против человека, ворвавшегося в его жизнь, купившего его ферму, уведшего его сына... Он не мог смотреть на Колтона. Флора поняла, что отцу сейчас очень тяжело.

Но он не стал поднимать руку. Сердце Флоры чуть не разорвалось от любви к нему.

– А кто против?

Первой медленно поднялась рука Эка. Потом очнулась миссис Кеннеди, и Флора радостно стиснула кулаки. Грегор, конечно, тоже был «за», из солидарности с Эком. Флора и Колтон переглянулись. Теперь все зависело от Мэгги. Достаточно ли они поработали? Они чуть придвинулись друг к другу.

– Черт, да это интереснее любого судебного процесса! – пробормотал себе под нос Кай.

Мэгги долго молчала. Потом наклонилась вперед.

– Мистер Роджерс, – заговорила она, – на меня произвело впечатление ваше... запоздалое, но все же четкое признание нашей коммуны, и я очень надеюсь, что вы продолжите...

Она в упор посмотрела на Флору, и та поежилась.

– Ваша очевидная любовь к этому острову и всему, что мы здесь имеем, достойна восхищения. А приложенные вами усилия весьма полезны для нас.

Колтон встал с благодарным видом:

– Большое вам спасибо, миссис...

Она жестом заставила его замолчать:

– Именно поэтому я уверена, что вы согласитесь с тем, что новые

вложения также не за горами, они послужат к пользе каждого из местных жителей, временного или постоянного. И, учитывая вашу страстную позицию, я решила не ставить ветряную электростанцию перед «Скалой».

Она замолчала. Колтон и все Маккензи восторженно уставились на нее.

– И чтобы сохранить для гостей изысканные пейзажи, я предлагаю передвинуть ветряки на три километра к западу – это не обойдется слишком дорого, и там они будут отлично работать.

Все застыли. Колтон выпрямился:

– Вы хотите сказать – поставить их прямо перед моим домом?

– Выбор за вами, мистер Роджерс. «Скала» или дом шотландского пастора – ныне ваш дом. Это второе наиболее приемлемое расположение. Бенбекьюла имеет огромное значение для нашей налоговой базы.

Колтон глубоко, протяжно вздохнул и окинул взглядом всех сидевших рядом с ним. А потом схватился за голову:

– Вы это серьезно?

Флора чуть наклонилась к нему:

– Все зависит только от вас. Только от вас. Вы можете отказаться.

Кай кивнул, соглашаясь с ней.

– Ладно, отлично! – проворчал Колтон. И посмотрел на Финтана. – А ты что думаешь?

– Я не против, – ответил Финтан.

Колтон энергично поморгал, собираясь с мыслями.

– И что? Если ты будешь там жить, они действительно не будут тебе мешать?

– Если я буду там жить, – заливаясь краской, ответил Финтан, – мне вряд ли что-то сможет помешать.

Опять все умолкли.

Колтон повернулся к столу совета.

– Прекрасно, – кивнул он. – Просто прекрасно!

Мэгги Бьюкенен что-то записала в своем блокноте.

– Остались еще какие-то вопросы? – спросила она.

Глава 51

Из зала собраний они шли молча.

– Что ж, все отлично, – заговорил наконец Кай. – Я, похоже, только что проиграл свое первое дело.

– Это не наша юрисдикция, а иностранная, – возразила Флора. – Так что не считается.

Колтон уже схватился за телефон. А Финтан выглядел чрезвычайно взволнованным.

– Кто говорит, что мы проиграли? – спросил он, сияя от счастья.

Выйдя наружу, они сразу очутились в толпе людей с пылающими факелами в руках.

– Начало Лугнасада, – сообщила Флора.

К ним подбежала Лорна:

– Ну, как все прошло?

– Ну... мы вроде проиграли, – уныло ответила Флора.

– Не может быть!

– Ты Лорна? – спросил Кай.

– Ну да! Привет!

Лорна так естественно обняла Кая, что у Флоры тут же поднялось настроение.

– Я думала, что могло быть и хуже, – сказала она. – А так... «Скала» останется такой же прекрасной.

– Да ладно! – засмеялась Лорна. – Наплюй на все! Идем на луг! – Она протянула подруге большую бутылку. – Лугнасад!

Да они и не смогли бы остаться на месте, толпа неслась с огромной скоростью, увлекая их, и они отдались людскому течению, поспешив по дороге в сторону заката и грядущей тьмы, которая, как прекрасно знала Флора, скоро опустится на Мур и повиснет над ним на всю долгую зиму. Смеющиеся лица друзей и соседей теперь освещало уже не солнце, а мигающие огни факелов.

Мимо прошли Айла и Иона, их головы были украшены листьями, символом осеннего листопада и урожая. За девушками следовала целая процессия, тащившая огромного зеленого человека, его должны были сжечь на берегу.

– Да это не остров, а настоящий сумасшедший дом! – кричал Кай, основательно угощаясь медовым напитком из бутылки.

Рядом с ними появился Иннес – без Агот, – и они все вместе направились на звуки барабанов и волынок.

Рорих Маклеод был в этом году избран королем, и раздумывавшаяся Айла сияла, когда он встал на оконечности мыса и поджег зеленого человека, потом чучело водрузили на церемониальный плот.

– Взываем к тебе! – распевно выкрикивал Рорих, когда первые языки пламени пробежали по огромному чучелу.

– *Domnall mac Taidc far vel!*

– *Far vel!* Взываем к тебе! – откликнулась толпа, поднимая вверх чашки и стаканы.

– *Donnchadh of Argyll far vel!*

– *Far vel!*

Пламя уже охватило все чучело. Это была первая по-настоящему темная ночь в году, и со стороны холмов уже напел холод.

– *Dubgall mac Somairle far vel!*

– *Far vel!*

– *Dughall mac Ruaidhri far vel!*

– *Far vel!*

Звучали все новые и новые имена. Чучело уже пылало вовсю, мужчины отталкивали плот от берега. Флора огляделась по сторонам.

Лорна стояла рядом с Сайфом, но они не касались друг друга. У дороги в порт красовалась сияющая новенькая спортивная машина с опущенным верхом. Таких машин на Муре было немного. Флора прищурилась. Чья же это?

К ее немалому изумлению, из машины вылез Хэмиш, а следом за ним... Инге-Бритт!

Флора глазам своим не верила.

– Ты посмотри! – подтолкнула она Иннеса.

– А, ну да, – с улыбкой откликнулся Иннес. – Думаю, он не слишком стремится сберечь свою долю денег за ферму.

– Он действительно хотел красную спортивную машину?

– Давным-давно.

– О боже мой! – засмеялась Флора. – Никогда мне вас не понять!

– *Fingall mac Gofraid far vel!* – продолжал выкрикивать Рорих.

– *Far vel!*

Толпа становилась все более шумной, музыка – все более громкой. Энди не собирался закрывать бар допоздна.

– Мне жаль, что так вышло с твоим первым делом! – крикнула Флора Каю. – Жаль, что я не сумела убедить людей!

Кай посмотрел в ту сторону, где Колтон и Финтан миловались у стола с пивом.

– Знаешь, мне не кажется, что их это беспокоит, – с улыбкой сказал он. – В любом случае не вижу проблемы.

– О чем ты? – не поняла Флора.

– О ветряных турбинах. Мне они кажутся прекрасными, эти ветряки. У них такой вид, словно они выросли из моря. Я их считаю чудесными. Могу поспорить, эта парочка с удовольствием будет на них смотреть в ветреные дни.

Лорна и Флора переглянулись, пожали плечами и чокнулись своими стаканами.

– *Harald Olafsson, far vel!*

– *Far vel!*

Флора подумала о том, что Харальдов на острове множество, и сосредоточилась на огнях факелов, наслаждаясь ночью и лугом. А потом Рорих вдруг замолчал, и барабаны умолкли, и все теперь смотрели на то, что изредка случалось в ночь Лугнасада и на что все надеялись, – начало северного сияния.

Сначала вспыхнули первые бледные полосы света, а потом свет прорезал все небо, в пространстве заплясали желтые и зеленые огни... Все показывали на них пальцами, выхватили телефоны и фотоаппараты. Корабль викингов с догорающим чучелом уплыл в ночную тьму, никем не замеченный, а люди с благоговением смотрели величайший спектакль, который природа представляла в ночном небе.

Флора понемножку отошла в сторону от толпы. Не то чтобы ей это не нравилось, нет. Просто ей необходимо было немножко подумать. Она решила прогуляться по пляжу, зная, что там никого не будет. На мысу она остановилась, наблюдая за невероятным зрелищем над головой, время от времени оглядываясь на освещенных факелами людей.

Неужели она действительно собирается оставить все это? И ради чего? Ради того, чтобы целыми днями перебирать бумаги? Сидеть на судебных процессах? Каждый день снова и снова ездить в битком набитых, воняющих потом вагонах? Разогреть полуфабрикаты в полиэтиленовых упаковках, ожидая, пока запищит грязная микроволновка?

Флора подумала и о том, что говорил Колтон. О милых, свежих лицах Ионы и Айлы, об их волнении и радости из-за тех возможностей, которые давал им Мур.

Флора вздохнула и уставилась на море. И тут в мигающем свете вдруг заметила нечто... никто другой этого не видел, все продолжали смотреть

вверх, а она увидела: несколько китов резвились в волнах, судя по их спинным плавникам, это были косатки. Они взлетали над водой и кружились под северным сиянием. Как будто говорили ей: «Здесь твое место, Флора!»

Здесь она могла быть собой, здесь ее могли ценить не просто как винтик в огромной безликой машине...

Здесь все могло быть хорошо. Не идеально. Но хорошо.

Флора еще какое-то время смотрела в небо. Как это было прекрасно... Когда Флора была совсем малышкой, мать говорила ей, что это танцуют облака, она будила дочурку среди ночи, чтобы та увидела их.

И вдруг, пока она смотрела вверх, один из огней резко вспыхнул и стал красным. Флора прищурилась. Что за черт?! Это не было частью сияния. Это скорее походило на...

Она бросилась бежать.

Глава 52

Колтон без малейших колебаний согласился, хотя Джоэл и принес извинения за неудачу в его деле. Колтон просто отмахнулся, сказал, что подумает об этом потом. А пока ему есть что праздновать. И они скоро увидятся.

Джоэлу уже приходилось летать на частных самолетах, да если бы и нет, он бы все равно не заметил ни дорогих кожаных кресел, ни красавицу-стюардессу. Он смотрел в иллюминатор, его сердце бешено колотилось, он был на грани паники, совершая поступок, совершенно не укладывавшийся в его упорядоченную жизнь. Несколько раз он уже был готов приказать развернуть самолет обратно.

Но он этого не сделал.

– Смотрите, смотрите! – воскликнула стюардесса, когда они уже снижались.

И за окошком вдруг вспыхнули огромные полосы и стрелы света, мерцавшие и танцевавшие, пока маленький самолет готовился к посадке. Джоэл сначала смотрел на них в ужасе, смущенный красотой, а потом сообразил кое-что: он же ни разу не видел Мур в темноте.

В аэропорту никого не было. Джоэл схватил свою сумку, он был в костюме, потому что до самой последней минуты не мог решить, отправится он на остров или нет. Он, наверное, мог снова позвонить Колтону, спросить, не может ли тот прислать машину...

Флора стояла на посадочной площадке, за ее спиной сияло небо, юбку и волосы раздувал ветер...

Они очень долго смотрели друг на друга. Джоэл поставил на землю сумку. Они не побежали навстречу друг другу. Как ни странно, момент казался слишком важным для этого. Когда Флора сделала первый шаг вперед, ей показалось, будто она двигается под водой. Джоэл тоже шагнул, и понемногу они сблизились. А потом оба остановились, словно между ними провели невидимую черту. Она смотрела на него, слегка стиснув зубы, как будто пыталась взять себя в руки.

– Если ты сделаешь еще шаг, – заговорила она... – Если ты сделаешь еще один шаг... Ты должен понимать. Ты должен... Я не могу. И не стану. Ты понимаешь?

Он понимал. И ему было очень трудно. Он уставился на собственные

ботинки. Сделает ли он этот последний шаг? Сможет ли?

И тут вдруг раздался оглушительный лай, на них набросился лохматый ком. Брамбл просто не способен был позволить Флоре уйти без него в такую волнующую ночь. Ни за что. Флоре пришлось оставить его в «лендровере», но Брамбл был псом опытным, он просто выбрался через багажник. И теперь скакал вокруг Джоэла, выражая одобрение и радость при новой встрече.

Флора в ужасе смотрела на них.

Но Джоэл широко улыбнулся.

– Привет, – сказал он. – Привет, Брамбл!

Он опустился на одно колено, прямо на гудрон, и начал почесывать живот Брамбла, что псу безумно нравилось.

Флора моргнула.

– А тебе нравятся собаки, – отметила она.

Джоэл встал и поправил очки.

– Да кому же они не нравятся, черт побери?! – сказал он. – Но ты все равно нравишься мне больше.

И он шагнул вперед.

Глава 53

Президентский люкс в «Скале», вообще-то, не был предназначен для неудачников, как заметил Колтон, зато оказался именно таким, как того хотелось бы Флоре. В камине горел огонь, в туалетной комнате стояла огромная ванна на лапах. Снаружи уже было темно, северное сияние погасло, зеленый человек давно уплыл, догорая, но если открыть окно, можно было и до сих пор слышать шум позднего веселья.

В спальне красовалась просторная кровать под балдахинном. Флора нервно посмотрела на нее.

Джоэл остановился в дверях.

– Ты... Я хочу сказать, мы ведь не обязаны, – произнес он, все еще сомневаясь.

– Нет, – быстро возразила Флора. – Я хочу этого. Очень.

И тогда Джоэл осторожно расстегнул на ней платье, обнажив белые плечи.

– Кожа не как у тюленя, – с улыбкой сказал он, целуя ее.

Флора посмотрела на него своими светлыми глазами и тоже начала медленно его раздевать. Джоэл понял, что ничего из того, что он прежде делал с женщинами, не было таким пугающим и таким нежным, как то, что происходило сейчас. Начиналась совершенно новая история.

Им обоим хотелось плакать. Но это не имело значения.

Когда на следующее утро Джоэл проснулся, один в огромной постели, его внезапно охватила паника – но тут он увидел оставленную для него записку.

Он натянул на себя синий джемпер, давным-давно купленный для него Марго, потом джинсы и в таком виде отправился к причалу. Садясь в лодку, он вспомнил, что нужно как следует отблагодарить Берти.

Джоэл просто умирал от голода. Слава богу, Флора была там, перед «Летней кухней». Соблазнительные ароматы уже расплывались в свежем утреннем воздухе. Флора обернулась и, увидев его, просияла и бросилась навстречу. Поцеловала на глазах у всех помощниц и тех, кому случилось проходить мимо. Ей было плевать на всех, и Джоэл, к собственному удивлению, понял, что ему тоже все равно.

– Дай поесть! – сказал он.

– Одну минуту! – с улыбкой ответила она.

– А что ты делаешь?

Флора показала вверх:

– Ну, сразу два дела. Первое: хотя мне и хотелось бы навсегда остаться в «Скале», все-таки, наверное, придется снять квартиру. И как раз здесь, над «Кухней», она имеется. Вот я и думала о ней. – Она внимательно посмотрела на Джоэла. – А второе...

Иона и Айла осторожно опустили на веревках часть вывески над дверью – ту, на которой стояло слово «летняя».

– Она больше не только летняя, – объяснила Флора.

– И ты чем-то заменишь это слово? – спросил Джоэл.

– «Анни», – после паузы ответила Флора. – Анни. Так звали мою мать.

Джоэл кивнул.

Флора нагрузила полный пакет всякой всячины – она явно собиралась взять выходной, – и они рука об руку отправились обратно в «Скалу». Они не заметили Лорну, шедшую на работу, и того, как та остановилась и, вздохнув, пошла дальше. Но все остальные, встречавшиеся им на пути, хотя в большинстве и выглядели неважно после веселой ночи, махали им руками, приветствуя. Для Джоэла это было крайне непривычно.

Они вернулись в постель, рассыпая вокруг себя крошки. Флора хихикала, что-то несвязно бормотала от счастья и восхищения. А потом лежала, прижавшись к Джоэлу, прислушиваясь к его мерному дыханию.

– Не уезжай, – прошептала она.

Джоэл тут же открыл глаза.

– Разве может простой смертный противиться зову сирены, морского духа, зовущего его? – сказал он, поглаживая ее удивительные волосы.

– Но ты ведь собираешься работать на Колтона? Кай говорил, ты едешь в Нью-Йорк.

– Да, конечно, – кивнул Джоэл.

На лице Флоры отразилось смятение.

– Ну... – пробормотал Джоэл. – Это же всего пять часов лета от Рейкьявика. Учитывая, что ты живешь на краю света, думаю... я мог бы ездить на работу.

– В Нью-Йорк?

– Колтон ведь почти все время будет здесь, так что, если я ему понадобится... Может, он и не добился того, чего хотел, с этими ветряками. Но никто ведь не станет отказываться, если он проведет сюда широкополосную сеть телевидения и Интернета.

– Не станут, точно, – согласилась Флора. – О черт побери...

– И у меня... у меня есть некие друзья в Нью-Йорке, с которыми мне

хотелось бы тебя познакомиться.

– О черт...

– Хватит повторять одно и то же! – засмеялся Джоэл. – Но вообще-то, я знаю, как тебя остановить...

Он погладил ее по спине.

– Почему я не могу оторвать от тебя глаз? Почему мне постоянно хочется прикасаться к тебе? Это чары – да, точно.

– Чары, – подтвердила Флора.

Она повернулась и посмотрела на Джоэла своими невероятными глазами, и ему захотелось утонуть в них...

А она мельком подумала: и как долго продержатся эти чары? Но когда кого-то зачаровываешь, все равно ведь не знаешь наверняка...

Потом она заснула. И во сне все вспомнилось.

Когда-то, давным-давно, когда в окна колотил ледяной ветер, на север плыл некий корабль, он ушел далеко за острова, в бурные синие моря.

Он шел через лед и снег, и наступила весна, и айсберги двинулись с полюса, наполняя воды опасностью, хотя и были прекрасными, отражая все краски моря и неба, белизну снега и воздуха, скал и камней, вмержших в никому неведомый мир.

Но девушка...

– Она была похожа на меня? – спрашивала Флора.

А мать улыбалась и говорила:

– Да, она была энергичной, шумной, и у нее были глаза цвета воды, как у тебя.

И Флора, довольная, улыбалась.

Но девушка не была счастлива. Она молчала и была полна решимости покинуть корабль, который вез ее туда, где ей не хотелось оказаться, просто у нее не было выбора.

Она с любопытством рассматривала проплывавшие мимо айсберги, похожие на маленькие острова.

А капитан тревожился и заставлял корабль двигаться все медленнее и медленнее, чтобы не оказаться в ловушке в этом странном, прекрасном, сверкающем море льда.

Однажды утром, когда взошло солнце, они увидели, что дрейфуют рядом с самым огромным из всех айсбергов, какие они только видели. Это была настоящая гора, сияющая ледяная глыба. Деревянный корпус корабля задел его, закрипел и застонал, но крепкий дуб выдержал.

Капитан выругался и встал к рулю, молясь о том, чтобы его корабль не разбился. Резко повернув, он сумел пройти мимо гигантской ледяной

горы и вырваться в открытое море. Тогда капитан, обливаясь потом, вознес благодарственную молитву.

Потом он повернулся к залитой солнцем палубе, потому что один из матросов закричал. И тут капитан, к своему ужасу, увидел, что девушка ушла, легко перешагнув с палубы корабля на ледяную гору, и теперь, когда он, не веря своим глазам, смотрел на нее, она шла по айсбергу так, словно он был ей родным домом.

– Вернись! Вернись! – закричал боцман.

Но тут поднялся ветер, корабль погнало вперед, а когда они наконец сумели повернуть его обратно, поверхность айсберга опустела, и хотя они искали девушку до темноты, но не нашли даже ее следов. И капитан, когда объяснял потерю драгоценного груза, с горечью сказал, что никто ведь не способен выжить в таком месте...

– Точно нельзя? – спрашивала Флора, думая о том, как было бы замечательно жить на острове из снега и льда и как это было бы необычно. – А она там так и жила?

– Жить можно в самых разных местах, – отвечала ей мать. – Мне бы хотелось думать, что ты увидишь разные миры, много самых разнообразных земель и будешь счастлива в любой из них.

– И даже здесь?

– И даже здесь.

Радостно засыпая, Флора задавала последний вопрос:

– А что потом случилось с той девушкой?

– О, она по-прежнему там. И сияет, – отвечала мать.

То есть Флоре казалось, что она так говорила, потому что сон постепенно уносил ее прочь.

– Она сияет, как полная луна, ловит рыбу и помогает заблудившимся морякам вернуться домой... Потому что мы все селки, милая. Это наше призвание.

*Памяти Мэри «Мойры» Колган,
урожденной Макканн (1945–2016)*

Благодарности

Спасибо вам, Мэдди Уэст, Дэвид Шелли, Чарли Кинг, Манприт Гриуол, Аманда Китс, Джоанна Крамер, Джен Уилсон! От всей души благодарю и группу продаж. Спасибо и вам, Эмма Уильямс, Стефи Мелроуз, Фелиса Хауден, Джо Уикхем, и всей команде «Литл, Браун». Спасибо, Джо Анвин, Изабел Адамако-младшая. Выражаю свою глубокую признательность всем вам!

Искренне благодарю организаторов «Факлана» (книжный фестиваль на Гебридах), Библиотеку Оркни, «Уорлдплэй» (книжный фестиваль на Шетландских островах) – за то, что приглашали меня и принимали с потрясающим гостеприимством, когда я приходила в ваши дома. Позовите меня еще!

Рыбацкая песня «The Herring Song», что цитируется в тексте книги, имеет много вариантов (больше 179), но я взяла вариант из удивительного альбома «Red» Элизы Карти.

Особенно я благодарна вам, Доминик Колган, Ларайна Харпер-Кинг и Серена Маккизи.

Рецепты

Пресные лепешки

Шотландские лепешки – круглые, плоские, с хрустящей корочкой. Их лучше есть еще теплыми. Они похожи на то, что американцы называют бисквитами, хотя на самом деле это не так. Печенье яффа – вот это бисквиты.

Вы можете печь или жарить эти лепешки, можете добавлять к ним фрукты – очень хороши, кстати, черника или изюм, – а можете предпочесть острый вкус, добавив вместо пахты тертый сыр и соль – сахар в таком случае не кладите.

- 500 г муки, смешанной с разрыхлителем для теста;
- 50 г сливочного масла;
- 10 мл молока;
- 250 мл пахты;
- 1 яйцо;
- 250 мл натурального йогурта.

Смешайте вместе муку и масло. Добавьте сахар, яйцо, пахту и столько йогурта, чтобы тесто стало вязким.

Вымешивайте, добавляя муку, пока тесто не перестанет липнуть к рукам.

Раскатайте до толщины в один дюйм и нарежьте так, как вам нравится.

Выпекать 12 минут при 160 °С или жарить на смазанной маслом сковородке, пока не зарумянятся.

Джем

Когда я была маленькой и наблюдала за тем, как моя мать готовит джем, это всегда казалось мне чем-то очень хлопотливым, потому что в кастрюлях что-то кипело, булькало и кухня заполнялась паром. Но это не так! Приготовить джем очень просто. Фокус в том, чтобы не пытаться сделать слишком много за один раз. Пары банок вполне достаточно, это займет у вас всего полчаса. Особенно хорош джем из ежевики. Если ежевики у вас маловато, можно добавить пару яблок. Сторонники строгих

правил будут удивлены, но я кладу яблоки. Их нужно очистить и нарезать, добавить немножко воды и на 5 минут поставить их в микроволновку, чтобы размягчить.

Проблема в том, что детям обязательно захочется вам помочь, но это невозможно. Поэтому я заранее покупаю наклейки для банок и отправляю детей украшать эти банки, пока сама занимаюсь самой горячей частью дела.

Я использую сахар для джема, но всегда в последнюю минуту добавляю чуть-чуть пектина, для надежности. Кроме того, нужно еще как следует помыть банки для джема в посудомоечной машине, а потом простерилизовать их.

Итак. Берете все те фрукты, которые у вас нашлись, плюс яблоки, если фруктов не хватает (у малышни при этом могут оказаться подозрительно липкие физиономии).

Далее – сахар для джема, столько же, сколько весят фрукты, или немножко меньше.

Еще понадобятся лимонный сок и кусочек сливочного масла.

Помойте фрукты. Некоторым нравится протирать их через сито, чтобы удалить семена, но я этого не делаю – мне семена нравятся, я пока что не растеряла собственные зубы, так что, возможно, однажды я передумаю.

Сварите фрукты с сахаром на медленном огне, постоянно помешивая. Добавьте выжатый лимонный сок. Когда смесь закипит, добавьте масло, чтобы джем получился блестящим, с гладкой поверхностью. Кипятите 10 минут при непрерывном помешивании. Снимите поднимающуюся пенку и дождитесь, чтобы фрукты окончательно размягчились.

Затем доведите смесь до самого яркого момента: сильного кипения. Вы поймете, что это такое, когда увидите: на поверхность начнут подниматься огромные пузыри. Пусть кипит так еще 5 минут, если у вас ежевика, для клубники – немного дольше. Если у вас есть термометр, то он должен показать 105 °С. Если его нет, не важно, все равно все будет в порядке.

Пусть джем постоит немного, 5 минут, – чтобы слегка остыл, но не застыл совсем – и разливайте его по банкам. Только очень осторожно!

Пирог с мясом, на пиве

Для этого пирога я покупаю слоеное тесто.

- 500 г говядины для тушения;

- 1 банка пива (можно я порекомендую вам светлое пиво из Оркни?);
- 250 г грибов;
- 2 морковки;
- 1 луковица;
- масло для жарки;
- 500 мл говяжьего бульона;
- розмарин;
- пакет слоеного теста.

Разогрейте духовку до 175 °С.

Обваляйте мясо в муке, соли и перце. Быстро обжарьте в масле и оставьте в сторону.

Осторожно обжарьте в масле лук – до золотистого цвета – вместе с морковью. Можете добавить сюда же грибы или использовать для грибов другую сковороду и обжарить их в масле с двумя зубчиками чеснока и белым перцем, что тоже чрезвычайно вкусно.

Положите в сковороду мясо, вылейте пиво и бульон, и пусть все тушится на слабом огне час или два, и сверху положите розмарин. Но не позволяйте мясу сильно кипеть!

Потом вылейте все в термостойкую миску и накройте тестом, проделав в середине дырочку для выхода пара, и, если захотите, украсьте несколькими листочками. Думаю, вы это сделаете, – получится чудесно.

Запекайте 40 минут – или пока верх не станет золотисто-коричневым. Подавайте холодным вечером с картофельным пюре и какими-нибудь зелеными овощами – кочанной капустой, шпинатом, листовой капустой или еще чем-нибудь в этом роде.

Яблочно-миндальный пирог

От всего сердца благодарю мою подругу Сез, наилучшую из известных мне мастериц по фруктовым пирогам.

Тесто:

- 1 1/4 чашки простой муки;
- 1 столовая ложка сахара (или немного меньше);
- 1/2 чашки (примерно 115 г) очень холодного сливочного масла кубиками. Масло лучше нарубить заранее, а потом снова сунуть в морозилку минут на пять, потому что чем холоднее будет масло, тем более рассыпчатым получится тесто;

- щепотка соли;
- 1/8 или 1/4 чашки холодной воды;
- немного сливок и чуть-чуть сахара для обсыпки.

Смешайте вместе муку, соль, сахар и масло до крупных комков. Лучше делать это в блендере: будет быстрее и все останется холодным.

Пусть блендер работает на низкой скорости, а вы понемножку добавляйте воду со льдом, пока тесто не смешается как следует, но останется при этом сухим. Суть в том, чтобы тесто как можно больше походило на песочное, но оставалось вязким. Оставьте его на час в холодильнике, прежде чем раскатывать.

Раскатайте тесто так, чтобы оно подошло по размеру к вашей форме для выпечки. Это тесто весьма склонно к тому, чтобы рваться, поэтому: а) убедитесь, что оно достаточно заходит за края формы, и б) не беспокойтесь, если оно где-то порвется. Просто залепите дырки кусочками теста.

Смажьте его сливками и посыпьте сахаром.

Запекайте под крышкой 15 минут при температуре 180–200 °С. Потом подержите еще минут десять без крышки, пока не станет золотистым.

Миндальный крем:

- 1/2 чашки молотого миндаля;
- 1/4 чашки сахара, лучше ванильного;
- 3 столовые ложки сливочного масла;
- 1 столовая ложка муки;
- 1 яйцо;
- 1/2 чайной ложки ванильной эссенции, если вы используете обычный сахар;
- щепотка соли.

Смешайте сухие ингредиенты, потом добавьте яйцо и ванильный сахар и смешайте все в пасту. Поставьте на час в холодильник.

Яблочный слой:

• 2–3 яблока для еды (не для приготовления!) очистить от кожуры и сердцевин, нарезать тонкими ломтиками, добавить сок и цедру лимона, чтобы придать им пикантности и чтобы они не потемнели;

• баночка какого-нибудь желе. Можете выбрать любое, но мое любимое в данном случае – крыжовенное. Вполне подойдет и простое, традиционное желе из красной смородины, купленное в магазине.

Как только достанете из духовки испекшийся корж, сразу намажьте на него миндальную смесь, чтобы она впиталась в горячее тесто, это сделает

его потрясающим!

Потом как можно наряднее украсьте сверху ломтиками яблок.

И снова поставьте в духовку на 10 минут.

Пока пирог стоит в духовке, выложите желе в кастрюльку и подержите над теплом, помешивая, чтобы оно растворилось. Когда достанете из духовки пирог, вылейте на него желе. Пусть остывает прямо в форме.

---

notes

Примечания

1

Имеется в виду комплимент от шеф-повара.

Дикий хаггис – мифический обитатель Шотландии; якобы именно из него готовят традиционное шотландское блюдо хаггис, которое на самом деле делается из внутренностей овцы.

Имеется в виду один из видов традиционного шотландского танца хайланд; романтически связывается с объявлением вне закона горской национальной одежды после Якобитского восстания 1745 года.

Герой мог сказать так потому, что некоторые острова Шотландии, например Шетландские, расположены близко от Норвегии и долго находились под ее влиянием.